
3 1761 07363492 5

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ П. Л. ЛАВРОВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. ВИТЯЗЕВА.

ВЫП. I



ПЕТРОГРАДЪ
ИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-ВО „КОЛОСЪ“
1921

Кооперативное Книгоиздательское Товарищество
«КОЛОС»
ПЕТРОГРАД. Литейный пр., 21. | МОСКВА. Б. Никитская. 22.

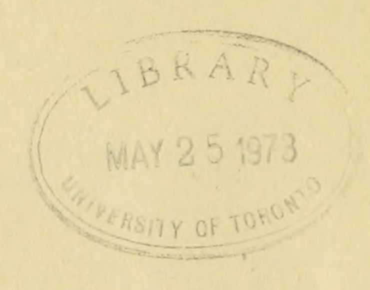
МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ П. Л. ЛАВРОВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. ВИТЯЗЕВА.

ВЫП. I

ПЕТРОГРАДЪ
ИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-ВО „КОЛОСЪ"
1921



14-я Государственная типограф. Птг. Социалистич., 14. Р. В. Ц. Тир. 5000.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Матеріалы для біографіи П. Л. Лаврова» I выпускъ котораго мы сейчасъ выпускаемъ въ свѣтъ ставятъ себѣ слѣдующія цѣли: 1) печатаніе чисто біографическихъ статей и замѣтокъ о П. Л. Лавровѣ; 2) собираніе и опубликованіе писемъ П. Л. Лаврова; 3) собираніе всякихъ документовъ и матеріаловъ, находящихся въ различныхъ архивахъ и имѣющихъ непосредственное отношеніе къ П. Л. Лаврову. По мысли редакціи всѣ эти «Матеріалы» и должны положить начало, какъ бы фундаментъ, для построенія будущей подробной біографіи П. Л. Лаврова.

Врядъ ли есть необходимость доказывать насущную потребность въ подобныхъ «Матеріалахъ». Всякій, кто интересовался личностью П. Л. Лаврова знаетъ, какъ бѣдна и до невозможности скудна въ этомъ отношеніи наша литература. Начиная съ 1866 г. — съ момента ареста Лаврова, его имя было изгнано царскимъ правительствомъ на многіе десятки лѣтъ изъ предѣловъ русской литературы. Благодаря этому, Лавровъ въ буквальномъ смыслѣ слова сталъ «литературнымъ изгнанникомъ». И намъ кажется, что русская литература въ большомъ долгу предъ Лавровымъ, такъ какъ до самаго послѣдняго времени она не могла еще сказать о немъ того, что должна была сказать... Печатая наши «Матеріалы», мы съ одной стороны стремимся заполнить тотъ пробѣлъ, какой образовался вокругъ имени Лаврова въ нашей литературѣ, съ другой—дѣлаемъ первую попытку «уплатить» ему «нашъ долгъ»... Вѣдь не надо забывать, что мы приступаемъ къ изученію жизни П. Л. Лаврова съ опозданіемъ ни болѣе ни менѣе какъ на цѣлыхъ 25 лѣтъ...

Редакція считаетъ необходимымъ замѣтить, что собираніе намѣченныхъ ею «Матеріаловъ» вещь довольно трудная и длительная. Особенно это относится къ письмамъ П. Л. Лаврова. Большинство его писемъ къ цѣлому ряду русскихъ профессоровъ, ученыхъ и литераторовъ было, по просту, уничтожено и сожжено ими. И это вполнѣ понятно. Переписка съ такимъ важнымъ «государственнымъ преступникомъ», каковымъ былъ П. Л. Лавровъ все время въ глазахъ царскаго правительства, сама по себѣ была вещь довольно рискованная и опасная. И рѣдко кто изъ «легальныхъ корреспондентовъ» Лаврова имѣлъ достаточно гражданскаго мужества, чтобы сохранять у себя «вещественныя доказательства» подобнаго «преступленія». То, что сохранилось въ Россіи изъ писемъ Лаврова въ нѣкоторыхъ частныхъ и общественныхъ архивахъ есть лишь жалкіе «крохи» и «остатки» изъ обширной эпистолярной литературы, къ которой Лавровъ чувствовалъ большое

тяготѣніе. Да и самый обширный кругъ его знакомствъ заставляетъ предполагать, что этотъ родъ литературы долженъ былъ быть крайне богатъ, какъ количественно, такъ и качественно. Къ сожалѣнію, бо̀льшая часть этой литературы погибла для насъ безвозвратно. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что огромная часть корреспондентовъ Лаврова относилась къ средѣ эмиграціи и русскимъ соціалистамъ самыхъ различныхъ оттѣнковъ. Эта «среда», какъ извѣстно, менѣе всего способна образовывать архивы и заниматься храненіемъ документовъ для будущаго потомства. Надъ ней все время висѣлъ Дамокловъ мечъ въ видѣ внезапнаго обыска, ареста, полицейскаго розыска и т. п. Требованіе конспираціи и чувство партійнаго самосохраненія заставляли ее все сжигать и въ первую голову свою переписку. Такъ погибла цѣлая масса крайне интересной переписки П. Л. Лаврова съ цѣлымъ рядомъ русскихъ революціонеровъ, какъ напримѣръ, его письма къ Н. А. Морозову и П. А. Кропоткину [1]) и другимъ лицамъ. Вотъ, вкратцѣ, тѣ крайне неблагопріятныя условія, которыя и создаютъ непреодолимыя трудности для розыскиванія и собиранія писемъ П. Л. Лаврова.

Небольшая часть настоящихъ «Матеріаловъ» была нами уже напечатана въ журналѣ «Былое» (№ 15 за 1920 г.). Тамъ была помѣщена статья—«П. Л. Лавровъ въ 1870—73 гг.» и его письмо къ своему сыну. Въ настоящемъ своемъ видѣ онѣ перепечатываются нами безъ всякихъ измѣненій. Исправлены только, вкравшіяся туда опечатки и сдѣланъ рядъ новыхъ библиографическихъ дополненій въ примѣчаніяхъ какъ къ статьѣ, такъ и къ письму.

Въ заключеніе редакція считаетъ своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность Павлу Елисеевичу Щеголеву за полученныя отъ него указанія, а также проф. Николаю Ивановичу Карѣеву за предоставленныя въ распоряженіе редакціи письма Лаврова. Необходимо также отмѣтить то вниманіе, съ которымъ отнесся къ работѣ редакціи Алексѣй Алексѣевичъ Шиловъ, благодаря которому и явилась возможность осуществить въ жизни 3-ю часть, печатаемыхъ нами „Матеріаловъ". Ему же принадлежитъ нелегкій трудъ по розыскиванію документовъ, относящихся къ П. Л. Лаврову въ Историко-Революціонномъ Архивѣ и их комментированіе. Съ чувствомъ особой признательности редакція отмѣчаетъ отношеніе къ ея работѣ, встрѣченное у Бориса Львовича Модзалевскаго, который со вниманіемъ и любовью, поистиннѣ безпредѣльными, помогалъ ей и всѣми своими обширными библіографическими знаніями и всѣмъ своимъ опытомъ по розыскиванію и изученію литературныхъ рукописей.

П. Витязевъ.

Петроградъ.
6 апрѣля 1921 г.

---

[1]) По словамъ Н. А. Морозова у него было свыше 50-ти писемъ Лаврова, хранившихся у Любатовичъ, и затѣмъ уничтоженныхъ. Что же касается П. А. Кропоткина, то онъ по его собственному признанію «уничтожал всѣ письма отъ политическихъ друзей» въ томъ числѣ и отъ П. Л. Лаврова (см. П. А. Кропоткинъ и П. Л. Лавровъ. Вѣстникъ Литературы 1921 г., № 4—5, стр. 14).

I

БІОГРАФИЧЕСКІЯ СТАТЬИ и ЗАМѢТКИ



П. Л. Лавровъ въ 1870—1873 гг.

7-го февраля 1920 года исполнилось 20 лѣтъ со дня смерти Петра Лавровича Лаврова, а между тѣмъ мы до сихъ поръ не имѣемъ его біографіи. Вся его личная жизнь, внутренніе мотивы тѣхъ или иныхъ поступковъ намъ совершенно недоступны. Біографія его—дѣло далекаго будущаго. До сихъ поръ еще не описанъ и не разобранъ громадный архивъ Лаврова. Личная переписка его съ семьей, близкими ему людьми и цѣлымъ рядомъ лицъ не только не опубликована, но даже не собрана и не приведена въ извѣстность. При этихъ условіяхъ всякое письмо Лаврова, появляющееся въ печати, почти всегда даетъ много новыхъ штриховъ для его біографіи, пріоткрывая завѣсу надъ его личной жизнью. Въ этомъ отношеніи громадное значеніе имѣетъ печатаемое ниже письмо П. Лаврова къ своему сыну.

Письмо это касается наиболѣе важнаго шага въ жизни Лаврова, его эмиграціи изъ Вологодской губ. во Францію. Вопросъ о тѣхъ мотивахъ, которыми руководился Лавровъ, совершая этотъ рискованный шагъ, совершенно не освѣщенъ въ русской печати. Одинъ изъ первыхъ біографовъ Лаврова Н. С. Русановъ полагалъ, что онъ бѣжалъ за границу, «желая участвовать въ живой политической борьбѣ» [1]). Начавъ собирать въ 1915 г. біографическій матеріалъ о Лавровѣ, я на его основаніи пришелъ къ совершенно инымъ выводамъ, чѣмъ Русановъ. По моему мнѣнію, конечной цѣлью побѣга Лаврова «была несомнѣнно научная работа» [2]). «Лавровъ—писалъ я дальше,—повидимому, смотрѣлъ на бѣгство, какъ на вынужденный шагъ подъ вліяніемъ правительства, которое ради науки заставляетъ его покидать Россію [3]).

Печатаемое теперь письмо даетъ намъ возможность окончательно рѣшить этотъ вопросъ. «Послѣ двухъ лѣтъ ссылки,—пишетъ въ немъ Лавровъ,—я убѣдился... что въ уѣздномъ городишкѣ я не имѣю никакой возможности продолжать свои серьезные труды»... «Я обязанъ,—пишетъ онъ дальше,—доставить себѣ положеніе, въ которомъ продолженіе моихъ учено-литературныхъ трудовъ было бы возможно». Далѣе онъ считаетъ «безнравственнымъ» продолжать подчиняться тѣмъ условіямъ, которыя отнимали у него возможность «дѣйствовать полезно даже въ скромной сферѣ науки». Изъ всего этого положенія Лавровъ не боится сдѣлать непоколебимый логическій выводъ—«остается попытаться продолжать свои работы

[1]) См. его книгу «Соціалисты Запада и Россіи». Спб., 1909 г., 2-ое издан., стр. 228.

[2]) См. мою брошюру «Ссылка Лаврова въ Вологодскую губернію и его занятія антропологіей». Вологда, 1915 г., стр. 14.

[3]) Ibidem, стр. 15.

за границей». Касаясь эмиграціи, Лавровъ никому не совѣтуетъ прибѣгать къ ней «безъ крайней необходимости» и допускаетъ ее лишь тогда, «когда отрѣзаны всѣ пути къ полезной дѣятельности». Изъ этой фразы Лаврова видно, что онъ на свою эмиграцію смотритъ, какъ на вынужденный шагъ, до котораго довело его само правительство.

Лавровъ былъ, несомнѣнно, правъ, смотря такъ на свое бѣгство. Ссылка на него вліяла самымъ губительнымъ образомъ. «Климатъ на меня дѣйствовалъ вредно,—пишетъ онъ сыну,—черезъ нѣсколько лѣтъ я могъ сдѣлаться совсѣмъ неспособнымъ къ продолженію работъ». Между тѣмъ, всѣ хлопоты за Лаврова въ Петербургѣ его лучшаго друга Е. А. Штакеншнейдеръ о переводѣ его изъ Вологодской губ. въ болѣе южныя губерніи окончились полнымъ отказомъ. Ея личныя поѣздки по этому поводу къ тогдашнему шефу жандармовъ графу Шувалову и управляющему 3-мъ Отдѣленіемъ генералу Мезенцеву только лишній разъ подтвердили, какъ непримиримо относилось къ Лаврову русское правительство [1]). Всѣ многочисленныя прошенія и письма престарѣлой матери Лаврова къ министрамъ и даже самому государю съ просьбой о переводѣ ея сына въ другое мѣсто оставались безъ отвѣта или встрѣчали отказъ. На одномъ изъ этихъ писемъ Александръ II собственноручно написалъ слѣдующую резолюцію: «если это тотъ Лавровъ, что читалъ въ Артиллерійскомъ Училищѣ, то въ просьбѣ отказать» [2]).

Послѣдняя попытка Лаврова добиться переѣзда за границу легальнымъ путемъ, черезъ князя Суворова, окончилась также полнымъ крахомъ. Въ своемъ письмѣ къ Суворову Лавровъ проситъ князя дать ему возможность «возобновить» его «кабинетныя, научныя занятія». «Въ ссылкѣ,—пишетъ онъ дальше,—они невозможны. Хотя я перевезъ до 1000 томовъ своей библіотеки въ Тотьму, потомъ въ Вологду, а теперь въ Кадниковъ, но, не смотря на всѣ мои старанія, я скоро замѣтилъ, что мои работы по исторіи наукъ и по исторіи мысли вообще здѣсь невозможны, и я долженъ ограничиваться эфемерными журнальными статейками» [3]). Въ заключеніе своего письма Лавровъ рисуетъ передъ Суворовымъ то безъисходное положеніе, въ которомъ онъ находится. «Ждать здѣсь,—говоритъ онъ,—значитъ отказаться отъ всякой научной работы въ будущемъ, потому что годы берутъ свое, здоровье долго не вынесетъ» [4]).

Суворовъ, относившійся вообще доброжелательно къ Лаврову и обѣщавшій Е. А. Штакеншнейдеръ переговорить съ графомъ Шуваловымъ, оказался совершенно безсильнымъ предъ всемогущимъ шефомъ жандармовъ. Просить же за Лаврова лично Александра II Суворовъ категорически отказался [5]). Такимъ образомъ, для Лаврова оказались отрѣзанными всѣ легальные пути, чтобы выбраться изъ Вологодской губерніи. Оставался только одинъ выходъ—самовольно покинуть ссылку и бѣжать за границу. И Лавровъ рѣшительно всталъ на этотъ послѣдній путь.

Но на этотъ шагъ Лавровъ рѣшился не сразу. Есть данныя, которыя указываютъ, что Лавровъ въ первые два года своей ссылки былъ увѣренъ, что русское правительство само вспомнитъ о немъ и возвратитъ его обратно въ Петербургъ. М. П. Сажинъ, находившійся вмѣстѣ съ Лавровымъ въ

[1]) Подробно объ этомъ см. въ воспоминаніяхъ Штакеншнейдеръ, «Голосъ Минувшаго», 1915, № 12, стр. 131—138.
[2]) Ibidem, стр. 132.
[3]) Ibidem, стр. 127.
[4]) Ibidem, стр. 130.
[5]) Ibidem, стр. 137.

гор. Вологдѣ (1868 г.), въ своихъ воспоминаніяхъ опредѣленно указываетъ, что «Лавровъ былъ тогда еще увѣренъ, что русское правительство вернетъ его въ Петербургъ, такъ какъ онъ собственно ученый и человѣкъ обыкновенныхъ либеральныхъ взглядовъ, котораго довольно странно карать ссылкой» [1]).

О томъ, что Лавровъ питалъ такія надежды, видно также и изъ его письма къ сыну. «Я ожидалъ,—пишетъ онъ ему,—что раздраженіе противъ меня... пройдетъ, ожидалъ, что моя двадцатилѣтняя дѣятельность, какъ преподавателя, будетъ взята въ соображеніе, и что я вернусь къ своимъ кабинетнымъ, ученымъ занятіямъ». Русская дѣйствительность жестоко разбила эти иллюзіи Лаврова и заставила его самовольно, при помощи извѣстнаго революціонера Германа Лопатина, покинуть Россію [2]).

Впослѣдствіи, находясь уже за границей, Лавровъ никогда не выражалъ сожалѣнія по поводу своей эмиграціи, считая, что онъ въ данномъ случаѣ поступилъ вполнѣ правильно. Такъ, напримѣръ, въ своемъ письмѣ къ Е. А. Штакеншнейдеръ, написанномъ изъ Парижа, спустя 3 мѣсяца послѣ своего бѣгства (17 мая 1870 г.), Лавровъ, касаясь этого факта, пишетъ: «восхищаться тутъ особенно нечѣмъ, но я стою на томъ, *что мнѣ слѣдовало такъ поступить»* [3]). Въ другомъ письмѣ изъ Цюриха, написанномъ черезъ два года послѣ своего бѣгства (1872 г.), Лавровъ указываетъ Е. А. Штакеншнейдеръ, что у него, въ бытность его въ ссылкѣ, помимо эмиграціи, не было другого выхода. «Между прочимъ,—пишетъ онъ ей,—я встрѣтилъ здѣсь одного бывшаго товарища по Тотьмѣ [4]). Онъ прождалъ почти 6 лѣтъ, значитъ, былъ почти вдвое терпѣливѣе меня, а пришелъ окончательно къ тому же результату» [5]).

Могли ли быть у Лаврова, помимо чисто личныхъ мотивовъ, еще и «политическія» соображенія при его бѣгствѣ изъ Вологодской губ., какъ полагаетъ Н. Русановъ? Можно-ли вообще связывать начало соціально-политической дѣятельности Лаврова съ его бѣгствомъ за границу, какъ это дѣлали до сихъ поръ почти всѣ, писавшіе о Лавровѣ? На оба эти вопроса мы должны дать отрицательный отвѣтъ. Не надо забывать, что Лавровъ до своей ссылки занимался только литературно-научной работой, причемъ сотрудничалъ исключительно въ прогрессивно-либеральныхъ органахъ тогдашней печати, какъ то—«Библіотека для Чтенія», «Отечественныя Записки» (въ редакціи А. Краевскаго), «Спб. Вѣдомости» (ред. Корша) и т. п. Съ болѣе радикальными кругами литераторовъ, группировавшихся тогда вокругъ «Современника», Лавровъ не только не былъ близокъ, но даже имѣлъ съ ними литературную полемику (съ Н. Г. Чернышевскимъ и М. А. Антоновичемъ). На этотъ счетъ мы имѣемъ прямыя признанія самого Лаврова. «Мои личныя литературныя сношенія и работы въ концѣ 50-хъ и 60-хъ годахъ,—пишетъ Лавровъ,—*не вызвали большой близости* (курсивъ

---

1) См. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 118.

2) Въ автобіографіи Лаврова есть указаніе, что къ его бѣгству имѣлъ отношеніе А. И. Герценъ (См. «Вѣстн. Европы», 1910 г., № 10, стр. 110). Объ этомъ говоритъ также и Н. С. Русановъ. (См. его книгу «Соціалисты Запада и Россіи», Спб., 1909 г., 2-ое издан., стр. 228 и статью «Лавровъ, человѣкъ и мыслитель», «Русск. Богатство», 1910 г., № 2, стр. 230). Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ документовъ, чтобы можно было болѣе подробно освѣтить этотъ фактъ.

3) См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 107.

4) Въ этомъ городѣ Вологодской губ. Лавровъ провелъ первый годъ своей ссылки.

5) См. «Голосъ Минувшаго», 1916, № 9, стр. 133.

мой. *П. В—въ*) между мною и тою радикальной группой литераторовъ, которая въ это время имѣла самое рѣшительное вліяніе на русскіе умы» [1]).

Съ радикальной и настроенной революціонно-соціалистически молодежью Лавровъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, также не имѣлъ связей и не пользовался среди нея какою-либо популярностью. По свидѣтельству М. П. Сажина, Лавровъ «былъ тогда очень мало извѣстенъ въ рядахъ молодежи. Знали только, что это ученый «философъ». Его считали попросту «либераломъ», при чемъ, по словамъ того же Сажина, даже арестъ Лаврова прошелъ въ средѣ тогдашней радикальной молодежи «почти незамѣченнымъ» и разсматривался ею, какъ «преслѣдованіе либераловъ» [2]). Самъ Лавровъ также подтверждаетъ свою отдаленность отъ соціально-революціонной молодежи конца 60-хъ годовъ. «Радикальная молодежь Петербурга,—пишетъ онъ,—была вовсе не близка ко мнѣ въ послѣдніе годы моей Петербургской дѣятельности, и я не имѣлъ случая сблизиться съ нею *ни во время моей ссылки* (курсивъ мой. *П. В—въ*), ни при проѣздѣ черезъ Москву и Петербургъ при отъѣздѣ за границу» [3]). Изъ этого важнаго признанія Лаврова видно, что даже за все время своей ссылки онъ не сблизился съ соціально-революціонной молодежью того времени и продолжалъ по прежнему стоять въ сторонѣ отъ нея. И Лавровъ былъ вполнѣ правъ и глубоко искрененъ, когда онъ въ одной изъ своихъ заграничныхъ рѣчей заявилъ, что онъ, эмигрируя, «вынесъ съ собою изъ Россіи скорѣе репутацію умѣреннаго и нѣсколько педантичнаго кабинетнаго дѣятеля» [4]).

Откуда же, при всѣхъ этихъ условіяхъ, у Лаврова могли появиться «политическія» соображенія для своего бѣгства за границу? Какимъ образомъ, если учесть все сказанное, Лавровъ рѣшился бы сдѣлать политическую и революціонную дѣятельность цѣлью своей жизни и ради этого даже покинуть самовольно Россію? Какъ мы видѣли выше, у Лаврова для этого не было ни малѣйшихъ данныхъ во всей его прошлой жизни. Остается, слѣдовательно, предположить, что тѣ чисто личные мотивы своей эмиграціи, какіе онъ изложилъ въ письмѣ къ своему сыну, были единственными. Другихъ у Лаврова не было и быть не могло.

Очень многіе склонны начало соціально-политической дѣятельности Лаврова связывать съ его «Историческими письмами», которыя онъ началъ писать въ Тотьмѣ и закончилъ въ Кадниковѣ. Роль этихъ писемъ въ русскомъ революціонномъ движеніи была, конечно, громадна [5]). Именно эти письма сблизили и связали Лаврова съ соціально-революціонной молодежью: въ 1872 г. группа читателей и поклонниковъ этихъ писемъ явилась къ Лаврову съ предложеніемъ издавать заграничный журналъ и принять на себя руководство тогдашнимъ соціально-политическимъ движеніемъ. Такимъ образомъ, изъ «Историческихъ писемъ», въ извѣстномъ смыслѣ, родился журналъ «Впередъ». Все это факты, которыхъ никто не станетъ отрицать. Но какъ это ни странно, для самого Лаврова эти „Письма“ не играли совершенно никакой роли. Если онъ ими и началъ свою соціально-политическую дѣятельность, то произошло это безъ всякой цѣли и какого бы то ни было желанія со стороны автора и буквально помимо его воли. Самъ

---

1) См. весьма цѣнныя въ біографическомъ отношеніи примѣчанія Лаврова къ его книгѣ «Народники-пропагандисты 1873—78 годовъ». Спб., 1907 г., стр. 54.

2) См. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 113.

3) См. «Народники-пропагандисты», стр. 56.

4) См. его рѣчь «Три эпохи», „Матеріалы для исторіи русск. соц.-революц. движенія“. Приложеніе «Съ родины на родину» № 3. Женева, Октябрь. 1893 г., стр. 155.

5) Подробно о значеніи «Историч. писемъ» см. въ моихъ статьяхъ—«Чѣмъ обязана русская общественность Лаврову?» («Ежемѣсяч. Журналъ», 1915 г., № 2 и 3), и «На граняхъ жизни» (сборникъ статей «Впередъ!» изд. «Колосъ», 1920 г.).

Лавровъ не придавалъ этимъ письмамъ никакого значенія и ихъ успѣхъ среди молодежи явился для него полной неожиданностью [1]). Весьма любопытны, для подтвержденія этого, хотя бы личныя воспоминанія Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, гдѣ онъ говоритъ объ увлеченіи молодежи «Историческими письмами». «Для самого автора (т. е. Лаврова. *П. В—въ*), это было *полной неожиданностью*,—пишетъ Овсянико-Куликовскій.—Помнится въ 70-хъ годахъ онъ (т. е. Лавровъ. *П. В—въ*) говорилъ мнѣ, что писалъ эти „письма“ „между дѣломъ“, больше — для заработка и не возлагалъ на нихъ особыхъ надеждъ» [2]).

Изъ того факта, что «Историческія письма» были написаны Лавровымъ въ періодъ его ссылки въ Вологодской губерніи, отнюдь нельзя дѣлать вывода, что именно съ этого момента онъ и вступилъ на путь соціально-политической дѣятельности. За все время своей ссылки и въ первые два года своего пребыванія за границей, Лавровъ даже не зналъ о той громадной роли, которую играютъ среди русской молодежи его «Историческія письма». Даже въ 1872 г. Лавровъ, по его собственному признанію, «*вовсе не зналъ*» объ успѣхѣ своихъ «писемъ» [3]). Всѣмъ этимъ и объясняется то обстоятельство, что Лавровъ, какъ онъ самъ пишетъ, «былъ вовсе *не приготовленъ къ неожиданности*, что изъ Россіи явятся къ нему делегаты съ предложеніемъ составить программу революціоннаго изданія и руководить имъ» [4]).

Изъ всего сказаннаго вполнѣ ясно, что годы писанія Лавровымъ «Историческихъ писемъ» (1867—1868 г.г.) отнюдь не могли быть годами *сознательнаго пріобщенія* къ соціально-политической дѣятельности. Внутренняя эволюція Лаврова въ эту сторону, какъ мы увидимъ ниже, завершилась значительно позднѣе. И въ этомъ отношеніи «Историческія письма», какъ это ни парадоксально, своимъ рѣшающимъ вліяніемъ на молодежь, опередили своего собственнаго автора чуть ли не на три года... Вотъ почему не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что «Историческія письма» не играли никакой роли въ личной жизни Лаврова во время его пребыванія въ ссылкѣ. Связывать же шумный успѣхъ этихъ «писемъ» съ бѣгствомъ Лаврова за границу отнюдь не приходится. Эти два факта въ біографіи Лаврова всегда останутся совершенно обособленными и оторванными другъ отъ друга.

Съ какого же момента своей жизни П. Л. Лавровъ пріобщился къ соціализму и окончательно связалъ съ нимъ свою жизнь? Моментъ писанія и появленія «Историческихъ писемъ» долженъ быть нами, на основаніи всего сказаннаго выше, оставленъ въ сторонѣ. Бѣгство Лаврова, вопреки общепринятому мнѣнію, также въ данномъ случаѣ не является искомой нами датой. Остается, слѣдовательно, учесть вліяніе на Лаврова заграничной жизни въ періодъ его эмиграціи. Быть можетъ, эмиграція съ первыхъ же дней заставила его отъ науки сразу перейти къ соціализму? Быть можетъ, это «пріобщеніе къ соціализму» началось со дней знаменитой Парижской Коммуны (1871 г.), участникомъ которой былъ Лавровъ? Быть можетъ, рѣшающимъ моментомъ для Лаврова было вступленіе его въ Интернаціоналъ (секція Fèrnes), куда онъ былъ введенъ извѣстнымъ Варленомъ осенью 1870 года? Быть можетъ, на Лаврова оказала вліяніе могучая личность Карла Маркса, съ которымъ онъ впервые встрѣтился въ маѣ 1871 г. при своей

---

[1]) Подробно объ этомъ я уже писалъ въ своей брошюрѣ—«Ссылка Лаврова въ Вологодскую губ. и его занятія антропологіей», стр. 14.

[2]) См. «Литературныя бесѣды», газета «Наша Жизнь», 1905 г., № 252.

[3]) См. «Народники-пропагандисты», стр. 55.

[4]) Ibidem, стр. 55.

поѣздкѣ въ Лондонъ къ Генеральному Совѣту отъ имени Парижской Коммуны? Всѣ упоминаемые нами факты имѣли, конечно, громадное значеніе въ жизни Лаврова, но отнюдь не съ нихъ надо считать окончательное вступленіе Лаврова въ ряды соціалистовъ.

По этому поводу мы имѣемъ крайне интересное и характерное признаніе самого Лаврова. Въ своей рѣчи, во время празднованія его 75-лѣтія, Лавровъ въ отвѣтъ на многочисленныя привѣтствія сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «*Я игнорирую первые полвѣка моей жизни* (курсивъ мой. *П. В—въ*) и говорю себѣ: здѣсь русскіе соціалисты пришли поздравить товарища съ тѣмъ, что тому 25 лѣтъ, какъ онъ *явно и опредѣленно* (курсивъ мой. *П. В—въ*) выступилъ въ рядахъ арміи соціалистовъ; тому 25 лѣтъ группа русскихъ соціалистовъ довѣрила ему руководство русскаго соціалистическаго журнала. Будемъ считать мои годы не со дня случайнаго рожденія, а съ *минуты моего вступленія въ ту армію* (курсивъ мой. *П. В—въ*), которой, какъ мы всѣ вѣримъ, предстоитъ завоевать міръ» [1]). Эти слова были сказаны въ 1898 г., и если Лаврову было угодно заявить всему собранію, что въ этомъ году ему исполнилось всего только 25 лѣтъ, то, слѣдовательно, *годъ соціалистическаго рожденія* его относится къ 1873 г. Въ это время Лавровъ, какъ извѣстно, выпустилъ первый томъ журнала «Впередъ!».

Изъ всего сказаннаго ясно, съ какого момента надо считать «минуту вступленія» Лаврова въ армію соціализма. Оказывается, что только въ 1873 г. онъ «явно и опредѣленно» связалъ себя съ ней. Отсюда слѣдуетъ, что годы, предшествовавшіе журналу «Впередъ!», самъ Лавровъ въ отношеніи соціализма считаетъ «не явными» и «неопредѣленными». Мало того, *какъ соціалистъ*, онъ, попросту, «*игнорируетъ первые полвѣка своей жизни*». Отсюда мы видимъ, что самъ Лавровъ оставляетъ за скобкой соціализма и моментъ появленія «Историческихъ писемъ», и свое бѣгство изъ ссылки, и первые два года эмиграціи, и участіе въ Парижской Коммунѣ, и вступленіе въ Интернаціоналъ и даже знакомство съ Карломъ Марксомъ...

Мы никогда не можемъ сомнѣваться въ искренности заявленія Лаврова. Тотъ же біографическій матеріалъ, какой пока имѣется въ нашемъ распоряженіи, только подтверждаетъ признаніе Лаврова.

Въ самомъ дѣлѣ, обратимся прежде всего къ первымъ двумъ годамъ жизни Лаврова въ эмиграціи. Чѣмъ онъ занятъ? Что превалируетъ въ его жизни? Исключительно—литературная работа и забота довести до конца, прерванные арестомъ и ссылкой, научные труды. Очень хорошее подтвержденіе этого мы находимъ въ письмахъ Лаврова къ Штакеншнейдеръ. Такъ, въ письмѣ отъ 17 мая 1870 года, т. е. черезъ два мѣсяца послѣ пріѣзда въ Парижъ, Лавровъ пишетъ: «здѣсь веду жизнь очень скромную, сталъ членомъ антропологическаго общества, шляюсь по библіотекамъ, которыя ниже, чѣмъ я ожидалъ. Едва-ли не придется мнѣ для иныхъ работъ ѣхать въ Германію» [2]). И такъ, Лавровъ, ради нѣкоторыхъ научныхъ работъ, даже готовъ покинуть Парижъ. Вся же переписка его съ Штакеншнейдеръ заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, безконечныя просьбы прислать книги, устроить въ журналахъ его статьи, навести тѣ или иныя литературныя справки и т. п. Въ письмѣ къ своему сыну, написанному на 5-мъ мѣсяцѣ эмиграціи, Лавровъ заявляетъ вполнѣ опредѣленно: «въ настоящую минуту продолженіе моихъ научныхъ трудовъ составляетъ главную и едва ли не *единственную* (курсивъ мой. *П. В—въ*) цѣль моихъ занятій».

---

[1]) См. брошюру Лаврова, «Изъ рукописей девяностыхъ годовъ», Женева іюль 1899 г., стр. 41.

[2]) См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 107—108.

Мы уже знаемъ, что Лавровъ покинулъ самовольно Вологодскую губернію только ради науки. И дѣйствительно, сейчасъ же по своемъ пріѣздѣ въ Парижъ, Лавровъ цѣликомъ уходитъ въ научныя работы. 21-го апрѣля 1870 г. онъ становится дѣйствительнымъ членомъ Парижскаго Антропологическаго Общества [1]). Здѣсь онъ дѣятельно работаетъ, выступая съ самостоятельными рефератами и принимая участіе въ преніяхъ на общихъ собраніяхъ Общества [2]). Благодаря своему участію въ названномъ обществѣ, Лавровъ довольно близко сошелся съ извѣстнымъ антропологомъ Брока и былъ приглашенъ послѣднимъ въ составъ редакціи журнала «Revue d'anthropologie» для обзоровъ русскихъ и нѣмецкихъ журналовъ и отчетовъ книгъ [3]).

Всего сказаннаго болѣе чѣмъ достаточно, чтобы убѣдиться, какъ далекъ былъ Лавровъ отъ соціализма въ первые годы своей эмиграціи.

Занимаясь за границей чистой наукой, Лавровъ еще продолжалъ искренно вѣрить, что онъ сможетъ вернуться въ Россію. Объ этомъ намъ вполнѣ опредѣленно свидѣтельствуютъ воспоминанія М. П. Сажина. Такъ, въ 1870 г. Лавровъ, отказываясь отъ участія съ Бакунинымъ въ предполагавшемся тогда заграничномъ журналѣ, заявилъ Сажину, что онъ «не сжегъ окончательно всѣхъ своихъ кораблей» и что у него «есть еще надежда вернуться въ Россію». Мало того, онъ тогда былъ даже увѣренъ, что русское правительство само «вернетъ его на родину» [4]). Объ этой надеждѣ Лаврова говоритъ и Г. А. Лопатинъ. «По началу Лавровъ въ Парижѣ,—пишетъ онъ,—продолжалъ надѣяться на скорое наступленіе въ Россіи лучшихъ временъ и на возможность возвращенія на родину» [5]). Въ письмѣ къ сыну мы также видимъ эту готовность Лаврова вернуться въ Россію. «Я бы готовъ былъ,—пишетъ онъ ему,—вернуться въ Россію, если бы мнѣ дозволили спокойно жить въ Петербургѣ и заниматься тамъ наукою».

Идея научной работы за границей и связанная съ ней надежда Лаврова на возвращеніе въ Россію, не покидали его, по крайней мѣрѣ, два года съ момента его эмиграціи. Только въ мартѣ мѣсяцѣ 1872 года Лавровъ принужденъ былъ придти, наконецъ, къ выводу, что на возвращеніе въ Россію для него нѣтъ надежды [6]). Подобный неутѣшительный выводъ, несомнѣнно.

---

[1]) (См. списокъ членовъ Общества въ «Bulletins de la Société d'anthropologie de Paris», Tome VI, 2-e série, Paris 1871, XXIII.

[2]) Намъ извѣстны 4 реферата Лаврова: 1) «Sur les travaux anthropologiques de la Société des naturalistes de Moscou» въ засѣданіи 12 сентября 1871 г. (см. «Bulletins», Tome VI, 2-e série, 1871 г., 176—178); 2) «L'idée du progrès dans l'anthropologie» въ засѣданіи 1 февраля 1872 г. (см. «Bulletins», Tome VII. 2-e série, 1872, 172—201); 3) «Sur l'idée du progrès dans l'anthropologie». Réponse a M. Pellarin въ засѣданіи 18 апрѣля 1872 г. (Ibidem, стр. 535—560); 4) «Sur l'adoration des lacs et des cours d'eau, et sur les légendes de villes submergées» въ засѣданіи 16 мая 1872 г. (Ibidem, стр. 591—601). Въ томъ же VII томѣ «Бюллетеней» имѣются указанія на участіе Лаврова въ общихъ преніяхъ (См. стр. 485—487, 515—516 и 533) и на критику рефератовъ Лаврова г. Пелареномъ (стр. 441—485 и 575—577).

[3]) См. по этому поводу письмо Лаврова къ Штакеншнейдеръ («Голосъ Мин.», 1916 г., № 7—8, стр. 138 и 139). При обслѣдованіи нами названнаго журнала мы нашли всего 3 небольшія замѣтки (см. «Revue d'anthropologie», Tome I, Paris, 1872, 137—142, 490—491, 531—536). Дальнѣйшее участіе Лаврова въ этомъ журналѣ оборвалось съ его переѣздомъ въ Цюрихъ и подготовкой изданія «Впередъ!» (конецъ 1872 г.).

[4]) См. «Голосъ Минувш.» 1915 г., № 10, стр. 124.

[5]) См. Лопатинъ «Къ разсказамъ о Лавровѣ», «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 4, стр. 198.

[6]) См. «Народники-пропагандисты», 1907 г., стр. 56. Такое же заявленіе Лаврова мы встрѣчаемъ также въ одномъ изъ его писемъ къ Штакеншнейдеръ, датированномъ 23-11 іюля 1872 г. (См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 9, стр. 129)

если не убивалъ, то въ значительной степени подрывалъ идею заграничнаго пребыванія вдали отъ родины, только ради чисто научныхъ работъ.

Къ послѣднему выводу Лавровъ пришелъ, какъ видимъ, не сразу, а путемъ цѣлаго ряда тяжелыхъ переживаній и испытаній. Матеріальная нужда, въ которой находился Лавровъ въ эмиграціи, на что имѣется не мало указаній въ его перепискѣ съ Штакеншнейдеръ [1]), тоска по Россіи, оторванность отъ семьи и дѣтей, общія условія жизни эмигранта, политика русскаго правительства, окончательно ставшаго на пути репрессій и безпросвѣтной реакціи,—все это постепенно убивало и идею научной работы за границей, и наивную вѣру Лаврова въ возвращеніе въ Россію, властно заставляя его эволюціонировать отъ чистой науки въ сторону соціализма и активной борьбы съ русскимъ царизмомъ [2]).

Какую же роль въ этой эволюціи Лаврова играла Парижская Коммуна 1871 г.? Мы имѣемъ всѣ данныя, чтобы предполагать, что это событіе изъ заграничной жизни Лаврова болѣе, чѣмъ какое-либо другое, содѣйствовало его пріобщенію къ соціализму.

Какъ извѣстно, Лавровъ принялъ участіе въ Коммунѣ и поддерживалъ связи съ цѣлымъ рядомъ видныхъ коммунаровъ. Правда, его фактическое участіе въ Коммунѣ было не велико. Какъ ученый и теоретикъ, Лавровъ не былъ приспособленъ къ революціонной борьбѣ, которую вела Парижская Коммуна. Все-таки онъ предложилъ коммунарамъ черезъ извѣстнаго Варлена свои услуги «по организаціи школъ и вообще учебной части» [3]). Но въ той судорожной и отчаянной борьбѣ, которую вела тогда Коммуна, было, конечно, не до школъ. И Лавровъ очень скоро почувствовалъ свою безпомощность оказать активную помощь коммунарамъ. Тогда онъ рѣшилъ ѣхать въ Бельгію и Лондонъ, чтобы тамъ искать поддержки Коммунѣ у Генеральнаго Совѣта Интернаціонала. Въ своемъ письмѣ изъ Лондона (5 мая 1871 г.) Лавровъ говоритъ Штакеншнейдеръ о тѣхъ мотивахъ, которые заставили его такъ поступить. «Я надѣялся,—пишетъ онъ,—быть болѣе полезнымъ моимъ тамошнимъ друзьямъ, находясь здѣсь (т. е. въ Лондонѣ. *П. В—въ*) съ перомъ въ рукѣ, чѣмъ тамъ, гдѣ приходилось взять въ руки лишь штуцеръ, что не совсѣмъ въ моемъ характерѣ» [4]). Буквально тоже самое Лавровъ заявилъ и М. П. Сажину передъ своимъ отъѣздомъ изъ Парижа. «Помощи оказать коммунарамъ я вообще не могу,—говорилъ онъ,—такъ какъ я человѣкъ науки. Гораздо больше я могу сдѣлать перомъ для нихъ въ Лондонѣ» [5]). Покидая Парижъ, Лавровъ, тѣмъ не менѣе, искренно сожалѣетъ, что лишенъ этимъ возможности участвовать непосредственно въ Коммунѣ. «Я очень сожалѣю,—пишетъ онъ Штакеншнейдеръ,—что слишкомъ кратковременныя сношенія съ вліятельными людьми настоящаго

---

[1]) Всѣ письма Лаврова буквально заполнены просьбами ускорить высылку денегъ, полыскать ему литературную работу и т. п. (см. «Голосъ Минувшаго» 1916 г. № 7—8, стр. 108, 113, 115, 116, 118, 120, 121—123, 127, 128 и 137; № 9, стр. 115, 122, 124, 129 и 131). «Мое положеніе чрезвычайно шатко, дѣла денежныя болѣе разстроены, чѣмъ я могъ думать,—пишетъ Лавровъ.—Тяжело мнѣ чувствовать, что я теперь вкушаю самую горькую сторону жизни эмигранта, жизнь подачками, когда я могу и хочу работать».

[2]) Отдѣльные моменты этой эволюціи читатели найдутъ въ воспоминаніяхъ М. П. Сажина, проникнутыхъ, впрочемъ, значительной долей пристрастія къ Лаврову (см. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10). Извѣстный коррективъ къ нимъ данъ Г. А. Лопатинымъ (см. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 4), который, однако, не отрицаетъ самой эволюціи (Ibidem, стр. 196—197 и 198).

[3]) См. Н. С. Русановъ «Соціалисты Запада и Россіи», стр. 232—233.

[4]) См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 125.

[5]) См. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 125.

движенія не позволяютъ мнѣ участвовать достаточно энергически и достаточно полезно въ этомъ движеніи»[1]).

Въ воспоминаніяхъ Сажина имѣется крайне характерная фраза Лаврова, сказанная имъ наканунѣ своего отъѣзда въ Лондонъ. «Я твердо рѣшилъ,—заявилъ онъ,—выѣхать въ Лондонъ, ибо все здѣсь происходящее *не является моимъ дѣломъ въ тѣсномъ смыслѣ слова* (курсивъ мой. *П. В—въ*[2]). Говоря такъ, Лавровъ былъ вполнѣ искрененъ и послѣдователенъ. Не надо забывать, что событія Парижской Коммуны застали Лаврова врасплохъ за чисто научными и литературными работами, которыя въ то время и составляли главную цѣль его пребыванія за границей. Соціалистомъ Лавровъ въ то время еще не былъ, а только начиналъ сочувствовать соціализму и эволюціонировать въ его сторону. Вотъ почему Коммуна не могла быть его дѣломъ «въ тѣсномъ смыслѣ слова». Участіе въ ней Лаврова носило скорѣе *эпизодическій* характеръ, но не было *органическимъ*, тѣсно связаннымъ со всей его личной жизнью, со всѣми его тогдашними стремленіями и убѣжденіями... Съ другой стороны, сказанная Лавровымъ фраза могла относиться и къ его положенію среди коммунаровъ. Ему, какъ мы уже говорили выше, оставалось, по его собственнымъ словамъ, «взять лишь въ руки штуцеръ». А это совершенно не соотвѣтствовало всему духовному складу Лаврова и ни въ коемъ случаѣ не могло явиться «его дѣломъ»...

У насъ имѣются чуть ли не документальныя данныя о томъ вліяніи, какое оказала на Лаврова Парижская Коммуна. Это—его письма къ Штакеншнейдеръ, писанныя въ самый разгаръ событій. Изъ нихъ мы видимъ, что когда передъ Лавровымъ развернулись грандіозныя событія Парижской Коммуны, онъ проявилъ не только сочувствіе къ нимъ и живой интересъ, но выказалъ глубокое пониманіе ихъ и съумѣлъ дать имъ замѣчательную *историческую оцѣнку*. «Въ настоящую минуту мнѣ тяжело было бы уѣзжать изъ Парижа,—пишетъ Лавровъ (въ мартѣ 1871 г.) наканунѣ своего отъѣзда въ Лондонъ,—уже и потому, что здѣсь началось движеніе, *которое имѣетъ громадный интересъ* (курсивъ мой. *П. В—въ*). Въ первый разъ на политической сценѣ не честолюбцы, не болтуны, а люди труда, люди настоящаго народа... *Я очень сочувствую этой партіи* (курсивъ мой. *П. В—въ*) и единственныя здѣшнія связи мои, весьма незначительныя впрочемъ, въ этомъ кругу»[3]). Особый же интересъ имѣетъ общая оцѣнка Коммуны, данная Лавровымъ. Она замѣчательна тѣмъ, что писана имъ въ самый разгаръ борьбы коммуны за свою независимость. «Борьба Парижа,—пишетъ Лавровъ 5-го мая,—въ настоящую минуту—борьба историческая, и онъ дѣйствительно находится теперь въ первомъ ряду человѣчества. Если бы ему удалось отстоять себя, это бы подвинуло исторію значительно впередъ, но если онъ и падетъ, если реакція восторжествуетъ, идеи, засвидѣтельствованныя нѣсколькими неизвѣстными людьми, вышедшими изъ народа, настоящаго народа, и ставшими во главѣ управленія, эти идеи не умрутъ»[4])... А черезъ пять мѣсяцевъ послѣ Коммуны у Лаврова срываются замѣчательныя слова, которыя могутъ смѣло явиться красивѣйшей эпитафіей на памятникъ борцамъ Парижской Коммуны. «Для тѣхъ,—пишетъ онъ Штакеншнейдеръ,—кто истинно желаетъ прогресса человѣчеству, кто знаетъ, что лишь на пути соціальнаго переворота этотъ прогрессъ въ настоящемъ возможенъ, кто

---

[1]) См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 125.

[2]) См. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 126.

[3]) См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 123, 124. Тотъ же интересъ къ Коммунѣ, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, высказалъ Лавровъ въ бесѣдѣ съ Сажинымъ (См. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 125).

[4]) См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 125.

привыкъ всматриваться глубже въ ходъ исторіи и не пугается нѣкотораго количества крови и гноя, которые текутъ подъ ея ланцетомъ изъ ранъ человѣчества, для того Парижская Коммуна—одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій исторіи»... И свое письмо Лавровъ заключаетъ слѣдующими пророческими словами: «Парижская Коммуна 1871 г. будетъ важною эпохою человѣческаго движенія, и эта дата не забудется» [1])...

Не подлежитъ сомнѣнію, что Коммуна оставила на Лавровѣ глубокій слѣдъ. «18 марта 1871 г.»—явилось для Лаврова тѣмъ днемъ, съ котораго начала зарождаться его связь съ соціализмомъ. И то обстоятельство, что Лавровъ шелъ къ соціализму *черезъ Коммуну* наложило особый отпечатокъ на все его послѣдующее соціалистическое credo, развивавшееся впослѣдствіи на страницахъ журнала и газеты «Впередъ!». Тотъ глубоко соціальный характеръ Парижской Коммуны, та атмосфера аполитичности, которой было окружено это движеніе, окрасили собой особымъ оттѣнкомъ все соціалистическое міровоззрѣніе Лаврова и, несомнѣнно, отразились на программѣ «Впередъ!». Пересмотрите всѣ письма Лаврова послѣ Коммуны и вы прежде всего поразитесь тѣмъ отвращеніемъ и ненавистью къ «политикѣ», какія сталъ проявлять Лавровъ послѣ 18 марта 1871 г. «Все въ политикѣ такъ отвратительно, что лучше не говорить!»—восклицаетъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Штакеншнейдеръ [2]). Обратите вниманіе на тѣ нелестные эпитеты, которыми награждаетъ Лавровъ тогдашнихъ политическихъ дѣятелей: «фразеръ Гюго», «пустой говорунъ Луи-Блань», «интриганъ Гамбетта», а всѣ они въ цѣломъ—«фразеры радикализма» [3]). Мало того, во время выборовъ въ Коммуну, Лавровъ приходитъ даже къ отрицанію вообще парламентскихъ выборныхъ органовъ. «Мнѣ кажется,—пишетъ онъ,—что всѣ эти законные органы, всѣ эти депутаты Парижа и мэры его, могутъ только портить, потому что все это рутинеры, говоруны, трусы, все это изъѣдено гнилью» [4]).

Итакъ, фактъ на лицо: событія Коммуны внушили Лаврову отвращеніе ко всей парламентской и вообще политической дѣятельности и заставили его придать первенствующее значеніе соціальнымъ вопросамъ. «Революція 1871 г.,—пишетъ онъ,—не была соціальной революціей, но она была приближеніемъ къ ней. Это ея неизмѣнная заслуга, и поэтому я считаю ее важною эпохою въ исторіи» [5]). Именно въ томъ фактѣ, что Лавровъ пришелъ къ соціализму черезъ Коммуну и надо искать генезиса той аполитичности и той глубоко соціальной окраски, которыми была такъ проникнута программа журнала «Впередъ!»...

Впослѣдствіи въ своей книгѣ о Парижской Коммунѣ («18 марта 1871 г.»), написанной въ 1879 г., Лавровъ особенно подчеркивалъ ея вліяніе на русское соціалистическое движеніе и дѣлалъ даже попытку установить связь между событіями Коммуны и возрожденіемъ русскаго соціализма. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этой попыткѣ и въ этомъ подчеркиваніи сказались личныя переживанія Лаврова. «Для *меня лично* (курсивъ мой. *И. В—въ*),—пишетъ онъ тамъ,—сотни мелкихъ фактовъ и впечатлѣній сливаются въ несомнѣнное убѣжденіе, что эта связь существуетъ и что русское соціалистическое движеніе 1873 и слѣдующихъ годовъ было косвенно вызвано впечатлѣніемъ

[1]) См. «Голосъ Минувш.», 1916 г., № 7—8, стр. 134, 135 и 136. Письмо датировано 10-22 октября 1871 г.

[2]) Такихъ мѣстъ въ письмахъ очень много. См., напримѣръ, «Голосъ Минувшаго» 1916 г., № 7—8, стр, 132, 138; № 9, стр. 115 и 121.

[3]) См. «Голосъ Минувшаго» 1916 г., № 7—8, стр. 135; № 9, стр. 128.

[4]) См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 122.

[5]) См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 9, стр. 127.

произведеннымъ и на русскіе умы событіями Парижской Коммуны» [1]. Только тогда, когда мы учтемъ полностью все вліяніе Коммуны на Лаврова мы поймемъ, почему онъ отъ умѣренно-либеральныхъ взглядовъ конца 60-хъ годовъ и мирной научной работы за границей вдругъ сразу перешелъ къ непримиримой соціальной проповѣди на страницахъ журнала «Впередъ!»

Несмотря на столь громадное вліяніе на Лаврова Парижской Коммуны, отнюдь нельзя это время считать окончательнымъ пріобщеніемъ его къ соціализму. Коммуна явилась для него лишь однимъ изъ этаповъ (хотя бы изъ самыхъ значительныхъ) на пути къ соціализму. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ Лавровъ послѣ Коммуны бросилъ научную работу и занялся соціалистической дѣятельностью? Отнюдь нѣтъ. Изъ писемъ Лаврова въ Штакеншнейдеръ мы знаемъ, что по своемъ возвращеніи въ Парижъ (іюль 1871 г.) онъ по прежнему цѣликомъ ушелъ въ свои чисто научныя и кабинетныя работы, прерванныя бурными событіями Парижской Коммуны. «Работаю много и разнообразно,—пишетъ онъ ей,—и надѣюсь работать и еще сильнѣе, и еще разнообразнѣе. Что же больше и дѣлать!» [2]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что и послѣ Коммуны идея научной работы не покидаетъ еще Лаврова и онъ остается вѣренъ своимъ прежнимъ намѣреніямъ.

Событія Парижской Коммуны имѣли еще другое важное значеніе въ жизни Лаврова. Благодаря имъ, онъ познакомился съ Карломъ Марксомъ и Фридрихомъ Энгельсомъ во время своей поѣздки въ Бельгію, а затѣмъ въ Лондонъ съ цѣлью найти поддержку для Коммуны въ Федеральномъ бельгійскомъ совѣтѣ и Генеральномъ Совѣтѣ I Интернаціонала. Эта же поѣздка дала Лаврову возможность близко узнать Интернаціоналъ и его тогдашнихъ руководителей [3]).

Какъ извѣстно, міровоззрѣніе Маркса оставило на Лавровѣ громадный, неизгладимый слѣдъ. Въ своей автобіографіи Лавровъ прямо заявляетъ, что признаетъ «себя *ученикомъ Маркса съ тѣхъ поръ, какъ ознакомился съ его теоріей*» [4]). И это вліяніе Маркса можно прослѣдить во многихъ работахъ Лаврова, не исключая и самыхъ послѣднихъ [5]). Но не надо забывать, что первая встрѣча Лаврова съ Марксомъ и Энгельсомъ въ Лондонѣ была слишкомъ кратковременна, чтобы онъ могъ именно съ этого момента стать вѣрнымъ адептомъ соціализма. Лавровъ самъ сознается, что сблизился съ ними «*въ послѣдующіе годы*» [6]). Это сближеніе началось уже съ марта 1874 г., когда Лавровъ перенесъ типографію и редакцію журнала «Впередъ!» въ Лондонъ. Все-таки, не можетъ подлежать сомнѣнію, что встрѣча Лаврова съ Марксомъ и связанное съ этимъ ознакомленіе съ его идеями не могли не отразиться на той эволюціи къ соціализму, которую въ то время переживалъ Лавровъ. Эта эволюція «черезъ Маркса» сказалась самымъ сильнымъ образомъ на программѣ журнала «Впередъ!». Уже въ I томѣ можно найти не мало слѣ-

[1]) См. «Парижская Коммуна». Изд. Т-ства «Колосъ», 1919 г., стр. 208.

[2]) См. «Гол. Мин.», 1916 г., № 9, стр. 120.

[3]) Есть основанія предполагать, что Лавровъ въ это время познакомился также съ извѣстнымъ бельгійскимъ соціалистомъ Цезаремъ де-Папомъ, игравшимъ громадную роль въ жизни перваго Интернаціонала, съ которымъ въ періодъ редактированія журнала «Впередъ!» находился въ перепискѣ (см. «Впередъ!», т. III, 1874 г., Отд. III, стр. 80).

[4]) См. «Вѣстн. Евр.», 1910 г., № 11, стр. 90.

[5]) См. напримѣръ, его книгу «Задачи пониманія исторіи», вышедшую въ 1898 г., т. е. за два года до смерти Лаврова (2-ое изд. 1903 г., стр. 48), а также «Историческія письма», Спб., 1906 г., стр. 329 и 345 и «Переживанія доисторическаго періода», Женева, 1898 г., стр. 30. Отношеніе Лаврова къ Марксу дало поводъ П. Кропоткину причислить Лаврова къ «соціалъ-демократамъ», а Н. С. Русанову обвинить его даже въ «эклектизмѣ».

[6]) См. «Вѣстн. Евр.», 1910 г., № 10, стр. 102.

довъ вліянія «марксизма» съ его выдвиганіемъ на первый планъ экономическихъ отношеній.

Наряду съ Парижской Коммуной былъ еще одинъ могучій факторъ на пути Лаврова къ соціализму. Мы разумѣемъ Интернаціоналъ. Эмиграція Лаврова совпала съ расцвѣтомъ въ дѣятельности Интернаціонала съ его наивысшей кульминаціей. И то обстоятельство, что соціализмъ Лаврова слагался въ періодъ наиболѣе активной дѣятельности перваго Интернаціонала, внесло свою особую страницу во все его міровоззрѣніе. Мы знаемъ, что Лавровъ вступилъ въ Интернаціоналъ еще осенью 1870 г. Это былъ первый годъ его эмиграціи, когда Лавровъ былъ всецѣло поглощенъ идеей научной работы. И, конечно, не съ этой даты надо начинать считать фактическое вступленіе его въ ряды соціалистовъ. Вступленіе Лаврова тогда въ Интернаціоналъ говорило только о его чисто теоретическомъ сочувствіи этому движенію. Но уже этотъ шагъ былъ весьма характернымъ для Лаврова.

Близко къ Интернаціоналу Лавровъ подошелъ, какъ мы видѣли, въ связи съ Парижской Коммуной. И уже то обстоятельство, что Лавровъ надѣялся найти въ немъ *дѣйствительную помощь* для коммунистовъ, довольно опредѣленно говоритъ о томъ, какъ Лавровъ смотрѣлъ тогда на Интернаціоналъ и какъ оцѣнивалъ его силу и удѣльный вѣсъ. Повидимому, грандіозная мощь этого движенія особенно сильно отразилась на Лавровѣ въ періодъ его эволюціи отъ науки къ соціализму. Впослѣдствіи Лавровъ самъ въ автобіографіи подвелъ итоги тому вліянію, какое оказалъ на него Интернаціоналъ. «Появленіе Интернаціонала,—пишетъ онъ,—и знакомство съ нимъ убѣдило его (т. е. Лаврова. *П. В—въ*) во-первыхъ, въ существованіи реальной почвы для соціальнаго переворота, во-вторыхъ—въ существованіи непримиримой борьбы классовыхъ интересовъ» [1].

Наглядное доказательство вліянія Интернаціонала на Лаврова можно найти въ «Впередъ!». Вопросамъ Интернаціонала здѣсь было отведено особенно много мѣста. И Лавровъ былъ вполнѣ правъ, когда впослѣдствіи писалъ, что «интернаціональный элементъ соціализма *ни на минуту* (курсивъ мой. *П. В—въ*) не упускался изъ виду въ этомъ органѣ и что его, какъ редактора, можно упрекать въ слишкомъ большой долѣ, отведенной этому элементу во «Впередъ!» [2]).

Мы подробно остановились на всѣхъ этапахъ, черезъ которые шелъ Лавровъ на своемъ пути къ соціализму. Намъ теперь остается разсмотрѣть самый интересный моментъ въ жизни Лаврова: какимъ образомъ совершился *окончательный переходъ* его въ ряды соціалистовъ? Какіе факты изъ его біографіи имѣли *рѣшающее* значеніе въ эту послѣднюю минуту? Явились ли они результатомъ чисто *внутренней* эволюціи Лаврова или они пришли *со стороны*, совершенно неожиданно для него самого?

На основаніи имѣющагося у насъ матеріала, мы можемъ вполнѣ опредѣленно утверждать, что рѣшающую роль здѣсь сыграли *два новыхъ факта* въ жизни Лаврова, которые совершенно неожиданно ворвались въ его жизнь и властно заставили его завершить свою эволюцію въ сторону соціализма. Это—прежде всего неожиданное предложеніе изъ Россіи издавать за границей журналъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1872 года и затѣмъ смерть А. П. Чаплицкой.

[1]) См. «Вѣстн. Евр.», 1910 г., № 11, стр. 99.

[2]) См. «Народники-пропагандисты». Спб., 1907 г., стр. 99. Самъ Лавровъ, какъ это теперь удалось установить, посвящалъ Интернаціоналу примѣрно 1-ю долю всѣхъ статей «Лѣтописи рабочаго движенія» въ первыхъ трехъ томахъ журнала «Впередъ!». Всѣ эти статьи, собранныя воедино, изданы Т-вомъ «Колосъ» подъ заглавіемъ «Очерки по исторіи Интернаціонала». Петроградъ, 1919 г.

Мы уже знаемъ, что все прошлое Лаврова ни въ коемъ случаѣ не могло приготовить его къ этому крайне неожиданному и внезапному для него предложенію. Въ этомъ вполнѣ откровенно сознается самъ Лавровъ. «Уѣзжая за границу и до самаго марта 1872 г., я оставался въ полномъ убѣжденіи,— пишетъ онъ,—что мое участіе въ революціонномъ движеніи въ Россіи неизбѣжно и навсегда ограничится лишь кое-какимъ литературнымъ сотрудничествомъ въ подпольной литературѣ, *но что руководство какой-либо отраслью этой литературы никогда не можетъ перейти въ мои руки*» (курсивъ мой. *П. В—въ*)[1]). Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что не было и не могло быть знака равенства между этимъ фактомъ и всѣмъ тогдашнимъ психологическимъ настроеніемъ Лаврова, погруженнаго въ научныя работы. На этотъ счетъ мы имѣемъ весьма цѣнныя въ біографическомъ отношеніи признанія самого Лаврова въ его письмахъ къ Штакеншнейдеръ. «*Не я бросился въ бой*,—пишетъ онъ ей по поводу изданія журнала «Впередъ!»,— *я не считалъ себя нужнымъ; я думалъ, что на меня смотрятъ, какъ на нѣчто почтенное, но къ практическимъ дѣламъ непригодное*. Когда же меня вызвали, когда ко мнѣ пришли изъ той страны, которой единственно я могу служить съ пользою, когда мнѣ сказали: мы надѣемся на Васъ и на Васъ однихъ, то я не имѣлъ права отказаться, хотя и весьма скептически относился ко всему дѣлу, хотя тогда (въ мартѣ 1872 г. *П. В—въ*) я имѣлъ и *личную жизнь*[2]), крѣпко сросшуюся со мною, хотя я зналъ, что много непріятностей, разстройствъ въ этой жизни и разстройствъ матеріальныхъ принесетъ рѣшимость моя. Я чувствовалъ, что я долженъ идти и пошелъ, не колеблясь»[3]). Итакъ, не самъ Лавровъ первый пошелъ въ эту сторону, а его столкнули сюда извнѣ.

Надо отмѣтить, что, принимая предложеніе руководить журналомъ, Лавровъ самъ отнюдь не смотрѣлъ тогда (мартъ 1872 г.) на этотъ шагъ, какъ на начало революціонно-соціалистической дѣятельности. Онъ предполагалъ, что это предложеніе исходитъ отъ «представителей радикальной литературы», которыхъ русская реакція принудила имѣть свой нелегальный органъ печати для «литературной и политической борьбы». Но такъ какъ никто изъ нихъ не желаетъ ради этого «бросить Россію и отрѣзать себѣ путь возвращенія въ нее», то они и предлагаютъ ему стать во главѣ этого литературнаго органа. «Они обращаются ко мнѣ, потому что я *уже* (курсивъ самого Лаврова. *П. В—въ*) отрѣзалъ себѣ путь возвращенія на родину,—предполагалъ тогда Лавровъ,—и видятъ во мнѣ лишь литератора, въ сущности, не расходящагося съ ними въ оппозиціи существующимъ порядкамъ, и, можетъ быть, способнаго литературно вести новый органъ»[4]). Давая явившимся къ нему представителямъ свое согласіе стать во главѣ этого журнала и набрасывая въ мартѣ 1872 г. проектъ программы новаго органа, Лавровъ, по его собственнымъ словамъ, принималъ въ соображеніе исключительно «ту растущую силу литературно-политической оппозиціи», которая, по его предположенію, «образовалась въ Россіи за послѣдніе два года»[5]). Изъ сказаннаго вполнѣ ясно, какъ Лавровъ самъ смотрѣлъ на свой шагъ и какого рода дѣятельность онъ связывалъ съ нимъ. Рѣшимость Лаврова стать за границей во главѣ «литературно-политической оппозиціи» вполнѣ понятна и объяснима. Въ это время, какъ мы уже видѣли, Лавровъ пришелъ къ убѣжденію, что ему нечего ждать, что русское правительство «вернетъ» его само въ Россію. Онъ долженъ былъ признать, наконецъ, что ему *уже*

1) См. «Народники-пропагандисты». Спб., 1907 г., стр. 55.
2) Лавровъ имѣетъ въ виду Чаплицкую, которая въ то время еще была жива.
3) См. «Гол. Мин.», 1916 г., № 9, стр. 135. Курсивъ въ этой цитатѣ вездѣ мой.
4) См. «Народники-пропагандисты», стр. 56.
5) Ibidem, стр. 57.

отрѣзанъ» путь возвращенія на родину. При наличіи этихъ условій у Лаврова не было основанія отказываться отъ участія въ нелегальномъ заграничномъ органѣ. Ведя переговоры съ представителями этого журнала, Лавровъ допускалъ, между прочимъ, и свой отказъ отъ участія въ немъ, если его предположенія окажутся невѣрными или «ошибочными». «Я говорилъ себѣ,—вспоминалъ впослѣдствіи Лавровъ,—что... если мои предположенія о литературно-политической организаціи и о „растущей силѣ" въ Россіи окажутся ошибочны, то дѣло ограничится проектомъ программы, и ничто не обязываетъ меня вести его далѣе» [1]).

Осенью 1872 г. выяснилось, что всѣ расчеты Лаврова оказались не только «ошибочными», но, по собственнымъ его словамъ, «совершенно фантастическими». Выяснилось, что «растущая сила» имѣется не среди «литературныхъ радикаловъ», какъ думалъ раньше Лавровъ, а среди революціонной молодежи, отъ которой и исходило предложеніе организовать заграничный органъ. «Предо мною,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Лавровъ,—становился вопросъ: не слѣдуетъ ли, не обязательно ли мнѣ содѣйствовать, насколько хватитъ способностей, этой новой „растущей силѣ", развивая ее въ томъ направленіи, которое мнѣ казалось наиболѣе правильнымъ?..» [2]). Вотъ тотъ роковой вопросъ, который всталъ предъ Лавровымъ и отъ рѣшенія котораго зависѣла вся его дальнѣйшая жизнь, всѣ его стремленія и желанія. Мы не знаемъ, какой бы отвѣтъ далъ на него Лавровъ въ другое время. Въ тотъ же *исключительный моментъ своей личной жизни*, какой переживалъ онъ тогда, ему ничего не оставалось, какъ отвѣтить на него положительно. Рѣшающую роль здѣсь, несомнѣнно, сыграла смерть А. П. Чаплицкой. Лавровъ самъ сознается въ этомъ, не называя впрочемъ имени Чаплицкой. «*Нѣкоторыя совершенно личныя обстоятельства* (курсивъ мой. *П. В—въ*),—пишетъ онъ,—вызвали именно въ эту эпоху во мнѣ склонность принять участіе въ движеніи, которое мнѣ рисовали словесно и письменно, какъ возможное» [3]). Какія же это «личныя обстоятельства» имѣли въ это время столь важное значеніе въ жизни Лаврова? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ—смерть Чаплицкой.

Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ этой личности. А между тѣмъ, роль и значеніе Чаплицкой въ жизни Лаврова столь громадны, что, не имѣя о ней свѣдѣній, почти невозможно написать его біографію. Единственное, что имѣется о ней въ русской печати, это небольшія бѣглыя упоминанія въ воспоминаніяхъ М. П. Сажина, который *впервые* приводитъ ея имя въ связи съ П. Л. Лавровымъ. Изъ этихъ воспоминаній мы знаемъ, что Чаплицкая за польское возстаніе была сослана въ Вологодскую губ. въ г. Тотьму, гдѣ въ это время находился и Лавровъ. Послѣдній близко сошелся съ ней, горячо полюбилъ ее и жилъ съ ней гражданскимъ бракомъ за все время своей ссылки въ г. Тотьмѣ [4]). Въ 1869 г. Чаплицкая бѣжала за границу въ Парижъ, что, повидимому, было сдѣлано по взаимному соглашенію съ Лавровымъ. Есть основанія предполагать, что и Лавровъ въ томъ же году собирался бѣжать изъ Вологодской губерніи и только цѣлый рядъ случайныхъ обстоятельствъ задержалъ это бѣгство [5]). Въ Парижѣ Лавровъ опять сошелся съ Чаплицкой и жилъ съ ней въ теченіе 1870 и 71 гг.

Въ 1872 г. Чаплицкая сильно заболѣла и умерла. По свидѣтельству

[1]) Ibidem, стр. 57.
[2]) Ibidem, стр. 58.
[3]) См. «Народники-пропагандисты», стр. 58.
[4]) См. «Гол. Мин.», 1915 г., № 10, стр. 116—117.
[5]) См. по этому поводу мою брошюру «Ссылка Лаврова въ Вологодскую губернію и его [illegible]», Вологда, 1915 г., стр. 13 и 14.

Сажина, въ Брюсселѣ. Точная дата этой смерти намъ пока не извѣстна. Можно только предполагать, на основаніи писемъ Лаврова къ Штакеншнейдеръ, что это произошло въ августѣ-сентябрѣ 1872 г. [1]).

Смерть Чаплицкой самое трагическое событіе въ жизни Лаврова. Она порвала у него всякія нити съ личной жизнью, опустошивъ ее, создавъ всѣмъ этимъ полную безцѣльность въ его научной дѣятельности. «Смерть близкаго и любимаго человѣка, каковой была для Лаврова Чаплицкая, страшно его потрясла,—свидѣтельствуетъ Сажинъ.—Ему, какъ онъ тогда разсказывалъ, *была противна и вся жизнь, и вся его научная работа и дѣятельность*» [2]).

Душевная драма Лаврова—со всѣми ея мучительными переживаніями развертывается предъ нами полностью въ послѣднихъ его восьми письмахъ къ Штакеншнейдеръ [3]). Письма эти интереснѣйшій человѣческій документъ, лишній разъ свидѣтельствующій о томъ, какъ часто у самыхъ большихъ людей вся ихъ общественная и научная дѣятельность тѣсно зависитъ отъ ихъ личной жизни.

Умираетъ Чаплицкая. И вотъ Лавровъ, убѣжденнѣйшій раціоналистъ, страстный проповѣдникъ критической мысли, поклонникъ точной науки, не допускающій никакой «слѣпой вѣры»,—впадаетъ вдругъ въ состояніе, очень близкое къ мистицизму. «Ужаснѣе всего улицы, гдѣ всѣ углы полны воспоминаніями,—пишетъ Лавровъ.—Если бы я не очень уже выработалъ въ себѣ скептицизмъ и умственную критику, я совершенно увѣренъ, что сталъ бы теперь спиритистомъ и былъ бы гораздо болѣе счастливъ и доволенъ, чѣмъ теперь. Но для этого нельзя уступать единственнаго достоинства человѣка—трезвой мысли. А признаюсь иногда хотѣлось бы»... Мы видимъ, что Лавровъ борется съ собою во имя своихъ убѣжденій, но все-таки, въ концѣ концовъ, ему приходится, быть можетъ, и безсознательно, а отдать дань слѣпой вѣрѣ въ «безсмертность духовъ»... «Когда я разбираю,—признается Лавровъ,—то, что я чувствовалъ, думалъ и дѣлалъ эти $1^1/_2$ мѣсяца, то сознаю, *что поступалъ въ значительной долѣ такъ*, какъ надо бы поступать, если бы я вѣрилъ въ безсмертныхъ духовъ или душъ, видящихъ насъ, слушающихъ насъ и могущихъ быть довольными или недовольными тѣмъ, что мы дѣлаемъ, могущихъ страдать или радоваться. А я очень хорошо знаю, что некому быть довольнымъ или недовольнымъ, опасаться или радоваться; знаю, что *я самъ съ собою наединѣ балуюсь. Но поступаю, будто бы зналъ иное или вѣрилъ въ иное*... Долго еще меня будутъ посѣщать призраки, но они поблѣднѣютъ, я это знаю; таковъ законъ природы» [4])... Изъ этого письма видимъ мы, какую душевную рану нанесла Лаврову смерть Чаплицкой и въ какомъ ужасномъ психическомъ состояніи онъ находился въ это время...

И вотъ въ эту наиболѣе трагическую минуту въ жизни Лаврова къ нему приходитъ призывъ отъ молодежи взять на себя редактированіе заграничнаго журнала. Предъ Лавровымъ встаетъ вопросъ о служеніи молодежи

[1]) Въ письмахъ этихъ, относящихся къ 1872 г., имѣется перерывъ съ іюля по октябрь мѣсяцъ, причемъ первое же письмо Лаврова послѣ этого двухмѣсячнаго промежутка (22/10 октября) сразу говоритъ о какомъ то надрывѣ и трагедіи въ личной жизни. Повидимому, болѣзнь Чаплицкой и ея смерть и были причиной этого перерыва въ перепискѣ Лаврова съ Штакеншнейдеръ.

[2]) См. «Гол. Мин.», 1915 г., № 10, стр. 121.

[3]) Къ сожалѣнію, редакція «Гол. Минувшаго» по недосмотру или незнанію не снабдила эти письма соотвѣтствующимъ примѣчаніемъ. Поэтому для читателей журнала совершенно непонятно, что случилось съ Лавровымъ и чѣмъ вызваны эти столь странныя письма.

[4]) См. «Гол. Мин.», 1916 г., № 9, стр. 132. Курсивъ вездѣ въ цитатѣ мой.

новой «растущей силѣ». Ему начинаетъ казаться, что онъ «тутъ какъ будто дѣйствительно *нуженъ* (курсивъ Лаврова. *П.В—въ*), за неимѣніемъ другихъ болѣе компетентныхъ» [1]). Трудно сказать, какъ рѣшилъ бы этотъ вопросъ Лавровъ въ другое время. Но въ эту минуту случилось *невольное совпаденіе* предложенія, идущаго извнѣ, съ психическимъ состояніемъ Лаврова, стоящаго на развалинахъ своей личной жизни. И мы знаемъ изъ автобіографіи Лаврова, что онъ «*съ радостью принялъ* на себя обязанность соціалистическаго пропагандизма въ Россіи, когда ему предложили редакцію «Впередъ!» [2])

Такимъ образомъ, переломъ совершился, и Лавровъ отъ чистой науки перешелъ въ ряды активнаго соціализма. Но постарайтесь приподнять теперь завѣсу надъ этимъ фактомъ въ жизни Лаврова, загляните въ его душу и вы увидите, какимъ мучительнымъ путемъ Лавровъ пришелъ къ этому. Вы поймете тогда всю горечь той «радости», съ которой Лавровъ принялъ это предложеніе. Вы увидите тогда, что оно являлось для него буквально той соломинкой, за которую хватается утопающій...

Вотъ предъ вами дословная и подчасъ тяжелая исповѣдь самого Лаврова о томъ, почему онъ такъ поступалъ: «Между тѣмъ,—пишетъ онъ,—рухнуло у меня подъ ногами все, все, что составляло мою личную жизнь, мнѣ рѣшительно нечѣмъ было дорожить; если бы не было внѣшней обязанности, то *самая обязанность жить обращалась въ минимумъ, такъ какъ силы создавать себѣ абстрактные интересы ученой работы или какіе бы то ни было личные интересы я вовсе не чувствовалъ*. Служба обществу, польза общества одна могла быть цѣлью, а объ жертвахъ теперь не было и рѣчи, я ничемъ не жертвую, ровно ничѣмъ, потому что у меня теперь и нѣтъ ничего, чѣмъ бы я могъ жертвовать. *Мои ученыя работы могутъ для другихъ имѣть значеніе, но не скоро еще онѣ получатъ интересъ для меня*... Повторяю: я теперь ровно *ничѣмъ не дорожу* и потому ровно ничего не приношу въ жертву» [3]).

Изъ этой исповѣди Лаврова мы видимъ, что отъ всей его жизни осталась груда развалинъ, среди которой стоялъ онъ съ опустошенной душой.. Личная жизнь «рухнула», интересъ къ наукѣ атрофировался, ничего дорогого, что бы могло его привязать къ жизни, у него не оказалось... Оставался одинъ выходъ—«служба обществу». И Лавровъ вполнѣ логично ставитъ предъ Штакеншнейдеръ слѣдующій роковой вопросъ—«для чего же, спрашивается, я могъ бы отказаться отъ дѣла, которое я считаю полезнымъ, вовсе не безнадежнымъ, а главное нравственно обязаннымъ для себя, какъ только я къ нему вызванъ? Для чего?» [4]). Отвѣта на этотъ вопросъ Лавровъ не нашелъ... «Благоразуміемъ назвать этого нельзя,—говоритъ Лавровъ въ другомъ письмѣ, имѣя въ виду редактированіе предполагавшагося журнала,—но теперь я не очень ставлю высоко то, что считается благоразумнымъ. Къ чему?» [5]). И на этотъ вопросъ у Лаврова не нашлось отвѣта.

Какой же выходъ могъ быть у Лаврова, кромѣ согласія принять на себя руководство новымъ журналомъ? Такого выхода у него не было. Оставалось только одно—отдаться всецѣло служенію молодежи и путемъ новаго органа «содѣйствовать ея развитію»: это была *единственная* возможность, за которую «съ радостью» ухватился Лавровъ. «Вамъ,—пишетъ онъ Штакеншнейдеръ,—а еще болѣе другимъ, не знающимъ *моего психическаго состоянія*, можетъ казаться, что я точно приношу «все въ жертву идеѣ», какъ Вы пишете, но

---

[1]) См. «Народники-пропагандисты», стр. 57.
[2]) См. «Вѣстн. Евр.», 1910 г., № 11, стр. 110.
[3]) См. «Гол. Минув.», 1916 г., № 9, стр. 136. Курсивъ вездѣ мой.
[4]) Ibidem, стр. 137.
[5]) Ibidem, стр. 133.

я Вамъ сказалъ уже, что это иллюзія, что я ничего не приношу въ жертву, *потому что подхожу къ жертвеннику съ пустыми руками*. И такъ, не отговаривайте меня, мой добрый другъ, отъ дѣла, неизбѣжно совершающагося, оно подошло ко мнѣ, *не вызванное мною*, какъ нравственная обязанность въ то же время, какъ неумолимый и безсознательный законъ природы[1]) *разрывалъ всѣ нити, которыя могли мнѣ мѣшать и уравновѣшивать частью мои влеченія къ этой обязанности*. Повѣрьте, что я вовсе не обольщенъ какими-либо надеждами. Но есть сознаніе, что *можно* (курсивъ Лаврова. *П. В—въ*) быть полезнымъ на этомъ пути, что *должно* (курсивъ Лаврова. *П. В—въ*) идти по нему, а терять рѣшительно нечего. Я даже считаю, что съ чисто *эгоистической* точки зрѣнія, я поступаю *разсудительно*: *авось это подниметъ меня, а внѣ этого ничего нѣтъ*» [2]).

Итакъ, мы видимъ, что въ тотъ моментъ, когда предъ Лавровымъ всталъ вопросъ объ активномъ вступленіи въ ряды соціалистовъ, были уже «разорваны» «всѣ нити» личной жизни, которыя могли бы «уравновѣшивать» его влеченіе въ эту сторону или «мѣшать» имъ. Подъ его «ногами рухнуло все»— и идея научной работы, и личная жизнь, и весь смыслъ его дальнѣйшаго пребыванія за границей. Образовалась бездна, которая грозила его поглотить, образовалась жизненная пустота, которую *нечѣмъ было заполнить*. И вотъ въ этотъ моментъ совершенно неожиданно предъ Лавровымъ выросла новая жизненная идея—служеніе русской молодежи «волнующейся, энергической», возможность содѣйствовать ея развитію въ ту сторону, которую онъ найдетъ нужнымъ. Откройте письмо, написанное Лавровымъ наканунѣ своего отъѣзда въ Цюрихъ, гдѣ былъ тогда центръ русской учащейся молодежи, и вы сразу увидите, съ какими цѣлями туда ѣхалъ Лавровъ. «Можетъ быть, я тамъ могу быть полезенъ,—пишетъ онъ.—Тамъ есть группа русской учащейся молодежи обоего пола и, по многимъ письмамъ, мною полученнымъ, ей недостаетъ опытныхъ и развитыхъ совѣтниковъ... Можетъ быть, удастся устроить какой-либо курсъ для молодежи... Вѣдь я теперь дѣйствительно ничѣмъ и никѣмъ не связанъ... Помните, Вы мнѣ говорили въ Парижѣ наканунѣ войны, что я впервые свободенъ. Я не возражалъ, но это было не совсѣмъ такъ. Теперь оно такъ» [3])...

Нужно ли теперь искать много объясненій, чтобы понять, почему Лавровъ «съ радостью» ухватился за эту новую, столь спасительную для него идею? Она давала ему возможность найти успокоеніе или утѣшеніе для себя въ новой для него дѣятельности, она перебрасывала взамѣнъ рухнувшаго новый мостикъ между его личностью и всей жизнью. И теперь намъ становится понятнымъ, почему Лавровъ пишетъ Штакеншнейдеръ, что онъ «съ чисто эгоистической точки зрѣнія» поступаетъ «разсудительно». Это была, послѣ всего пережитаго Лавровымъ, послѣдняя жизненная ставка, та соломинка, за которую хватается утопающій. «Авось, это *подниметъ меня*, а внѣ этого ничего нѣтъ»,—приходитъ къ окончательному выводу Лавровъ.

Переходъ Лаврова отъ чистой науки къ революціонно-соціалистической дѣятельности находитъ себѣ только такое *психологическое* объясненіе въ его біографіи. Подтвержденіе этого мы имѣемъ въ воспоминаніяхъ Г. А. Лопатина, который являлся въ эти годы самымъ близкимъ другомъ Лаврова и потому былъ болѣе, чѣмъ кто-либо, посвященъ въ его личную жизнь. Лопатинъ довольно удачно и мѣтко опредѣлилъ этотъ новый шагъ Лаврова.

[1]) Въ такихъ выраженіяхъ Лавровъ всегда говорилъ о смерти (см. напримѣръ, некрологъ В. Н. Никитиной въ «Вѣст. Народ. Воли», 1886 г., № 5, стр. 179 и книгу Русанова «Соціалисты Запада и Россіи». Спб., 1909 г., стр. 261).

[2]) Ibidem, стр. 137. Курсивъ вездѣ мой.

[3]) См. «Гол. Мин.», 1916 г., № 9, стр. 30 и 131.

какъ «исканіе забвенія». «Практическое участіе въ политикѣ,—пишетъ Г. Лопатинъ.—онъ (т. е. Лавровъ. *П. В—въ*) считалъ не свойственнымъ себѣ дѣломъ и всячески отстранялся отъ него. И только когда жизнь выяснила всю тщетность его ожиданій (возвращенія въ Россію. *П. В—въ*) и когда внезапная смерть А. П. Чаплицкой опустошила его личную жизнь и *побудила его искать забвенія* въ какой-либо болѣе захватывающей дѣятельности, чѣмъ подцензурная литература, только тогда онъ обратился къ заграничной анти-правительственной агитаціи» [1].

И, повидимому, Лавровъ въ Цюрихѣ, соприкоснувшись съ русской молодежью, нашелъ, наконецъ, то «забвеніе» или «успокоеніе», которыя ему были такъ нужны и необходимы въ то время. «Вчера вечеромъ,—пишетъ онъ изъ Цюриха Штакеншнейдеръ 13 января 1873 г.,—читалъ публичную лекцію о введеніи въ философію, о томъ, что такое философія? Чтобы Вы ни говорили, а *гигіенически* (курсивъ мой. *П. В—въ*) для меня Цюрихъ очень полезенъ; *я значительно поуспокоился* (курсивъ мой. *П. В—въ*), по крайней мѣрѣ, вообще, если не въ частности; даже вчера, когда послѣ моей лекціи стали пѣть русскія пѣсни, я не убѣжалъ и не поднялъ никакого скандала. Время, время и занятія общими вопросами—*великое гигіеническое средство* (курсивъ мой. *П. В—въ*), а послѣднихъ нигдѣ мнѣ не нашлось бы въ такомъ количествѣ, какъ здѣсь въ Цюрихѣ» [2]. И все-таки, несмотря на «радость», съ которой Лавровъ принялъ предложеніе вести соціалистическій органъ, несмотря на «гигіеническое» дѣйствіе на него Цюриха, этотъ послѣдній шагъ дался ему не безъ тяжелыхъ душевныхъ переживаній. За вынужденной «радостью» настоящаго таилось слишкомъ много горечи прошлаго, столь дорогого для Лаврова. Когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ для окончательной ликвидаціи своихъ дѣлъ и переѣзда въ Цюрихъ, это «прошлое» тотчасъ сказалось. «Вотъ я двѣ недѣли въ Парижѣ,—пишетъ Лавровъ 16 февраля 1873 г.,—и готовлюсь къ отъѣзду. Дней черезъ 10-ть я оставлю Парижъ, надѣюсь совсѣмъ. Такія разнообразныя мысли и воспоминанія нагоняетъ при этомъ во мнѣ, такъ странно и горько видѣть... (неразобр.) тамъ, гдѣ думалъ найти отдыхъ и теплый уголъ усталый путникъ [3]: непрочность надеждъ и стремленій такъ ярко обрисовывается, что чувствуешь себя совсѣмъ и старымъ и разбитымъ. А между тѣмъ, мнѣ нужны силы, нужна энергія. Въ то же время никогда такъ ясно не могли предо мною развернуться и мелочи, и важныя формы центральной жизни—моей будущей жизни,—какъ въ послѣднее время моего пребыванія въ Парижѣ и въ недолгое время моего отъѣзда» [4]. И тѣмъ не менѣе, Лавровъ «пошелъ, не колеблясь» по новому пути. Повидимому, сознаніе долга, которое было особенно сильно въ духовномъ складѣ Лаврова, имѣло здѣсь рѣшающее значеніе.

Былъ ли Лавровъ подготовленъ къ той роли, которая неожиданно выпала на него съ 1873 г.? *Психологически* къ этому времени Лавровъ былъ внутренне подготовленъ къ новой дѣятельности. Переживанія, связанныя съ Парижской Коммуной, съ Интернаціоналомъ, какъ мы уже видѣли, оставили на немъ неизгладимый слѣдъ и значительно приблизили его къ соціализму. *Теоретически* Лавровъ былъ болѣе чѣмъ подготовленъ къ новому характеру своей дѣятельности. Обладая колоссальной эрудиціей по всѣмъ отраслямъ знанія, интересуясь особенно гуманитарными науками, Лавровъ въ совершенствѣ зналъ всѣ теоретическія проблемы соціализма. Задачи

[1]) См. «Гол. Мин.», 1916 г., № 4, стр. 198.

[2]) См. «Гол. Мин.», 1916 г., № 9, стр. 131.

[3]) Такъ Лавровъ неоднократно называетъ себя въ письмахъ къ Штакеншнейдеръ (см. напримѣръ, «Гол. Мин.», 1916 г., № 9, стр. 130).

[4]) Ibidem, стр. 12[illegible].

«практической философіи» Лаврова или же построенія его *антропологической этики* еще въ петербургскій періодъ литературной дѣятельности заставили его во многомъ соприкоснуться съ вопросами соціализма, въ особенности съ его утопической разновидностью первой половины XIX вѣка. Встрѣчи съ К. Марксомъ, Фр. Энгельсомъ и Цезаремъ де-Папомъ, дѣятельность перваго Интернаціонала направили теоретическій интересъ Лаврова и его эрудицію въ сторону экономическихъ вопросовъ, въ сторону изученія *научнаго соціализма* въ лицѣ его лучшаго тогдашняго представителя К. Маркса. Итакъ, подготовка Лаврова въ области теоріи соціализма не можетъ внушать никакихъ сомнѣній. Достаточно просмотрѣть журналъ и газету «Впередъ!», чтобы убѣдиться, какъ широко и разносторонне Лавровъ былъ начитанъ тогда во всѣхъ вопросахъ соціализма.

Органъ Лаврова страдалъ именно излишней «научностью» и «теоретичностью», что дѣлало его довольно скучнымъ, сухимъ и всѣмъ этимъ отрывало его отъ жизни. Лавровъ оказался совершенно не подготовленнымъ какъ разъ къ *практическимъ задачамъ* тогдашняго революціоннаго движенія. Весь соціализмъ Лаврова былъ пропитанъ духомъ научнаго кабинета. Вся прошлая дѣятельность Лаврова здѣсь сказалась особенно сильно.

Подойдя въ своей эволюціи въ 1873 г. довольно близко къ соціализму, Лавровъ, тѣмъ не менѣе, *психологически* былъ еще далекъ отъ тогдашней русской молодежи. Понять ее ему, пришедшему къ ней отъ чисто научной работы, первое время было очень трудно. Весьма характерны въ этомъ отношеніи первые шаги Лаврова въ Цюрихѣ. Взять хотя бы его лекціи, которыя онъ тамъ читалъ. Въ своей автобіографіи Лавровъ самъ сообщаетъ, что имъ были тогда читаны лекціи «о роли славянъ въ исторіи мысли, объ исторіи мысли вообще, о роли христіанства въ исторіи мысли и тому подобномъ»[1]. Къ этому перечню надо еще добавить «Введеніе въ философію», которое особенно любилъ читать Лавровъ. Сажинъ, на глазахъ котораго прошли первые шаги Лаврова въ Цюрихѣ, разсказываетъ, что онъ началъ даже читать лекціи по математикѣ, но принужденъ былъ прекратить таковыя за отсутствіемъ слушателей. «Лавровъ,—пишетъ Сажинъ,— совершенно не хотѣлъ понять и не учитывалъ тѣхъ вопросовъ, которые волновали тогда молодежь. Его рѣчь сводилась къ различнымъ историко-философскимъ вопросамъ, причемъ, если молодежь была занята другимъ, Лавровъ неизмѣнно сводилъ бесѣду на намѣченную имъ тему»[2]. Читать же лекціи объ Интернаціоналѣ, великой французской революціи, Парижской Коммунѣ Лавровъ тогда категорически отказывался, считая, что «молодежи нужны только положительныя знанія»[3]. Все это наглядно показываетъ, какъ трудно было Лаврову первое время отъ чисто научныхъ теоретическихъ работъ перейти къ вопросамъ соціализма. Вообще, вліяніе всей прошлой научной и кабинетной дѣятельности Лаврова очень сильно сказывалось при первыхъ шагахъ его на новомъ поприщѣ. Здѣсь достаточно хотя бы напомнить его усилія къ проведенію знанія и пропаганды для русскихъ соціалистовъ, что являлось характерной особенностью его журнала...

Журналъ «Впередъ!» былъ послѣднимъ этапомъ Лаврова на его пути къ соціализму. Съ этого момента (1873 г.) онъ навсегда связалъ свою жизнь съ русскимъ соціально-революціоннымъ движеніемъ, которое, въ свою очередь, тѣсно соединено съ именемъ П. Л. Лаврова.

П. Витязевъ.

[1]) См. [illegible] 1916 г., № 10, стр. 103.
[2]) См. [illegible] 1915 г., № 10, стр. 141.
[3]) Ibidem, стр. 142.

II

ПИСЬМА ПЕТРА ЛАВРОВИЧА ЛАВРОВА

М. Н. Лонгинову.

Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ (1823—1875 г.г.)—извѣстный въ 60 и 70-хъ г.г. библіографъ и историкъ русской литературы. Онъ однимъ изъ первыхъ заговорилъ въ ней о Радищевѣ (1868 г.) и положилъ своими работами начало къ изслѣдованію нашего масонства. Съ 1859 г. по 1864 г. Лонгиновъ состоялъ секретаремъ „Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ" и былъ самымъ его энергичнымъ и дѣятельнымъ работникомъ. Общество многимъ ему обязано своей успѣшной дѣятельностью въ годы его секретарства (См. объ этомъ подробно въ „Словарѣ членовъ Общества Любителей Россійской Словесности", Москва 1911 г., стр. 171—172). Несмотря на то, что Лонгиновъ въ это же самое время состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ генералъ-губернаторѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, сумѣлъ сохранить самую живую связь съ русской литературой и являлся ярымъ поборникомъ свободнаго слова. Къ этому времени относится его близость къ кружку Некрасова, Панаева и Дружинина. Съ 1865 г. въ Лонгиновѣ совершается рѣзкій переломъ—онъ отходитъ отъ прогрессивной литературы и всецѣло отдается служебной дѣятельности. Съ 1867 г. по 1871 г. мы его видимъ уже въ должности орловскаго губернатора, а съ 1871 по 1875 г. онъ уже занимаетъ постъ начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Дѣятельность его на послѣднемъ поприщѣ оставила послѣ себя крайне тяжелую память въ русской литературѣ, такъ какъ Лонгиновъ особенно жестоко преслѣдовалъ „цензурными скорпіонами" какъ всю прогрессивную печать въ цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ ея представителей (образчикомъ обращенія Лонгинова съ писателями можетъ служить его діалогъ съ А. М. Скабичевскимъ, приведенный К. И. Чуковскимъ въ статьѣ „Миша", см. брошюру—„Неизданныя произведенія Н. А. Некрасова", Спб., 1918 г.).

Лонгиновъ сотрудничалъ въ „Современникѣ", „Атенеѣ", „Молвѣ", „Отечественныхъ Запискахъ", „Русскомъ Архивѣ", „Русскомъ Вѣстникѣ", „Русской Старинѣ", „Библіографическихъ Запискахъ", „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и многихъ другихъ повременныхъ органахъ русской прессы. Изъ отдѣльныхъ его работъ особенно извѣстна одна—„Новиковъ и московскіе мартинисты" (Москва, 1867), удостоенная полной Уваровской преміи по рецензіи Пекарскаго.

Подробная библіографія работъ Лонгинова приведена въ „Антикварѣ" за 1902 г. №№ 5, 6 и 7. Списокъ этотъ надо считать неполнымъ: такъ, въ немъ пропущены двѣ работы Лонгинова, помѣщенныя въ „Энциклопедическомъ Словарѣ", составленномъ русскими учеными и литераторами подъ редакціей П. Л. Лаврова (см. „Аксаковъ С. Т."

т. II, Спб. 1861 г., стр. 387—391 и „Арзамасъ", т. V, 1862 г., стр. 312—315). Въ 1915 г. былъ выпущенъ въ Москвѣ первый томъ сочиненій М. Н. Лонгинова подъ ред. П. К. Симони, включающій въ себя статьи съ 1850 по 1859 г., въ изд. Л. Э. Бухгейма. Библіографія о Лонгиновѣ приведена довольно полно С. А. Венгеровымъ въ „Источникахъ словаря русскихъ писателей", т. IV, Петроградъ, 1917, стр. 1—3.

Переписка Лаврова съ Лонгиновымъ относится къ „московскому періоду въ жизни Лонгинова", когда онъ дѣятельно работалъ въ „Обществѣ Любителей Россійской Словесности". Вызвана она была желаніемъ Лонгинова участвовать въ „Энциклопедическомъ Словарѣ" русскихъ ученыхъ и литераторовъ, общимъ редакторомъ котораго былъ П. Л. Лавровъ.

Первое письмо безъ даты. Относится оно, повидимому, къ 1861 г. На это указываетъ то мѣсто письма, гдѣ Лавровъ говоритъ объ отсутствіи М. Л. Михайлова и о принятіи имъ на себя его обязанностей, какъ редактора отдѣла словесности, которымъ завѣдывалъ въ „Словарѣ" Михайловъ. Какъ извѣстно, Михайловъ лѣтомъ 1861 г. ѣздилъ съ Шелгуновыми за границу и вернулся оттуда въ августѣ мѣсяцѣ. На второмъ письмѣ имѣется отмѣтка рукой Лонгинова объ отвѣтѣ Лаврову, что даетъ указаніе на точную дату письма—„23 марта 1863 г."

Подлинники писемъ хранятся въ Пушкинскомъ Домѣ при Академіи Наукъ.

П. В—въ.

Отв. 23 августа.

I.

Милостивый Государь

Михаилъ Николаевичъ.

Не вините меня, сдѣлайте одолженіе, за поздній отвѣтъ. *Сегодня* въ 7 часовъ утра я вернулся въ Петербургъ послѣ трехнедѣльнаго отсутствія, *сегодня* прочелъ Ваше письмо и *сегодня* же на него отвѣчаю. Всякому, кто интересуется русской библіографіей, Ваше имя вполнѣ знакомо, какъ одного изъ лучшихъ ея дѣятелей, и потому я съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ вступить съ Вами въ прямыя сношенія. Если Ваша статья (какъ надѣюсь) не велика,[1]) то пришлите мнѣ ее письмомъ по почтѣ по адресу: *Петру Лавровичу Лаврову, на Фурштадтской улицѣ, въ домѣ Яковлева.* Она не пропадетъ, и Михаилъ Ларіоновичъ[2]) мнѣ передалъ свои

[1]) Повидимому, рѣчь идетъ о статьѣ Лонгинова «Арзамасъ», помѣщенной въ V т. «Энциклопедическаго Словаря», Спб. 1862 г., стр. 312—315.

П. В—въ.

[2]) Имѣется въ виду М. Л. Михайловъ (1826 (29?)—1865 г.)—извѣстный въ 50-хъ и 60-хъ г.г. беллетристъ, публицистъ и поэтъ (особенно знамениты переводы Гейне, Шиллера, Беранже, Лонгфелло, Гёте и др.). Михайловъ состоялъ, какъ извѣстно, редакторомъ отдѣла словесности въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» рус. ученыхъ и литераторовъ, куда былъ приглашенъ А. А. Краевскимъ, который сначала былъ не только издателемъ этого словаря, но и его общимъ редакторомъ. Со II тома общая редакція «Словаря» перешла къ Лаврову, причемъ М. Л. Михайловъ остался, попрежнему, завѣдующимъ отдѣломъ

редакторскія обязанности на время своего отсутствія. Если же это *посылка*, слѣдующая по тяжелой почтѣ (чего не думаю), то потрудитесь адресовать *въ Типографію Глазунова на Большой Мѣщанской, въ домѣ Глазунова*, съ внутреннимъ пакетомъ на мое имя. Я и такъ получу совершенно вѣрно.

Еще разъ извиняюсь въ томъ, что невольно запоздалъ отвѣтомъ, и прошу Васъ принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности.

П. Лавровъ.

Отв. 28 марта 1863 года [1]).

II [2]).

Милостивый Государь

Михаилъ Николаевичъ.

Когда о какой-нибудь личности въ нашей литературѣ рѣшительно нельзя достать никакихъ свѣдѣній, то Вы остаетесь единственнымъ прибѣжищемъ, и если Вы откажетесь помочь въ этомъ случаѣ, то остается написать: свѣдѣній о такой то личности *вовсе нѣтъ*. Поэтому я позволяю себѣ прибѣгнуть къ Вамъ со слѣдующею просьбою: мои сотрудники по русской литературѣ не могли вовсе достать біографическихъ свѣдѣній о *кн. Пор*ѳ.

словесности въ новой редакціи, составленной П. Л. Лавровымъ, куда вошли почти всѣ члены редакціонной коллегіи А. А. Краевскаго, исключая А. К. Корсака (завѣдующаго отдѣломъ наукъ политическихъ — статистики, политической экономіи, финансовъ и т. д.). Въ «Словарѣ» Михайловъ работалъ вмѣстѣ съ Лавровымъ до самаго своего ареста, 14 сентября 1861 года, по дѣлу о провозѣ въ Россію и распространеніи прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», написанной Н. В. Шелгуновымъ. Въ «Словарѣ» Михайловъ помѣстилъ 63 статьи и замѣтки самого различнаго характера (см. т. т. I, II и III). Здѣсь имѣется цѣлый рядъ біографій и характеристикъ русскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, шведскихъ и голландскихъ поэтовъ, писателей, драматурговъ, прозаиковъ, филологовъ, астрономовъ и т. д. Подробный перечень всѣхъ этихъ статей приведенъ П. В. Быковымъ въ приложеніи къ I тому «Собранія сочин. М. Л. Михайлова», вышедшему подъ его редакціей въ изд. Т-ства А. Ф. Маркса въ 1913—1914 г., стр. 367—368.

Лавровъ былъ очень друженъ съ Михайловымъ и послѣ его ареста написалъ ему 22 мая 1862 г. посланіе въ стихотворной формѣ (см. «Былое», 1906 г., № 5, стр. 182). *П. В—въ.*

[1]) Означенное письмо Лаврова было написано Лонгинову въ связи съ редакціонной подготовкой матеріала для II-го тома «Словаря» на букву «Б» (2-е отдѣленіе). Согласно редакціонному плану всего «Словаря», выработанному, повидимому, Лавровымъ (см. предисловіе къ V тому), послѣ первыхъ 5-ти томовъ, охватившихъ только одну букву «А» и составившихъ I отдѣленіе, должно было слѣдовать II-е отдѣленіе съ буквами Б, В, Г, Д. Изъ этого отдѣленія вышелъ только т. I (по общему счету томовъ: VI-й), т. к. словарь пришлось прекратить въ виду нападокъ на него, съ одной стороны, духовенства, а съ другой — прямыхъ доносовъ В. И. Аскоченскаго въ «Домашней Бесѣдѣ». Обращеніе Лаврова къ Лонгинову за справками вполнѣ понятно и естественно, т. к. въ 60-хъ г.г. Лонгиновъ былъ чуть ли не единственнымъ библіографомъ въ Россіи въ полномъ смыслѣ этого слова. *П. В—въ.*

[2]) Помѣтка сдѣлана рукой самого М. Н. Лонгинова. *П. В—въ.*

Ник. Енгалычевъ. ¹) о *Иванѣ* . . . . *Ершовѣ* ²) и о *Ефимовичѣ* или *Ефимовскомъ*, авторѣ театральныхъ пьесъ: «Владиміръ Заревскій», «Музыкантъ и Княгиня» и т. д. ³); о послѣднемъ нѣтъ порядочныхъ свѣдѣній и по литературной дѣятельности. Не можете ли Вы доставить намъ біографическихъ свѣдѣній объ этихъ личностяхъ, точно такъ же, какъ свѣдѣній о литературной дѣятельности послѣдняго? Обстоятельства не дозволили мнѣ обратиться къ Вамъ ранѣе, и потому дѣло это теперь очень спѣшное, особенно съ *Енгалычевымъ*. Вы меня чрезвычайно обяжете, если доставите мнѣ возможность дополнить статьи, назначенныя в «Энц. Словарь» по этимъ предметамъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности.

П. Лавровъ.

23 Марта.

Мой адресъ: Петру Лавровичу Лаврову, въ Петербургѣ, на Фурштадтской улицѣ, въ домѣ Яковлева, противъ лютеранской церкви Св. Анны.

Я. П. Полонскому ¹).

Многоуважаемый Яковъ Петровичъ. Не можете ли Вы содѣйствовать предъявителю сей записки, человѣку, съ самой лучшей стороны рекомендованному мнѣ отъ моихъ заграничныхъ пріятелей, Юрію Андреевичу Руселю, въ скорѣйшемъ полученіи книгъ, присланныхъ имъ изъ заграницы и находящихся теперь въ цензурѣ. Вы меня этимъ очень обяжете. До свиданія.

П. Лавровъ.

24 Авг. 1862 г.

---

¹) Парфеній Николаевичъ Енгалычевъ (1769—1829) — писатель, принадлежавшій къ кружку Новикова. Большей частью занимался переводами съ французскаго. Изъ оригинальныхъ его работъ наиболѣе извѣстны — «О продолженіи человѣческой жизни», «Словарь добродѣтелей и пороковъ» и «О физическомъ и нравственномъ воспитаніи». Кромѣ того, имъ составленъ «Простонародный лечебникъ». См. о немъ: А. Старчевскій, «Словарь», Спб., 1855 г., т. IV, стр. 262; Геннади, Справочный словарь, Берлинъ, 1876 г. т. I, стр. 342, гдѣ приведенъ списокъ его работъ, и С. А. Венгеровъ, Источники словаря русскихъ писателей Спб., 1910 г., т. II, стр. 361. *П. В—въ.*

²) Ершовъ (1777—1827 г.) Иванъ Даниловичъ (Давыдовичъ?) — писатель самоучка. Занимался по преимуществу естественными науками и астрономіей. Имѣется рядъ работъ его и по всеобщей исторіи. Подробно см. о немъ: А. Старчевскій, «Словарь», Спб. 1855 г., т. IV стр. 262; Геннади т. I. Берлинъ, 1876 г., стр. 345 съ перечнемъ его работъ; Энциклопедія Брокгауза и Ефрона, Спб. 1893 г. т. XI, стр. 678—679 и С. А. Венгеровъ «Источники», т. II, Спб. 1910 г. стр. [illegible]. *П. В—въ.*

³) Ефимовичъ Кондратій Дмитріевичъ (годъ рожденія неизвѣстенъ, скончался въ 1847 г.) — драматическій писатель и театральный критикъ. Принадлежалъ къ военной средѣ (служилъ въ артиллеріи). Пьесы его имѣли въ концѣ 30-хъ г.г. шумный успѣхъ у публики. Особенной популярностью пользовались — «Вертеръ и Шарлотта», «Камоэнсъ» и «Владиміръ Заревскій». См. о немъ въ «Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія», 1847 г., ч. 56, отдѣленіе VII, стр. 5, краткій некрологъ, а также у С. А. Венгерова, «Источники». Спб., 1910 г. т. II, стр. 370. *П. В—въ.*

¹) Извѣстный поэтъ. Съ 1860 г. онъ служилъ секретаремъ въ комитетѣ иностранной цензуры, а съ 1876 г. былъ назначенъ членомъ Совѣта Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати. Этой близостью Полонскаго къ цензурнымъ сферамъ и объясняется обращеніе къ нему Лаврова. Подлинникъ письма хранится въ «Пушкинскомъ Домѣ» при Академіи Наукъ. *П. В—въ.*

Ж. А. Рюльманъ [1].

Въ первый разъ пишу я Вамъ, Жозефина Антоновна; я слышалъ что Вы выходите замужъ; если Вы любите того, кого Вы выбрали, искренно, искренно, желаю Вамъ счастья. Я Васъ любилъ и люблю очень, но Ваше счастье для меня выше всего, именно потому, что я

---

[1] Жозефина Антоновна *Рюльманъ*, впослѣдствіи жена извѣстнаго поэта *Я. П. Полонскаго*, родилась 3 декабря 1844 г. Скончалась въ Петроградѣ 6 января н. с. 1920 г. Вышла замужъ 18 іюля 1866 г. за Я. Полонскаго, для котораго это былъ второй бракъ (первый относится къ 1857 г.). Ж. А. Рюльманъ извѣстна, какъ скульпторъ-любительница. Скульптурой она начала заниматься подъ вліяніемъ *И. С. Тургенева*. Въ 1881 г., когда Ж. А. Полонская гостила у И. С. Тургенева въ Спасскомъ, Иванъ Сергѣевичъ случайно обнаружилъ у нея дарованіе къ лѣпкѣ и взялъ съ нея слово, что она займется скульптурой и прежде всего вылѣпитъ его бюстъ. Вѣрная данному слову, Ж. А. поступила въ училище Штиглица, гдѣ обучалась у извѣстнаго скульптора Матвѣя Афанасьевича *Чижова*. Училище она окончила съ серебряной медалью и со званіемъ свободнаго художника. Первой ея работой и былъ бюстъ И. С. Тургенева (изъ бронзы), поставленный на его могилѣ на Волковомъ кладбищѣ (см. Петербургскій Некрополь, Спб., 1918 г., т. IV стр. 306). Второй ея работой былъ колоссальный бронзовый бюстъ *А. С. Пушкина*, заказанный Одесскимъ Городскимъ Самоуправленіемъ. Онъ поставленъ въ г. Одессѣ на Николаевскомъ бульварѣ противъ зданія Думы. Къ сожалѣнію, при установкѣ памятника отсутствовали сама Ж. А. Рюльманъ и архитекторъ Васильевъ. Это привело къ тому, что пьедесталъ, на который поставленъ бюстъ А. С. Пушкина, былъ укороченъ чуть-ли не въ два раза въ сравненіи съ проектомъ. Вслѣдствіе этого недостатка, памятникъ имѣетъ довольно уродливый видъ—бюстъ А. С Пушкина какъ бы придавленъ къ землѣ. Вся эта «одесская исторія» чуть-ли не на всю жизнь осталась для Ж. А. источникомъ безконечныхъ огорченій. Гипсовая модель съ одесскаго бюста А. С. Пушкина была подарена Ж. А. в Александровскій Лицей въ Спб. Она была покрашена подъ цвѣтъ бронзы и поставлена въ саду противъ зданія Лицея, но съ теченіемъ времени дала трещины и развалилась. Изъ другихъ ея работъ извѣстны бюсты— *Я. П. Полонскаго*, *Софьи Ковалевской*, *А. А. Фета*, быв. министра финансовъ *И. А. Вышнеградскаго* и доктора-хирурга *Геера*.

Послѣ смерти Я. П. Полонскаго (в 1898 г.) Жозефина Антоновна явилась главнымъ организаторомъ „*Литературно-Художественнаго Кружка* имени *Я. П. Полонскаго*", въ которомъ въ послѣдніе годы было свыше 200 дѣйствительныхъ членовъ. «Пятницы» этого Кружка пользовались большой извѣстностью въ Петербургѣ. Здѣсь собирался почти весь интеллигентный и общественный Петербургъ—писатели, литераторы, артисты, общественные дѣятели, представители искусства, композиторы и т. д. Въ теченіи 19 лѣтъ (кружокъ прекратилъ свое существованіе въ 1917 г.) Ж. А. безсмѣнно состояла его «Почетной Хозяйкой».

Въ русской литературѣ о Ж. А. имѣются крайне скудныя свѣдѣнія, причемъ большинство изъ нихъ страдаетъ цѣлымъ рядомъ фактическихъ погрѣшностей и неточностей, вродѣ того, напримѣръ, что бюстъ И. С. Тургенева поставленъ въ Одессѣ (!) и т. д. Сообщаемыя нами свѣдѣнія о Ж. А. Полонской—Рюльманъ составлены нами на основаніи матеріаловъ, полученныхъ непосредственно отъ ея сына—*Бориса Яковлевича Полонскаго*, и являются, въ большей своей части, совершенно новыми для нашей литературы. Отдѣльныя упоминанія и замѣчанія о Ж. А. читатель найдетъ у слѣдующихъ авторовъ: *Вл. Соловьевъ* «Я. П. Полонскій», Энцикл. Словарь Брокгауза, 1898 г. Спб. полут. 47 (т. XXIV, стр. 361); *Ф. Витбергъ*, «Я. П. Полонскій», Русская Старина», 1899 г. № 2, стр. 360; «Ж. А. Полонская», Большая Энциклопедія, изд. «Просвѣщеніе», т. 15, стр. 387; *Халанскій* «Поэтическая автобіографія Я. П. Полонскаго», Сборникъ статей «Я. П. Полонскій», составитель В. Покровскій.-Москва. 1906 г. стр. 22; *А. Ф. Кони* «Память Ж. А. Полонской», Вѣстникъ Литературы, Петроградъ, 1920 г., № 1, стр. 16.

Письмо П. Лаврова къ Ж. А. безъ даты. Относится оно къ 1866 году, повидимому, къ первой его четверти (январь—апрѣль), такъ какъ 25 апрѣля 1866 г. Лавровъ уже былъ арестованъ. Подлинникъ письма хранится въ «Пушкинскомъ Домѣ» при Академіи Наукъ. *Н. В—въ.*

Васъ люблю. Я не стыжусь сознаться въ этом, и въ томъ, что Васъ любитъ честный человѣкъ, Вамъ нѣтъ обиды. Будьте счастливы: любить и быть любимымъ—большое счастье. Яковъ Петровичъ [1]) хорошій, какъ я слышалъ, и добрый человѣкъ, можетъ быть, онъ съумѣетъ Васъ оцѣнить. Мнѣ только жаль, что Вы не довѣрили настолько искренности моей привязанности, что я это узналъ случайно, а не чрезъ Васъ или кого нибудь, кто бы от Васъ мнѣ это сообщилъ. Все равно, будьте счастливы, и если когда бы то ни было счастье Вамъ измѣнило, вспомните, что есть человѣкъ, который ничего больше не желалъ, какъ сдѣлать когда нибудь что нибудь для Васъ, совершенно искренно и безкорыстно. Еще и еще разъ желаю Вамъ счастья.

П. Лавровъ.

Если Вамъ не желательно, чтобы я удержалъ единственную вещь, отъ Васъ полученную, Ваши карточки, я уполномачиваю Васъ взять ихъ у Евгеніи Ивановны. Если Вы еще не забыли обѣщанія, даннаго въ каретѣ въ послѣдній день, какъ мы видѣлись, то, конечно, я Васъ разрѣшаю отъ него.

П. М. Лаврову [2]).

Михаилу Петровичу Лаврову [3])—въ С.-Петербургъ, за Нарвскую заставу, по Петергофскому шоссе, на 10-ю версту, дача колониста Егора Шеффера № 82.

Парижъ, 24 іюля (5 авг.) 1870 г.

Я получилъ довольно поздно твое письмо отъ 4 іюля, посланное чрезъ Антропологическое Общество. Оно побуждаетъ меня отвѣтить тебѣ довольно длиннымъ объясненіемъ моей дѣятельности, моего удаленія изъ Россіи и моего нынѣшняго положенія.

Я занималъ болѣе двадцати лѣтъ каѳедру преподавателя [4]) и могу сказать безъ похвальбы, что занималъ ее добросовѣстно. Въ эти двадцать

---

[1]) Полонскій. *П. В—въ.*

[2]) Письмо комментировано П. Витязевымъ.

[3]) У П. Лаврова было четверо дѣтей—Михаилъ Петровичъ, Сергѣй Петровичъ, Елизавета Петровна (†1861) и Марія Петровна (Негрескулъ). Изъ нихъ самымъ старшимъ по возрасту былъ М. П. Лавровъ, который въ началѣ 80-хъ годовъ служилъ контролеромъ движенія на Московско-Рязанской жел. дорогѣ. *П. В—въ.*

[4]) Педагогическая дѣятельность Лаврова продолжалась съ весны 1844 года по апрѣль 1866 г. Преподавалъ онъ математическія науки сначала въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ училищѣ, а затѣмъ занялъ каѳедру высшей математики въ Артиллерійской Академіи, принявъ ее отъ знаменитаго русскаго математика—академика М. В. Остроградскаго. Кромѣ того, Лавровъ еще читалъ курсъ высшей математики въ спеціальномъ классѣ Константиновскаго Военнаго Училища. Подробная характеристика Лаврова, какъ педагога, содержится въ воспоминаніяхъ *Н. П. Фирсова* (см. «Истор. Вѣстн.», 1907 г., № 1 и 2), *В. Г. фонъ-Бооля* (Воспоминанія педагога. «Рус. Старина», 1901 г., № 8, 9 и 11) и въ «Историческомъ очеркѣ образованія и развитія Артиллерійскаго училища. 1820—1870». С.-Пб. 1870 г. Составили бывшіе воспитанники Академіи и училища—*А. Платовъ и А. Кирпичевъ*, стр. 264. *П. В—въ.*

лѣтъ я былъ постоянно въ сношеніяхъ съ рядомъ поколѣній молодежи, но никто не могъ меня обвинить и не обвинялъ въ томъ, что я воспользовался своимъ положеніемъ для распространенія среди моихъ учениковъ противоправительственныхъ идей. Порученную мнѣ обязанность я исполнялъ независимо отъ моихъ политическихъ убѣжденій. Внѣ моего преподаванія я пользовался орудіемъ слова, письма и печати, чтобы проводить свои убѣжденія, но и эта дѣятельность, начиная съ 1855 г., не была тайною. Какъ литераторъ, какъ членъ земства и думы [1]), точно такъ же, какъ и преподаватель, я старался добросовѣстно исполнять свою обязанность, и каждая изъ этихъ дѣятельностей была совершенно независима отъ другихъ. Между тѣмъ, едва я былъ арестованъ, меня удалили изъ Артиллерійской Академіи, прежде слѣдствія и суда, и въ моемъ дѣлѣ я не видѣлъ слѣда вопроса, сдѣланнаго моему начальству, объ исполненіи мною обязанности преподавателя; не видѣлъ слѣда заступничества со стороны артиллерійскаго вѣдомства, которое знало меня болѣе четверти вѣка. Меня обвинили и сослали за пункты столь пустые, что они подходятъ лишь подъ эластичное понятіе неблагонамѣренности, и сами обвинители придавали этимъ пунктамъ столь ничтожное значеніе, что главный пунктъ обвиненія, письмо къ Тиблену [2]), не повелъ ни къ очной ставкѣ съ нимъ, ни даже къ его допросу, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ въ февралѣ 1866 г. Я принялъ мою ссылку и удаленіе отъ всякой дѣятельности, какъ выраженіе неудовольствія на меня со стороны Императора и Его Семьи за то, за что судъ обвинить меня не могъ: за жесткія выраженія объ Отцѣ царствующаго Государя. Я нисколько не отрицаю, что стихотворенія, писанныя мною въ прошлое царствованіе [3]), были направлены противъ прежняго Императора; что они могли

---

[1]) Лавровъ былъ членомъ петербургской думы и земства. Объ этой сторонѣ дѣятельности Лаврова никакихъ матеріаловъ, къ сожалѣнію, не сохранилось.
П. В—въ.

[2]) Н. Л. Тибленъ—извѣстный въ 60-хъ годахъ книгопродавецъ и книгоиздатель. Онъ первый въ Россіи началъ издавать сочиненія Спенсера (въ 7 томахъ). Въ 60-хъ г.г. Тибленъ былъ однимъ изъ тѣхъ центровъ, гдѣ собирался тогдашній литературный Петербургъ. Здѣсь на вечерахъ бывали—Чернышевскій, Костомаровъ, Страховъ, Достоевскій, Бибиковъ, А. Н. Бекетовъ, Соколовъ (авторъ «Отщепенцевъ») и многіе другіе. Въ числѣ прочихъ, довольно часто бывалъ у Тиблена и Лавровъ, который со средины 60-хъ годовъ вступилъ съ нимъ въ дѣловыя отношенія по его издательству. Такъ, онъ взялъ на себя редакцію перевода «Классификаціи наукъ» Спенсера (Спб., 1866 г.). Самъ Тибленъ, переведшій эту книгу, въ своемъ предисловіи къ ней пишетъ: «если русское изданіе окажется удовлетворительнымъ относительно точности передачи подлинника, то это будетъ только благодаря содѣйствію *П. Л. Лаврова*, указаніями котораго *постоянно* пользовался переводчикъ». Послѣ ареста Лаврова и ссылки его въ Вологодскую губ. Тибленъ не терялъ съ нимъ связи и старался всячески поддерживать Лаврова. Въ 1868 г. онъ основалъ подъ своей редакціей ежемѣсячный журналъ «Современное Обозрѣніе»—при участіи В. В. Лесевича, Н. К. Михайловскаго (псевдонимъ Аркадій Протасовъ), Ю. Жуковскаго и др. Къ этому журналу Тибленъ немедленно привлекъ и П. Л. Лаврова, который помѣстилъ здѣсь цѣлый рядъ своихъ работъ («Развитіе ученія о миѳическихъ вѣрованіяхъ», «Антропологическіе этюды», «Задачи позитивизма» и др.). Къ сожалѣнію, на шестой книжкѣ этотъ журналъ закрылся, такъ какъ Тибленъ разорился и былъ принужденъ отъ неоплатныхъ долговъ бѣжать за границу. О Тибленѣ см. у Л. Ф. Пантелѣева, «Изъ воспоминаній прошлаго». Спб., 1905 г., стр. 196—198 и у Н. К. Михайловскаго, Собр. сочин. т. VII, стр. 49-50.

Письмо Лаврова къ Тиблену цитируется въ замѣткѣ «Къ процессу П. Л. Лаврова» («Былое», 1906 г., № 8, стр. 35). *П. В—въ.*

[3]) П. Лавровъ съ раннихъ лѣтъ чувствовалъ большую склонность къ стихотворству. Въ архивѣ Лаврова имѣются двѣ большія тетради его юношескихъ стихотвореній, еще нигдѣ не напечатанныхъ. Изъ этихъ стихотвореній только одно—«Бедуинъ»—было помѣщено въ «Библіотекѣ для Чтенія» (см. 1841 г., т. 46,

показаться оскорбительными Его Дѣтямъ, и что неудовольствіе самодержавнаго Государя, обходя пункты закона, могло выразиться даже чрезъ 10 лѣтъ удаленіемъ меня изъ столицы. Самъ Императоръ, производя радикальныя реформы въ Государствѣ, наслѣдованномъ Имъ отъ Отца, и реформы именно въ томъ направленіи, которое выражалось въ моемъ стихотвореніи, писанномъ въ день Его коронаціи [1]),—самъ Императоръ не могъ находить ничего существенно-предосудительнаго въ неудовольствіи противъ общественнаго строя, Имъ измѣненнаго. Я ожидалъ, что раздраженіе противъ меня за оскорбленіе прежняго Императора пройдетъ, ожидалъ, что моя двадцатилѣтняя дѣятельность, какъ преподавателя, будетъ взята въ соображеніе, и что я вернусь къ своимъ кабинетнымъ ученымъ занятіямъ. Я не просилъ милости, потому что не чувствовалъ себя виноватымъ [2]).

Я считалъ себя способнымъ дѣйствовать на трехъ путяхъ: на педагогическомъ, на учено-литературномъ и какъ выборный представитель земства. Мое быстрое удаленіе съ кафедры, прежде слѣдствія и суда, убѣдило меня, что педагогическая дѣятельность для меня навсегда закрыта. Мое нахожденіе подъ судомъ закрывало мнѣ и дѣятельность по выборамъ, которая, при нынѣшнемъ жалкомъ положеніи земства, и не представляла значительнаго интереса. Оставалась дѣятельность учено-литературная. Это былъ единственный путь, которому я могъ посвятить себя, и мои труды по исторіи науки, начатые публично, оффиціально [3]), могли свидѣтель-

---

стр. 5—7). Въ серединѣ 50-хъ годовъ Лавровъ написалъ нѣсколько стихотвореній политическаго характера съ цѣлымъ рядомъ нецензурныхъ выраженій и рѣзкой критикой царствованія Николая I-го, какъ то: «Къ русскому царю» (см. «Былое», 1907 г., № 2, гдѣ оно напечатано полностью), «Къ русскому народу», «Пророчество», «На смерть императора Николая I-го», и т. п. (см. замѣтку «Къ процессу П. Л. Лаврова», «Былое», 1906 г., № 8, гдѣ приведены отрывки изъ нѣкоторыхъ стихотвореній, а также книгу Н. С. Русанова «Соціалисты Запада и Россіи», Спб., 1909, стр. 211—213). Два первыхъ стихотворенія анонимно ходили въ рукописяхъ среди высшихъ круговъ петербургскаго общества въ концѣ 50-хъ годовъ, усиленно переписывались и читались въ тогдашнихъ литературныхъ салонахъ (см. по этому поводу «Дневникъ Е. А. Штакеншнейдеръ 1855—1858» въ «Гол. Мин.», 1915 г., № 11, стр. 181). За стихотвореніе «Къ русскому народу», рукопись котораго попала въ руки правительства, былъ привлеченъ къ отвѣтственности и допрошенъ А. С. Хомяковъ, но дѣло окончилось ничѣмъ, хотя Лавровъ, узнавъ объ опасности, угрожающей Хомякову, хотѣлъ даже признать свое авторство. Два стихотворенія—«Пророчество» и «Къ русскому народу» были пересланы Лавровымъ А. И. Герцену, и послѣдній напечаталъ ихъ, вмѣстѣ съ препроводительнымъ письмомъ Лаврова, въ IV книжкѣ «Голосовъ изъ Россіи», Лондонъ, 1857 г. (см. по этому поводу автобіографію Лаврова, «Вѣстн. Европы», 1910 г., № 10, стр. 97). При арестѣ Лаврова этотъ фактъ, разумѣется, былъ установленъ, какъ и вообще его переписка и сношенія съ Герценомъ. *П. В—въ.*

[1]) Стихотвореніе это называлось—«Новому царю». Полный текстъ его въ русской печати не появлялся, за исключеніемъ небольшого отрывка (см. «Былое», 1906 г., № 8, стр. 37). *П. В—въ.*

[2]) О полномъ нежеланіи Лаврова подавать какія-либо прошенія о смягченіи своей участи свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ также и М. П. Сажинъ, бывшій вмѣстѣ съ Лавровымъ въ ссылкѣ въ г. Вологдѣ. «На мое предложеніе,—разсказываетъ Сажинъ,—напомнить о себѣ прошеніемъ, Лавровъ отвѣтилъ самымъ рѣзкимъ отказомъ». По мнѣнію Лаврова, правительство должно было первое «вспомнить о немъ и загладить передъ нимъ свою ошибку. Самъ же онъ никакихъ прошеній писать не желаетъ» (см. статью «Лавровъ въ воспоминаніяхъ современниковъ», «Голосъ Мин.», 1915 г., № 10, стр. 118). *П. В—въ.*

[3]) Лавровъ имѣетъ въ виду свою работу «Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ», составленную изъ лекцій, читанныхъ имъ въ лабораторіи Артиллерійской Академіи (См. «Морской Сборникъ» и «Артиллерійскій Журналъ» за 1865 и 1866 г.г., гдѣ этотъ трудъ печатался). Работа осталась незаконченной въ виду ареста Лаврова 25 апрѣля 1866 г. Послѣдніе параграфы этого труда о Діофантѣ и о концѣ древняго міра были набраны, и Лавровымъ уже была просмотрѣна

ствовать, что на этомъ скромномъ пути, не касаясь никакихъ политическихъ опасныхъ сферъ, я въ состояніи быть не безполезнымъ для русской науки и для русской серьезной литературы. Если меня ставили въ число писателей оппозиціонныхъ, то я все-таки считалъ возможнымъ допустить въ лицахъ, высокостоящихъ въ Россіи, столько же патріотической любви къ Россіи и къ русской мысли, сколько я самъ чувствовалъ; я полагалъ, что эти лица не только не станутъ препятствовать, но будутъ содѣйствовать предпріятію, полезному для русской мысли и не представляющему никакой опасности въ политическомъ отношеніи.

На этомъ основаніи, какъ только я былъ арестованъ, я написалъ письмо къ Великому Князю Константину Николаевичу, Который, какъ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, занималъ первое мѣсто въ Имперіи послѣ Императора, постоянно выказывалъ, какъ говорили, сочувствіе русской наукѣ, и, по Своимъ личнымъ отношеніямъ, могъ, какъ мнѣ казалось, лучше другихъ противодѣйствовать вреднымъ проявленіямъ диктатуры Графа Муравьева. Я не имѣлъ никогда личныхъ сношеній съ Великимъ Княземъ, но обращался къ Нему, во имя русской науки, съ просьбою исходатайствовать мнѣ разрѣшеніе заниматься исторіею науки во время ареста. Я отвѣта не получилъ [1])...

Послѣ двухъ лѣтъ ссылки я убѣдился, что въ уѣздномъ городѣ я не имѣю никакой возможности продолжать свои серьезные труды [2]). Окончанія ссылки не предвидѣлось въ скоромъ времени, такъ какъ меня, подъ самымъ пустымъ предлогомъ, выслали снова изъ губернскаго города въ уѣздный, по приказанію министра, опять прежде слѣдствія и суда; трусость же губернатора и мелочная придирчивость всемогущаго жандармскаго

корректура, но напечатать ихъ послѣ ареста Лаврова редакція «Морского Сборника» не рѣшилась. (См. по этому поводу автобіографію Лаврова, «Вѣстникъ Европы», 1910 г., № 10, стр. 99). Также прекратилъ печатаніемъ «Очерки» и «Артиллерійскій Журналъ», побоявшись перепечатать даже тѣ главы, которыя уже были помѣщены въ «Морскомъ Сборникѣ».

Изъ другихъ работъ Лаврова того времени къ «исторіи наукъ» имѣютъ отношеніе его три лекціи—«Вліяніе развитія точныхъ наукъ на успѣхи военнаго дѣла и въ особенности артиллеріи», читанныя имъ для офицеровъ артиллеріи (см. «Артиллерійскій Журналъ», 1865 г., №№ 4, 6 и 7, а также отдѣльное изданіе, Спб., 1865 г.). Характерно, что послѣ ареста Лаврова отдѣльное изданіе этихъ лекцій было все изъято изъ обращенія среди офицеровъ артиллеріи и почти цѣликомъ уничтожено. Въ русской литературѣ эта сторона дѣятельности Лаврова еще не получила достаточной оцѣнки. До сихъ поръ намъ извѣстны только двѣ статьи-рецензіи объ этихъ трудахъ Лаврова, принадлежащія В. А. Зайцеву, которыя пока являются *единственными* въ нашей литературѣ (см. «Русское Слово», 1865 г., №№ 8 и 9). *П. В—въ.*

[1]) Упоминаемое Лавровымъ письмо съ черновой рукописи было напечатано полностью (См. «Два письма П. Л. Лаврова къ вел. кн. Константину Николаевичу», «Голосъ Минувш.», 1915 г., № 7—8, стр. 219—222). По поводу этого письма къ Константину Николаевичу Е. А. Штакеншнейдеръ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ, что великій князь «не только не принялъ никакого участія въ Лавровѣ, но и посиѣшилъ увѣрить Муравьева, который не на шутку на него косился въ то время, что онъ въ глаза не видалъ Лаврова и никогда не подавалъ ему ни малѣйшаго повода обращаться къ нему». (См. «Голосъ Минувш.», 1915 г., № 7—8, стр. 109). *П. В—въ.*

[2]) Мысль о бѣгствѣ изъ Вологодской губерніи явилась у Лаврова, повидимому, на второмъ году ссылки (въ 1869 г.), но онъ не могъ ее осуществить. На это имѣются прямыя указанія въ воспоминаніяхъ Лопатина (см. «Голосъ Минувш.», 1915 г., № 9, стр. 137), Сажина («Голосъ Минувш.», 1915 г., № 10, стр. 122) и Е. А. Штакеншнейдеръ («Голосъ Мин.», 1915 г., № 12, стр. 125). Большую роль въ этомъ отношеніи сыграло бѣгство изъ Вологодской губерніи Чаплицкой (1869 г.). Подробно объ этомъ см. въ моей брошюрѣ «Ссылка Лаврова въ Вологодск. губерн. и его занятія антропологіей», Вологда, 1915 г., стр. 13 и 14. *П. В—въ.*

штабъ-офицера не дозволяли надѣяться на энергическое заступничество мѣстной власти [1]). Между тѣмъ, годы шли; я старѣлъ; климатъ дѣйствовалъ на меня вредно; чрезъ нѣсколько лѣтъ я могъ сдѣлаться совсѣмъ неспособнымъ къ продолженію работъ, особенно при образѣ жизни, который я велъ. Я сказалъ себѣ, что я не въ правѣ подчиняться приговору, не имѣющему даже достаточныхъ формальныхъ основаній, что я обязанъ доставить себѣ положеніе, въ которомъ продолженіе моихъ учено-литературныхъ трудовъ было бы возможно; если же продолжающееся неудовольствіе Императора и Его Семьи закрываетъ для меня столицу, то мнѣ остается попытаться продолжать свои работы за границею.

Но разорвать связи съ отечествомъ, даже временно, очень тяжело, и тотъ, кто можетъ быть для него полезнымъ, оставаясь въ его предѣлахъ, сохраняя съ нимъ формальную связь,—тотъ долженъ сохранить ее. Мнѣ было очень больно эмигрировать, и никому я не совѣтую сдѣлать это безъ крайней необходимости; лишь тогда, когда отрѣзаны всѣ пути полезной дѣятельности въ отечествѣ,—лишь тогда извинительна или обязательна эмиграція. Мнѣ пути были отрѣзаны.

Тѣмъ не менѣе, я сдѣлалъ послѣднее усиліе. Я обратился съ письмомъ къ Князю Суворову [2]), излагая ему мое положеніе и прося его исходатайствовать лично у Императора замѣну внутренней ссылки для меня ссылкою за границу на то время, впродолженіе котораго Правительство считаетъ нужнымъ не допускать меня въ Петербургъ. Такимъ образомъ я могъ бы продолжать свои занятія при пособіи библіотекъ въ иностранныхъ столицахъ и университетскихъ городахъ, не разрывая связи съ Россіею и выжидая,

---

[1]) Въ началѣ своей ссылки въ Вологодскую губ. Лавровъ жилъ въ гор. Тотьмѣ. Въ 1868 г. ему удалось при помощи Е. А. Штакеншнейдеръ (см. по этому поводу ея воспоминанія въ «Голосѣ Минувш.», за 1915 г. № 12, стр. 124 и 132) добиться разрѣшенія жить въ губернскомъ гор. Вологдѣ, откуда онъ, по доносу начальника вологодскаго жандармскаго управленія полковника Мерклина, былъ высланъ въ захолустный уѣздный городокъ Кадниковъ. (Обо всемъ этомъ подробно см. въ моей статьѣ «П. Л. Лавровъ въ воспоминаніяхъ современниковъ», «Голосъ Минувш.», 1915 г., № 10, стр. 117, 119, 120 и брошюрѣ—«Ссылка П. Лаврова въ Вологодской губерніи и его занятія антропологіей», Вологда, 1915 г., стр. 3 и 6). Вологодскимъ губернаторомъ во время пребыванія тамъ Лаврова былъ Хоминскій—человѣкъ довольно приличный и мягкій, но страшно боявшійся Мерклина (см. о Хоминскомъ у *Л. Ф. Пантелѣева*. Изъ воспоминаній прошлаго. Спб., 1905 г., стр. 267 и 273, у *П. Засодимскаго*—«Страничка изъ литературныхъ воспоминаній». «Истор. Вѣстн.», 1904 г., № 5 и у *В. Короленко*—«Исторія моего современника» т. II, ч. 3, 4. 5. изд. «Задруга», М., 1920 г., стр. 56-57 и 68-69). *П. В—въ.*

[2]) Князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ (1804—1882 г. г.), бывшій генералъ-губернаторъ г. Петербурга, въ 60-хъ г.г. пользовался широкой популярностью, какъ добрый и гуманный человѣкъ. Онъ имѣлъ вліяніе на Александра II-го и умѣлъ снискать его особенное довѣріе и расположеніе. Всѣмъ этимъ и объясняется обращеніе Лаврова къ Суворову. (Подробно о Суворовѣ см. у Л. Ф. Пантелѣева, «Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 241—245, 281—282, въ «Воспоминаніяхъ» Н. В. Шелгунова, напечатанныхъ въ «Юбилейномъ Сборникѣ Литературнаго Фонда», Спб., 1909 г. стр. 409—410, во «Впередъ!» т. II, Цюрихъ, 1874 г., стр. 77, у кн. В. П. Мещерскаго, «Мои воспоминанія» Спб., 1897 г., ч. I, стр, 233, 235, 250, 251, 307—310, 418, 422; ч. II, 16, 29, 34, 35—42, 45, 434 и 497 и, наконецъ, «Русскій Біограф. Словарь» Спб. 1912 г., изд. «Имп. Рус. Истор. Общества», гдѣ приводится о немъ самая подробная библіографія). Письмо Лаврова къ Суворову напечатано полностью въ «Голосѣ Минувшаго» (см. № 12, 1915 г., въ статьѣ «Изъ воспоминаній Е. А. Штакеншнейдеръ о Лавровѣ» стр. 126—131. Къ сожалѣнію, въ этомъ письмѣ, въ сравненіи съ подлинникомъ, имѣется очень много грубыхъ опечатокъ и пропусковъ, иногда мѣняющихъ смыслъ письма). Датировано это письмо—«10 марта 1869 г.». Въ это время Суворовъ былъ въ отставкѣ и впалъ въ «опалу» за свое явное несочувствіе всей политикѣ всесильнаго тогда графа Муравьева. *П. В—въ.*

когда мнѣ будетъ можно въ нее вернуться. Я имѣлъ очень мало надежды на успѣхъ моего обращенія къ Князю Суворову, но считалъ своею обязанностью сдѣлать все, отъ меня зависящее, чтобы не прибѣгнуть къ послѣдней тяжелой мѣрѣ—къ эмиграціи. Князь Суворовъ отвѣтилъ словесно, отклонивъ отъ себя подобнаго рода ходатайство [1]).

Я выжидалъ еще окончанія трехлѣтія ссылки. Въ это время я убѣдился, что и ходатайства Начальника губерніи недостаточно даже для того, чтобы меня перевели изъ уѣзднаго города въ губернскій. Напротивъ, положеніе ссыльныхъ ухудшилось, притѣсненія увеличились, и даже пересылка ученыхъ книгъ вызывала сотни непріятностей. Я считалъ безнравственнымъ долѣе подчиняться мѣрамъ, которыя не находилъ справедливыми, и которыя отнимали у меня возможность дѣйствовать полезно даже въ скромной сферѣ науки. Три года исполнились. Я оставилъ Россію. Я остался вѣренъ своимъ намѣреніямъ... [2])

Я бы готовъ былъ вернуться въ Россію, если бы мнѣ дозволили спокойно жить въ Петербургѣ и заниматься тамъ наукою при пособіи тамошнихъ библіотекъ, такъ какъ ни одинъ городъ Россіи внѣ Петербурга не представляетъ для моего труда достаточныхъ средствъ. Но Петербургъ мнѣ закрытъ волею Императора; при возвращеніи, меня немедленно сослали бы въ какой либо глухой уголъ Россіи; слѣдовательно, мнѣ приходится жить заграницей.

Я остаюсь Русскимъ въ душѣ; расширеніе истины и справедливости въ моемъ отечествѣ составляло и составляетъ мое искреннѣйшее желаніе и цѣль, достиженію которой я готовъ содѣйствовать всѣми своими силами...

Будущая моя дѣятельность зависитъ отъ обстоятельствъ, которыя я предвидѣть не могу, но въ настоящую минуту продолженіе моихъ научныхъ трудовъ составляетъ главную и едва ли не единственную цѣль моихъ занятій.

Полагаю, любезный Мишель, что это письмо совершенно опредѣляетъ мое положеніе относительно русскаго Государства, относительно васъ, моихъ дѣтей. Я не имѣю въ виду переходить въ другое подданство, пока это будетъ мнѣ возможно, и считаю себя Русскимъ. Знаю, что произвольное удаленіе изъ предѣловъ Государства и изъ мѣста ссылки вызываетъ кару закона. Предоставляю судить другимъ, насколько въ настоящемъ случаѣ представляется облегчающихъ обстоятельствъ, и насколько это единственное нарушеніе закона заслуживаетъ кары. Мое удаленіе не случайно, но обдумано, и я не предвижу случайностей, которыя прекратили бы въ скоромъ времени мое нынѣшнее положеніе. Вы можете естественнымъ путемъ занять мое мѣсто въ гражданскомъ порядкѣ. Будьте счастливы; отъ всей души желаю, чтобы вы могли впродолженіе всей вашей жизни служить Россіи въ ея предѣлахъ съ тою любовью, которую я къ ней сохраняю и здѣсь.

---

[1]) Письмо къ Суворову было послано Лавровымъ черезъ Е. А. Штакеншнейдеръ, которая лично отвезла его и вручила князю. Подробно обо всемъ этомъ см. въ ея воспоминаніяхъ («Голосъ Минувш.», 1915 г., № 12, стр. 124, 137 и 138). *П. В—въ.*

[2]) Дочь П. Л. Лаврова—Марія Петровна Негрескулъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что ея отецъ «рѣшилъ терпѣливо ждать три года. Если по окончаніи этого срока его не вернутъ въ Петербургъ, что ему было необходимо для научной работы, онъ уѣдетъ за границу» (см. «Голосъ Минувш.», 1915 г., № 9, стр. 141). Лавровъ прибылъ въ Вологодскую губернію 15 февраля 1867 года, а бѣжалъ при помощи Германа Лопатина 15 февраля 1870 года. Такимъ образомъ, Лавровъ съ пунктуальной точностью исполнилъ свое обѣщаніе. М. П. Негрескулъ очень часто любила говорить, что ея отецъ въ данномъ случаѣ оправдалъ званіе «математика». *П. В—въ.*

П. Н. Полевому [1].

Милостивый Государь,

Петръ Николаевичъ!

Если не ошибаюсь, у Васъ находятся слѣд. мои книги: 1) Записки Москов. археол. Общества; 2) Мысли объ исторіи рус. языка И. И. Срезневскаго. Желая имѣть ихъ передъ своимъ отъѣздомъ, я надѣюсь, что Вы будете такъ добры и не замедлите переслать мнѣ ихъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга *П. Лавровъ.*

6 Декабря 1870 г.

Марко-Вовчокъ.

Марія Александровна Марко-Вовчокъ (Марковичъ—1835—1907 г.)—извѣстная въ 60-хъ и 70-хъ г.г. писательница и переводчица [2]. Свою литературную дѣятельность она начала на украинскомъ языкѣ въ 1858 г. разсказами „Народніи Оповиданыя“, имѣвшими самый шумный успѣхъ и переведенными на русскій языкъ И. С. Тургеневымъ. Съ 1868 г. она вступила въ русскую литературу и вошла вмѣстѣ съ Д. И. Писаревымъ въ „Отечественныя записки“, куда она была приглашена ихъ новой редакціей (Н. А. Некрасовъ, Г. З. Елисѣевъ и М. Е. Салтыковъ-Щедринъ). Здѣсь она помѣстила цѣлый рядъ романовъ и повѣстей, какъ-то: „Живая душа“, „Записки причетника“, „Теплое гнѣздышко“, „Въ глуши“, и др. Съ конца 70-хъ г.г. Марко-Вовчокъ почти бросаетъ всякую литературную работу.

Письмо Лаврова было имъ написано изъ Лондона 5 мая 1871 г. и приложено къ письму Е. А. Штакеншнейдеръ [3]). Какъ извѣстно, Лавровъ въ своихъ сношеніяхъ съ редакціями легальныхъ русскихъ журналовъ и газетъ долженъ былъ, по конспиративнымъ соображеніямъ, прибѣгать къ посредничеству третьихъ лицъ. Такими лицами были:

---

[1]) Означенное письмо, повидимому, адресовано П. Н. Полевому, хотя прямыхъ указаній на это не имѣется. Оно извлечено нами изъ такъ называемаго «Дашковскаго Собранія» Пушкинскаго Дома при Академіи Наукъ, гдѣ имѣется много писемъ именно къ П. Н. Полевому. Во вторыхъ, самъ Лавровъ въ своихъ письмахъ къ Е. А. Штакеншнейдеръ (какъ опубликованныхъ, такъ и неопубликованныхъ), относящихся къ 1871—72 г., неоднократно упоминаетъ о П. Н. Полевомъ, съ которымъ, повидимому, у него были кое-какія сношенія, хотя и случайнаго характера.

П. Н. Полевой (1839—1902)—извѣстный писатель, историкъ русской литературы, беллетристъ и журналистъ. Состоялъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи русскаго языка и русской литературы в Новороссійскомъ и Варшавскомъ Университетахъ. Съ 1871 г. его педагогическая и ученая дѣятельность обрывается, и онъ всецѣло отдаетъ себя журналистикѣ и беллетристикѣ.

П. В—въ.

[2]) Жюль-Верна, Виктора Гюго, Эркмана Шатріана, сказокъ Андерсена, Дж. Милля и др.

[3]) См. «Голосъ Минувш.», 1916 г. № 7—8, стр. 124—127.

В. В. Лесевичъ [1]) Е. А. Штакеншнейдеръ, М. А. Марко-Вовчокъ, Г. Н. Вырубовъ, [2]) М. М. Ковалевскій [3]) и отчасти Н. И. Карѣевъ [4]).

Въ 1871 г. у Лаврова вышелъ серьезный конфликтъ съ редакціей „Отечественныхъ Записокъ“ изъ-за задержки гонорара за напечатанныя тамъ статьи и работы. Повидимому, это произошло безъ вины самой редакціи, а было вызвано исключительно ненормальностью сношеній съ Лавровымъ черезъ разныхъ лицъ, причемъ каждый изъ нихъ старался дѣйствовать, по конспиративнымъ соображеніямъ, „на словахъ“. При наличіи этихъ условій очень легко могли спутаться денежные счета и расчеты. Во всякомъ случаѣ, неаккуратность „Отечественныхъ Записокъ“ причинила немало огорченій П. Л. Лаврову, который матеріально въ это время очень нуждался. Онъ съ горечью долженъ былъ констатировать въ своихъ письмахъ Е. А. Штакеншнейдеръ, что „порядочные люди (въ лицѣ „Отечеств. Записокъ“ *П. В—въ*) разрываютъ съ нимъ всякія сношенія и не заботятся объ ихъ поддержаніи“ [5]). Это заставило Лаврова искать работы у Г. Е. Благосвѣтова въ его „Дѣлѣ“ и у Н. А. Гольдсмита въ „Знаніи“, гдѣ онъ помѣщаетъ большинство своихъ работъ въ 70-е годы. Лаврову было нелегко порывать съ „Отечеств. Записками“ и идти въ чужіе ему по духу журналы. Сдѣлалъ онъ это, что называется, „скрѣпя сердце“, „махнувъ рукой на щепетильность“, какъ онъ самъ выразился по этому поводу въ своемъ письмѣ [6]). Сообщая Е. А. Штакеншнейдеръ о своемъ вступленіи въ переговоры съ редакціей журнала „Дѣло“, Лавровъ самъ сознается, что чувствуетъ себя „нѣсколько сконфуженнымъ“ этимъ обстоятельствомъ и даже ждетъ отъ нея упрековъ въ непослѣдовательности. И далѣе Лавровъ сообщаетъ ей, что онъ раньше къ „Дѣлу“ „относился не очень сочувственно“, а съ его редакторомъ—Г. Е. Благосвѣтовымъ—онъ, попросту, „не желалъ вовсе имѣть дѣла“. Инцидентъ въ „Отечеств. Запискахъ“ и матеріальная нужда принудили Лаврова сдѣлать этотъ тяжелый для него шагъ.

Надо сказать, что надежды, возлагаемыя Лавровымъ на посредничество Марко-Вовчокъ въ его сношеніяхъ съ „Отечеств. Зап.“, не оправдались. Ей не удалось установить нормальныя отношенія съ редакціей и выяснить возникшія недоразумѣнія. Въ этомъ отношеніи Марко-Вовчокъ, повидимому, не проявила достаточной энергіи и должнаго вниманія. По крайней мѣрѣ, Лаврову приходится въ теченіе всего 1871 года и даже 72-го неоднократно спрашивать Е. Штакеншнейдеръ, что сдѣлала для урегулированія сношеній съ „Отеч. Зап.“ „романистка“, т. е. Марко-Вовчокъ. Мало того, онъ проситъ ее самое взять на себя выясненіе всего дѣла, не надѣясь уже на Марко-Вовчокъ [7]). Невнимательное отношеніе Марко-Вовчокъ къ Лаврову повело къ тому, что онъ, говоря о ней въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Е. Штакеншнейдеръ, даже долженъ былъ заговорить о „повальномъ пониженіи нравственности, особенно литературной и издательской“ [8]).

[1]) См. «Голосъ Минувш.», 1916 г. № 9, стр. 118—119.

[2]) Сношенія съ журналомъ «Знаніе» см. «Вѣстн. Евр.», 1914 г. № 3, статью М. М. Ковалевскаго «За рубежомъ», стр. 217—227.

[3]) Связь съ газетой «Рус. Вѣд.» въ 90-хъ г.г. см. «Письмо Лаврова къ М. Ковалевскому», «Рус. Богатство», 1914 г. № 1, стр. 192—202.

[4]) Журналъ «Критич. Обозрѣніе» за 1879—80 г.г.

[5]) См. «Гол. Мин.» 1916 г. № 7—8, стр. 129.

[6]) См. «Гол. Мин.», 1916 г. № 7—8, стр. 129.

[7]) См. «Гол. Мин.», 1916 г., № 7—8, стр. 130 и 131 и № 9, стр. 115.

[8]) «Гол. Мин.», 1916 г. № 9 стр. 121.

Какъ бы тамъ ни было, но отношенія Лаврова съ редакціей „Отечеств. Записокъ" въ началѣ 70-хъ г. были крайне ненормальны и испорчены въ конецъ. „Я считаю мои сношенія съ этою редакціей оконченными,— писалъ Лавровъ Е. Штакеншнейдеръ 8 января 1872 г.,—не думаю, чтобы они обокрали меня, но нахожу ихъ весьма невнимательными и неаккуратными, тѣмъ болѣе, что я принялъ нѣкоторыя мѣры противъ того, что дѣйствительно случилось, но они не обратили вниманія" [1]). Несмотря на происшедшій инцидентъ, Лавровъ все-таки „окончательно" не порвалъ своихъ связей съ „Отечеств. Записками". Такъ напримѣръ, въ 1871 г. онъ помѣстилъ тамъ статью о книгѣ Тэна [2]), а въ 1872 г. большую работу о К. Д. Кавелинѣ [3]). Только въ январѣ 1873 г. Лавровъ наконецъ получилъ отъ редакціи „Отечеств. Зап." полностью свой гонораръ и урегулировалъ съ ней свои взаимоотношенія. Это видно изъ его письма къ Штакеншнейдеръ, гдѣ онъ сообщаетъ ей объ этомъ, причемъ добавляетъ даже, что получилъ отъ „Отечеств. Записокъ" цѣлый рядъ литературныхъ заказовъ на статьи. Но Лавровъ уже указываетъ на „постоянное накопленіе работъ" и ничего не обѣщаетъ для „Отечеств. Записокъ" [4]). И дѣйствительно, за 4-хъ лѣтній періодъ съ 1873 по 1876 г. включительно Лавровъ не далъ ни одной статьи въ „Отечеств. Записки", въ то время, когда его работы печатались въ „Знаніи" и даже „Дѣлѣ". Повидимому, прежній разладъ сказывался, нормальныя отношенія не могли скоро наладиться, и регулярное сотрудничество Лаврова въ „Отечеств. Запискахъ", какъ это было въ 1868—70 г.г., не возстановилось до самаго ихъ закрытія. Быть можетъ, здѣсь мѣшала Лаврову его интенсивная работа по изданію и редактированію журнала и газеты „Впередъ". Быть можетъ, его поглощала и та активная роль въ русскомъ революціонномъ движеніи, которую онъ игралъ за границей какъ разъ въ періодъ своего литературнаго молчанія на страницахъ „Отечеств. Записокъ" (1873—1876 г.г.). Объ этомъ онъ отчасти и самъ говоритъ Е. Штакеншнейдеръ, жалуясь ей, что теперь онъ „не имѣетъ времени" для работы въ „Дѣлѣ" и „Отечеств. Запискахъ" [5]). Съ другой стороны, повидимому, его связывали обѣщанія и обязательства, данныя раньше журналу „Знаніе" и отчасти „Дѣлу".

Работу въ „Отечеств. Запискахъ" Лавровъ возобновилъ в 1877 г., но все его сотрудничество съ этого времени носитъ чисто эпизодическій характеръ, и его нельзя отнести къ постояннымъ сотрудникамъ этого журнала, какъ это было в 70-хъ г.г. Надо полагать, что этому въ значительной мѣрѣ препятствовало еще зоркое око цензуры, которое особенно усердно слѣдило за „Отеч. Записками".

Подлинникъ печатаемаго письма находится въ „Пушкинскомъ Домѣ" при Академіи Наукъ. Письмо безъ подписи, какъ и всѣ письма Лаврова, адресованныя имъ въ Россію своимъ легальнымъ друзьямъ, знакомымъ и вообще корреспондентамъ.

П. Витязевъ.

---

[1]) См. «Гол. Мин.» 1916 г. № 9, стр. 115.
[2]) «Наука психическихъ явленій и ихъ философія» «Отеч. Зап.» № 3.
[3]) «Кавелинъ, какъ психологъ», «Отеч. Зап.», №№ 8, 10 и 11.
[4]) См. «Гол. Мин.», 1916 г. № 9, стр. 134.
[5]) См. «Гол. Мин.», 1916 г. № 9, стр. 137.

Многоуважаемая Марья Александровна. Писалъ я Вамъ давно уже изъ Лондона и отвѣта не получилъ. Не имѣю ни Вашего адреса и никакого средства войти въ сношенія съ редакціей [1]. Заключаю изъ небрежности редакціи относительно сообщенія со мной о нежеланіи продолжать эти сообщенія. Мнѣ это жаль, но что же дѣлать: насильно милъ не будешь. Теперь прошу Васъ отвѣтить мнѣ.

1) Какія мои статьи изъ посланныхъ Вы получили? Какія изъ нихъ напечатаны или будутъ напечатаны?

2) Почему мнѣ не прислано От. Зап. с октября 1870 г.? Послѣдній полученный №—Сентябрь 1870 на rue Jacob. Если даже редакція намѣрена прервать сношенія со мной и не печатать ни строчки человѣка, слишкомъ опаснаго, все таки до конца 1870 я имѣю право получить, на основаніи *прежде* даннаго обѣщанія. За 1871, если не пришлютъ, я и самъ выпишу.

3) Я получилъ въ Лондонѣ изъ редакціи 350 р. Прошу Васъ еще разъ выхлопотать мнѣ счетъ по этимъ деньгамъ. Кто и когда получилъ остальное изъ слѣдовавшаго за 1870 г. с Января по Августъ?

Прошу Васъ, отвѣтьте мнѣ или черезъ подательницу сего, или черезъ rue Jacob, или на мою старую квартиру.

Желаю Вамъ всего лучшаго. А что *Вашъ* журналъ [2])?

Н. И. Карѣеву [3]).

Въ своихъ воспоминаніяхъ о знакомствѣ съ П. Л. Лавровымъ, помѣщенныхъ въ „Быломъ“ за 1918 годъ (№ 3, или 9 общаго счета), я упоминаю о его письмахъ ко мнѣ, относящихся къ 1879 и 1880 годамъ и сохранившихся у меня до сего времени. Въ перепискѣ со мною онъ обѣщалъ мнѣ подписываться французской фамиліей Teste, принадлежавшей одному библіотекарю Національной Библіотеки и вообще распространенной во Франціи, но одно изъ писемъ онъ подписалъ— П. Суровцовъ. Эти четыре письма интересны тѣмъ, что рисуютъ Лаврова не въ его роли революціонера, а какъ человѣка, интересовавшагося наукой и учеными, книгами и университетскими курсами. Къ сожалѣнію, сохранились у меня только эти четыре письма, да, сколько помню, только ихъ и было, потому что сноситься съ Петромъ Лавровичемъ послѣ 1 марта 1881 г. было небезопасно. Въ восьмидесятыхъ годахъ, бывая въ Парижѣ, я попрежнему видался съ Лавровымъ, но уже переписки мы не возобновляли, тѣмъ болѣе, что онъ самъ остерегался „компрометировать“ своихъ „легальныхъ“ знакомыхъ. (См. стр. 15 моихъ воспоминаній). Не ручаюсь, впрочемъ, чтобы когда-нибудь случайно, что называется, „съ оказіей“, мы не перекидывались коротенькими вѣсточками.

Н. Карѣевъ.

---

[1]) Имѣется въ виду редакція „Отечеств. Записокъ“. *П. В—въ.*

[2]) Съ 1871 г. Марко-Вовчокъ начала издавать ежемѣсячный журналъ подъ заглавіемъ—„Переводы лучшихъ иностранныхъ писателей“. Журналъ прекратился въ 1872 г., в теченіи котораго вышло всего 5 номеровъ. Идея переводнаго журнала всегда интересовала Лаврова. Какъ извѣстно, онъ самъ редактировалъ съ 1861 г. до самаго ареста „Заграничный Вѣстникъ“ въ изд. М. О. Вольфа. *П. В—въ.*

[3]) Письма комментированы самимъ Н. И. Карѣевымъ. Подлинники хранятся въ его личномъ архивѣ.—*П. В—въ.*

I.

323, rue St. Jacques
27 дек. 1878
——————
8 янв. 1879.

Дорогой Николай Ивановичъ,—

Вчера нашъ общій пріятель, докторъ физіологъ [1]), принесъ мнѣ три присланныя Вами книги, изъ которыхъ меня конечно, болѣе всего интересовала та, которая уже помѣчена 1879 годомъ [2]). Я уже вчера ночью разрѣзалъ и перелистовалъ ее, находя тамъ бездну интереснаго, но, конечно, не прочелъ еще ее, что, впрочемъ, не замедлю. Это будетъ крупный вкладъ въ нашу литературу по одному изъ важнѣйшихъ періодовъ европейской исторіи. Вы знаете, какъ спеціально для меня интересны именно эти изслѣдованія. Искалъ я при первомъ [3]), гдѣ Вы говорите о Васильчиковѣ [4]), котораго, помнится, Вы хотѣли, защитить, но не нашелъ. Найду при болѣе подробномъ чтеніи. Очень благодаренъ Вамъ за всѣ эти присылки, но не могу не пожурить за Ваше молчаніе. Кажется, Вы обѣщали писать время отъ времени. но плохо держите слово. Конечно, выпускъ такого крупнаго тома одновременно съ чтеніемъ курса [5]) можетъ служить до извѣстной степени оправданіемъ. но лишь до извѣстной степени. Когда у Васъ защита диссертаціи? Нельзя ли мнѣ имѣть подробныя свѣдѣнія о преніяхъ, которыя при этомъ будутъ, если еще не были. Все это мнѣ очень интересно. Затѣмъ жму Вамъ руку и желаю всего лучшаго.

П. Тестовъ [6]).

Кланяйтесь Дмитрію Николаевичу [7]), если онъ въ Москвѣ. и Максиму Максимовичу [8]), если его видите. Его письмо черезъ здѣшняго позитивиста [9]) я получилъ и немедленно отвѣчалъ ему, но присылки, которая должна была послѣдовать тѣмъ же путемъ. не было, и это произвело нѣкоторую задержку въ обѣщанной работѣ, но я поста-

---

[1]) А. Н. Хорватъ, впослѣдствіи проф. Казанскаго университета по каѳедрѣ общей патологіи; былъ членомъ второй Государственной Думы отъ Херсонск. губ., гдѣ принадлежалъ къ правымъ. См. ниже объ участіи Хорвата въ спорѣ о научности исторіи.

[2]) Моя магистерская диссертація «Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи», вышедшая въ свѣтъ въ самомъ концѣ 1878 г. Какія книги я еще посылалъ П. Л., не помню. Объ этой диссертаціи П. Л. написалъ статью въ „Дѣлѣ“, которая теперь перепечатана въ полномъ собраніи его сочиненій (см. IV серію, вып. IX).

[3]) Пропущено «просмотрѣ».

[4]) Кн. А. И. Васильчиковъ, авторъ книги «Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и въ другихъ европейскихъ государствахъ» (1876). Противъ этой книги выступили Б. Н. Чичеринъ и В. И. Герье съ книгою «Русскій дилеттантизмъ и общинное землевладѣніе» (1878). о которой я говорилъ съ П. Л. и написалъ нѣсколько строкъ въ диссертаціи.

[5]) Въ 1878—1879 г. я читалъ въ Московскомъ университетѣ приватъ-доцентскій курсъ по исторіи XIX вѣка, о которомъ много бесѣдовалъ съ П. Л.

[6]) Такъ было подписано первое письмо.

[7]) Д. Н. Анучинъ, потомъ проф. Московскаго университета по каѳедрѣ географіи.

[8]) М. М. Ковалевскій.

[9]) Г. Н. Вырубовъ. редактировавшій съ Литтре журналъ. Revue de la philosophie positive».

раюсь устроить, хотя и не понимаю, почему присылка не послѣдовала за письмомъ. Самъ позитивистъ теперь только-что пріѣхалъ и, кажется, еще не устроился; во всякомъ случаѣ, я его давно не видалъ.

Сію [1]) принесли моему пріятелю Кр. [2]) карточку изъ Москвы отъ Кр. junior; заранѣе написанное письмо служитъ отвѣтомъ и благодарностью.

Въ ту минуту, какъ я кончаю это письмо, у меня сидитъ нашъ общій знакомый, Германъ Александровичъ [3]) (5 Malebranche) и разсматриваетъ Вашу диссертацію. Очень ужъ онъ на нее засматривается, и ему при его переводной работѣ она была бы очень кстати [4]).

Кончаю пожеланіемъ Вамъ и всѣмъ хорошимъ людямъ хорошаго новаго года.

II.

$\frac{\text{5 марта}}{\text{21 февраля}}$ (1879 г).

Насилу собрался наконецъ написать Вамъ, такъ занято и раздергано все мое время. Вашу carte postale я получилъ. Своевременно получилъ и H. B-th [5]) посланную Вами книгу и немало корилъ меня, когда узналъ, что я до сихъ поръ не написалъ Вамъ и не поблагодарилъ отъ его имени. Но я ввелъ Васъ невольно въ заблужденіе, потому что полагалъ, будто Вы знали, чѣмъ онъ занимается. Онъ не имѣетъ въ виду переводить съ русскаго на французскій, но занятъ переводомъ на русскій языкъ книги [6]), полной старыми французскими и юридическими терминами, и надѣялся найти у Васъ передачу ихъ на русскій языкъ. Но въ этомъ отношеніи Вы дозволили себѣ очень широкую свободу и обрусили множество французскихъ словъ, которыя фигурируютъ у Васъ, обстриженными и о д ѣ т ы м и, безъ всякаго измѣненія ихъ французской натуры [7]). Неужели Ваши московскіе журналы не предали Васъ анаѳемѣ за такое введеніе галловъ въ патріархальную семью русской рѣчи? Это время я изучилъ со вниманіемъ Вашу книгу и могу Васъ поздравить съ нею. Я считаю ее немаловажнымъ пріобрѣтеніемъ исторической литературы и очень желалъ бы ее видѣть на французскомъ языкѣ [8]). Жду все появленія разбора ея въ журналахъ и посмотрю, съумѣютъ ли отдать ей надлежащую справедливость, хотя у насъ на серьезные труды критиковъ мало. Собираюсь на-дняхъ послать маленькую работу въ „Крит. Обозр.“ [9]). Читаю этотъ весьма почтенный журналъ, спрашиваю себя, много ли у него можетъ быть читателей въ Россіи, и можетъ ли онъ долго просуществовать. Для

---

1) Пропущено „минуту“.

2) Память мнѣ измѣнила, и я совершенно забылъ, о комъ здѣсь идетъ рѣчь; но очень вѣроятно, что о какомъ-либо случайномъ знакомомъ.

3) M-r Hugo Barth (сноска самого П. Л.).

4) Рѣчь идетъ о Г. А. Лопатинѣ.

5) Г. А. Лопатинъ. Дѣло идетъ о «Крестьянахъ и крестьянскомъ вопросѣ», моей магистерской диссертаціи.

6) Г. А. Лопатинъ перевелъ по-русски I томъ соч. И. Тэна «Происхожденіе современной Франціи».

7) Дѣло въ томъ, что я не тщился переводить по-русски такіе термины, какъ „шампаръ“ и т. п.

8) Желаніе П. Л. исполнилось только черезъ двадцать лѣтъ.

9) „Критическое Обозрѣніе“, короткое время издававшееся въ Москвѣ М. М. Ковалевскимъ и В. О. Миллеромъ.

пасъ, книжныхъ крысъ, онъ очень полезенъ, но книжныхъ крысъ въ Россіи развелось еще не много, а все болѣе крысы иныхъ видовъ и родовъ. Все жду отъ Васъ настоящаго письма, а Вы меня отъ времени до времени награждаете лишь французскими порціями, такими маленькими, что Вамъ, какъ истому москвичу, должно бы быть совѣстно. Правда, что я съ Москвою лично почти не знакомъ, но слышалъ, что она славится большими порціями, и въ этомъ данномъ случаѣ я чувствую здоровый аппетитъ, который маленькіе французскіе entremets не утоляютъ. Исправьтесь! исправьтесь! глаголю Вамъ. А пока крѣпко жму руку и желаю всего хорошаго. Надъ чѣмъ Вы теперь работаете?

П. Суровцовъ.

Кстати, Вы, который слѣдите за всей русской исторической литературой, не можете ли Вы мнѣ сказать, гдѣ, въ журналахъ или особой книгѣ, напечатано было изслѣдованіе (историческое, насколько помню) о крестьянствѣ въ Польшѣ. Помнится мнѣ, что я читалъ объявленіе въ послѣдніе мѣсяцы два или три, но найти теперь не могу и даже не увѣренъ, была ли то книга или статья. Если сообщите, очень буду благодаренъ [1]).

III.

11 апрѣля / 30 марта 1879 г.

Мнѣ приходится, дорогой Николай Ивановичъ, начинать тѣми же словами, которыми Вы начали 19 января письмо, отправленное въ мартѣ. Сначала я выжидалъ полученія книги отъ г. Дерели [2]); потомъ выжидалъ, не появится ли извѣщеніе о защитѣ Вами диссертаціи 20 марта. Но у меня уже есть извѣстіе изъ Петербурга отъ 26 марта, а о Вашей диссертаціи нѣтъ ни слова. Что это значитъ? Продолженіе ли интригъ, о которыхъ Вы пишите [3])? Я наконецъ рѣшаюсь писать Вамъ, не дожидаясь этого извѣщенія. Прежде всего, очень благодарю Васъ за книгу Исаева [4]); я еще не прочелъ ее, но, судя по первому перелистыванію, кажется, въ ней много дѣльнаго.—Во вторыхъ, я съ большимъ сожалѣніемъ узнаю, что Вы имѣете въ виду переселиться въ Варшаву [5]). Положимъ, наука—великое дѣло и можетъ поглотить значительную долю времени, но, насколько я Васъ знаю, мнѣ кажется, Вамъ необходимо нѣкоторое жизненное общеніе съ окружающею средою, а тамъ Вы будете въ совершенно чуждой атмосферѣ. Къ тому

---

1) Никакой такой книги я не знаю. Очевидно, рѣчь идетъ о какой-либо журнальной статьѣ. [illegible] не помню, чтобы въ данномъ случаѣ я могъ дать П. Л. необходимую справку, какъ и теперь предпринятыя мною разысканія не привели къ желательному результату. Изъ этого вопроса П. Л. явствуетъ, между прочимъ, какъ онъ интересовался всѣмъ относящимся къ соціальной исторіи.

2) Derély, переводчикъ русскихъ романовъ на французскій языкъ, бывшій посредникомъ въ нашихъ сношеніяхъ. См. мои воспоминанія о П. Л., стр. 21.

3) Слово „интрига" слишкомъ сильно, но я писалъ о кое-какихъ треніяхъ, результатомъ которыхъ было мое переселеніе въ Варшаву.

4) Книга Исаева (А. А.), переданная П. Л. г-номъ Дерели, была его диссертація (магистерская) «Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи» (1879). Авторъ—извѣстный экономистъ (ум. въ 1919 г.). Книга, по моей просьбѣ, дана была мнѣ для отсылки П. Л.

5) Уѣхалъ я въ Варшаву въ августѣ 1879 г.

же, насколько я читалъ въ газетахъ, отношенія тамъ между учащимися и начальствомъ самыя нечеловѣчныя. Но, разумѣется, временно приходится помѣститься и не при очень удобныхъ обстоятельствахъ, а года черезъ три-четыре Вы, можетъ быть, и перейдете въ другое мѣсто [1]). Только не влюбитесь въ польку: онѣ, вѣдь, очаровательныя особы. Мизантропничать Вамъ не слѣдуетъ, такъ какъ большинство людей не стоитъ даже того, чтобы для нихъ дѣлать какія-либо обобщенія, а немногія исключенія, стоющія вниманія, представляютъ, какъ мнѣ кажется, довольно равномѣрное распредѣленіе порядочныхъ и не порядочныхъ людей. Только не слѣдуетъ ожидать отъ людей ничего хорошаго, и тогда радуешься, какъ черному тюльпану, всякому неожиданному проявленію человѣчности. А вѣдь это бываетъ.—Меня тоже удивляетъ, что до сихъ поръ не появилось разбора Вашей книги въ „Критическомъ Обозрѣніи“, такъ какъ это единственный журналъ, гдѣ можно ожидать дѣйствительно научнаго разбора. Наши обще-литературные журналы, конечно, въ свое время дадутъ статьи по поводу Вашей книги (я даже имѣю данныя, что такія статьи готовятся или печатаются), но не о самой книгѣ [2]). Вы очень хорошо сдѣлаете, если пошлете Fustel de Coulanges Вашъ exposé, такъ какъ Вашъ трудъ всего болѣе долженъ интересовать французовъ [3]). Что касается до перевода на французскій языкъ, то я Вамъ писалъ, кажется, что въ этомъ случаѣ вышло недоразумѣніе относительно нашего общаго знакомаго [4]): онъ никогда не имѣлъ въ виду заняться этимъ переводомъ, а воспользоваться терминами техническими, Вами употребляемыми, для другой переводной работы (впрочемъ, Вы, скажу въ скобкахъ, очень ужъ самостоятельно отнеслись къ передачѣ терминовъ—Вы ихъ почти вовсе не переводили). Скажу при этомъ случаѣ, что этотъ нашъ общій знакомый подвергся печальной участи. Со всегдашней своей смѣлостью онъ, для развлеченія, полѣзъ въ пасть льву, но увы, хищная пасть льва сомкнулась, и я только-что получилъ извѣщеніе о томъ, что надолго его судьбы будутъ опредѣлены не его волею [5]). Это извѣстіе меня очень разстроило, тѣмъ болѣе, что звѣриный міръ въ послѣднее время очень озлобленъ вообще противъ міра человѣческаго. Очень бы хотѣлось мнѣ ознакомиться съ Вашимъ изложеніемъ исторіи XIX вѣка. Не составляютъ ли слушатели Ваши литографированныхъ записокъ [6])? Сейчасъ получилъ газеты и прочелъ о защитѣ диссертаціи Исаевымъ, а Вашей защиты еще нѣтъ. Что бы это значило? Напишите мнѣ, пожалуйста, хоть коротенько, о положеніи дѣла. Не спрашиваю объ общихъ вопросахъ, потому что состояніе атмосферы, кажется, очень неблагопріятное. На-дняхъ посылаю въ „Крит. Обозр.“ статью о книги Лекки [7]). Она уже

---

[1]) П. Л. ошибся на цѣлый годъ: въ Варшавѣ мнѣ пришлось пробыть пять лѣтъ.

[2]) Очевидно, П. Л. писалъ о своей статьѣ, помѣщенной въ „Дѣлѣ“,— Исторія Франціи подъ перомъ русскихъ изслѣдователей (см. „Дѣло“ 1879 г. № 4 и Собраніе сочиненій Лаврова, IV серія, вып. IX).

[3]) Я такъ и сдѣлалъ, а Фюстель де Куланжъ помѣстилъ это изложеніе въ „Séances et travaux de l'Acad. d. sc. mor. et polit.“ за 1879 г.

[4]) Г. А. Лопатинъ.

[5]) Рѣчь идетъ объ арестѣ Г. А. Лопатина, послѣ котораго онъ былъ высланъ въ Вологду, откуда бѣжалъ только въ 1883 году.

[6]) Записки не составлялись, по необходимости я печаталъ П. Л. свои варшавскія лекціи, несмотря что съ студентами-поляками онѣ составлялись плохо.

[7]) Статья П. Л. о книгѣ Лекки появилась подписанная словомъ „Стольтонъ“.

готова, но теперь переписывается [1]). Вѣроятно, завтра или послѣзавтра пошлю. Такъ какъ я не очень разсчитываю на аккуратность редакціи, то, если только это Вамъ не будетъ неудобно, по Вашимъ личнымъ отношеніямъ съ редакціей [2]), узнайте черезъ недѣлю, получена ли статья Столѣтова о Лекки [3]), и извѣстите. Я пошлю sous bande, но рекомендованною [4]). Если бы пропало, то надо бы узнать скорѣе, чтобы дать снова переписать. Но до сихъ поръ не пропадало то, что я посылалъ въ Петербургъ. Въ Москву [5]) еще этимъ способомъ посылать не случалось. Крѣпко жму Вашу руку. Желаю всего хорошаго и жду извѣщенія.

П. Тестъ.

IV [6]).

12 янв. 1881.
31 дек. 1880.

Любезный Николай Ивановичъ!

Пользуюсь случаемъ, доставленнымъ мнѣ Вашими знакомыми (которыя имени своего не объявили), чтобы написать Вамъ нѣсколько строкъ [7]). Слѣдовало бы, во имя сегодняшняго дня, начать съ поздравленія съ русскимъ новымъ годомъ, но, соображая обстоятельство, что Вы получите это письмо, вѣроятно, не ранѣе, какъ черезъ мѣсяца 1½ [8]), оставляю это въ сторонѣ. Итакъ, перехожу ко второму по важности и прежде всего благодарю Васъ за двѣ книжки, которыя мнѣ передали Ваши знакомыя. „Введеніе“ [9]) я прочелъ, и оно мнѣ очень понравилось; что касается до „Крестьянъ“ [10]), то съ ними

[1]) П. Л. посылалъ свои статьи въ редакціи всегда переписанными не его рукой, опасаясь, что его почеркъ могъ бы его выдать.

[2]) Конечно, здѣсь имѣлись въ виду не личныя отношенія, а сомнѣніе, будетъ ли пріятно редакціи, что посторонній человѣкъ посвященъ въ секретъ его сотрудничества въ „Крит. Обозр.“.

[3]) Упоминаемая здѣсь статья напечатана въ „Критическомъ Обозрѣніи“ за 1879 г., № 11. Въ ней содержится разборъ книги—A history of England in the eighteenth century by William Edward Hartpole Lecky (London, Longmane, Green and C⁰. 1878). Подпись подъ статьей не Столѣтовъ, а Стольновъ (вѣроятно, здѣсь опечатка). Благодаря этому письму Карѣеву, мною была открыта еще одна неизвѣстная до сего времени работа Лаврова. При обслѣдованіи „Критическаго Обозрѣнія“ за 1880 г. въ № 10, (стр. 468—488) имѣется статья П. Столѣтова Философія Чичерина (Б. Чичеринъ. „Наука и религія“. Москва. 1879 г.). Внутренній и внѣшній анализъ этой статьи вполнѣ подтверждаетъ принадлежность ее Лаврову. Къ сожалѣнію, статья эта осталась не законченной, въ виду закрытія „Критич. Обозрѣнія“. *И. В—съ.*

[4]) Т.-е. заказною.

[5]) Впослѣдствіи П. Л. весьма секретно печатался въ „Русск. Вѣд.“, о чемъ имѣются свѣдѣнія въ юбилейной книгѣ этой газеты.

[6]) Три предыдущія письма были писаны, когда я жилъ еще въ Москвѣ, а это было получено мною уже въ Варшавѣ. Въ промежутокъ между первыми тремя и этимъ письмомъ я побывалъ в Парижѣ и нѣсколько разъ видѣлся съ П. Л.

[7]) Политическія событія заставили насъ обоихъ воздерживаться отъ переписки по почтѣ. Письмо мое къ П. Л. въ концѣ 1880 г. было послано со знакомыми барышнями, ѣхавшими изъ Москвы черезъ Варшаву заграницу.

[8]) Срокъ, черезъ который мои знакомыя должны были возвращаться домой.

[9]) Моя книжка «Введеніе въ курсъ исторіи новѣйшаго времени», напечатанная въ Варшавѣ въ концѣ 1880 г.

[10]) Другая книга, напечатанная тамъ же, «Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ».

случилось слѣдующее обстоятельство; толстый профессоръ-мотылекъ [1]) увидѣлъ ихъ на столѣ у меня дня два послѣ полученія, попросилъ прочесть, все забывалъ отдать, а теперь улетѣлъ внезапно въ Римъ, такъ что мнѣ придется получить и прочесть не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ или полтора, когда онъ снова хотѣлъ посѣтить наши края. Онъ хвалилъ.—Записки отъ Б. [2]) я получилъ и французскую, и русскую (изъ Брюсселя). Въ письмѣ, переданномъ мнѣ Вашими знакомыми, меня невольно удивилъ Вашъ пессимистическій взглядъ на дѣло изданія Вс(емірной) И(сторіи). Если вѣрить А. С. Т. [3]), то онъ въ Петербургѣ встрѣтилъ и чрезвычайное сочувствіе и нашелъ издателя; только на годъ надо отложить начало дѣла. Онъ говоритъ, что Вамъ писалъ немедленно по возвращеніи изъ Петербурга, и собирался еще писать. И толстый мотылекъ, и хохолъ-археологъ [4]) приняли всѣ заявленія его всерьезъ и при разъѣздѣ смотрѣли на дѣло, какъ на имѣющее прочное основаніе. Только, къ моему немалому удивленію, всѣ они не высказали ни слова оппозиціи, чтобы видимымъ руководителемъ и представителемъ дѣла былъ онъ же, А. С. Т. [5]). Конечно, мое дѣло тутъ сторона, такъ какъ имени моего не будетъ. Все дѣло предполагается между 1882 и 1885 годами. Очень жаль, что Васъ не было здѣсь эту осень. У насъ устроились по вторникамъ [6]) весьма пріятныя собранія въ Café Voltaire, все изъ Вашихъ коллегъ, гдѣ я одинъ былъ нѣкоторымъ образомъ intrus, да бывали еще адвокаты. Для меня это были очень пріятныя собранія, и я очень былъ радъ познакомиться и сойтись на нейтральной почвѣ научнаго разговора [7]) со многими лицами, которыхъ вовсе не думалъ узнать [8]). Меня безпокоятъ нѣкоторыя выраженія Вашихъ писемъ, хотя это не такъ серьезно, какъ Вы думаете [9]). Жду съ нетерпѣніемъ лѣта, когда

[1]) Такъ П. Л. называлъ М. М. Ковалевскаго.

[2]) Очевидно, мною что-то было еще послано П. Л., но кто этотъ Б., не помню.

[3]) Одесскій профессоръ А. С. Трачевскій, котораго лѣтомъ 1880 г. я познакомилъ съ П. Л., причемъ мы втроемъ обсуждали планъ коллективной Всемірной Исторіи, для которой П. Л. долженъ былъ написать большую главу о первобытной культурѣ. Изъ этого предпріятія, къ сожалѣнію, ничего не вышло.

[4]) Вѣроятно, антропологъ и этнографъ О. К. Волковъ, (умершій въ 1918 г.). По политическимъ причинамъ онъ въ 1879 г. оставилъ Россію и жилъ потомъ въ Парижѣ, гдѣ П. Л. и онъ встрѣчались еще въ Антропол. Общ-вѣ.

[5]) Предполагалось, что душою дѣла будетъ П. Л., а редакція будетъ коллективная, по избранію сотрудниковъ, причемъ намѣчались, какъ возможные кандидаты, И. В. Лучицкій, бывшій большимъ пріятелемъ П. Л., затѣмъ Трачевскій и я, но въ разговорѣ со мною П. Л. говорилъ, что онъ былъ бы противъ единоличной редакціи Т.

[6]) По вторникамъ прежде были журфиксы для немногихъ у самого П. Л.

[7]) О стремленіи П. Л. вообще сближаться на нейтральной научной почвѣ съ профессорами я говорю въ своихъ о немъ воспоминаніяхъ (стр. 1?). Среди его знакомыхъ были и такіе, какъ профессоръ Хорватъ, очень консервативно настроенный, а среди ученыхъ, видѣвшихся съ П. Л. хотя бы одинъ разъ, мнѣ называли П. А. Звѣрева, впослѣдствіи тов. мин. нар. просв. (при Боголѣповѣ).

[8]) Изъ водившихся тогда П. Л. разговоровъ возникла его статья „Противники исторіи“ („Отеч. Зап.“, 1880, августъ), въ которой собесѣдниками являются, кромѣ самого П. Л., „натуралистъ“ (упомянутый выше А. И. Хорватъ) и два настоящихъ ученыхъ историка (одинъ изъ нихъ Трачевскій, другой, кажется, О. И. Успенскій, что онъ самъ считаетъ возможнымъ). Статья была подписана „С. Кошкинъ“; она перепечатана въ „Собраніи сочиненій“ (серія IV, вып. I, стр. 172—204). Противникомъ исторіи П. Л. выводитъ Хорвата.

[9]) Когда въ началѣ осени я возвратился изъ Парижа въ Варшаву, добрые люди меня предупредили, что о моемъ пребываніи въ Парижѣ наводили справку жандармы у ректора университета и даже показывали ему какую-то фотографію,

опять будетъ надежда потолковать съ Вами. Извѣстія съ родины сравнительно благопріятны (кромѣ голода, конечно), а пресса заговорила языкомъ, котораго я отъ нея не слышалъ во всю мою жизнь. Что выйдетъ изъ многочисленныхъ новыхъ изданій, появившихся на горизонтѣ? Это интересно. Которыя погибнутъ въ борьбѣ за существованіе, и которыя побѣдятъ? Мои дѣла (т.-е. литературныя) нѣсколько спутались последнее время, и я самъ не знаю, гдѣ буду работать. Здѣсь особенныхъ перемѣнъ нѣтъ: оппортюнисты торжествуютъ; похоронили Бланки; сегодня похоронили Тейса [1]). Нашъ сѣдой романистъ [2]) былъ крѣпко боленъ, но опять поправился, хоть нѣсколько, и ходитъ. Объ остальномъ потолкуемъ при свиданіи, если не будетъ еще случая перекинуться словами. Будьте здоровы тѣломъ и душею и не забывайте при-сенскихъ пустынниковъ [3]).

В. И. Іохельсону.

Іохельсонъ, Владиміръ Ильичъ—одинъ изъ активныхъ дѣятелей революціоннаго движенія 70-хъ г.г. и членъ партіи „Народной Воли". Родился въ 1856 г. въ г. Вильнѣ. Іохельсонъ является близкимъ другомъ А. Зунделевича и А. Либермана. На нелегальное положеніе онъ перешелъ въ 1875 г., еще будучи реалистомъ, юношей 19-ти лѣтъ. Въ 1875 г. онъ эмигрируетъ въ Берлинъ. Въ 1876 г. работаетъ среди молодежи въ Кременчугѣ. Въ 1877 г. опять эмигрируетъ заграницу (въ Берлинъ). Въ 1878 г. работаетъ въ Москвѣ, но наѣздами для свиданія съ А. Зунделевичемъ бываетъ и въ Петербургѣ, гдѣ между прочимъ принимаетъ косвенное участіе въ организаціи убійства Н. В. Мезенцева С. М. Кравчинскимъ. Въ 1879—80 г.г. онъ дѣятельно работаетъ въ партіи „Народной Воли", главнымъ образомъ, въ нелегальной типографіи, и въ это время особенно сближается съ Гесей Гельфманъ, которой впослѣдствіи посвящаетъ некрологъ (см. „Календарь Народной Воли", Женева, 1883 г. стр. 14—28). Въ концѣ 1880 г. онъ уѣзжаетъ за границу. Здѣсь онъ завѣдуетъ типографіей

но получили въ отвѣтъ, что это не я. Не задолго передъ этимъ я пришелъ къ П. Л., когда онъ ждалъ къ себѣ какого-то незнакомаго русскаго, вслѣдствіе чего посадилъ меня въ неосвѣщенный уголъ и при посѣтителѣ называлъ меня не моимъ именемъ. См. въ моихъ воспоминаніяхъ стр. 16.

[1]) Тейсъ (Frédéric Felix Theisz, 1839—1881), мастеръ бронзовыхъ издѣлій, съ 1867 г. членъ Интернаціонала и членъ Парижской Коммуны, управляющій почтою, которую спасъ отъ поджога. Ему въ 1871 г. удалось бѣжать въ Лондонъ, откуда онъ могъ вернуться во Францію лишь въ 1880 г., почти наканунѣ своей смерти. Тейсъ былъ извѣстенъ еще, какъ сотрудникъ соціалистическихъ газетъ. У П. Л. Лаврова были вообще знакомства среди коммунаровъ.

Къ сказанному о Тейсѣ Н. И. Карѣевымъ надо добавить, что Лавровъ во время своего пребыванія въ Лондонѣ (съ марта 1874 г. по май 1877 г.) поддерживалъ самыя близкія сношенія съ находившимися тамъ французскими эмигрантами Коммуны (Лиссагаре, Реньяръ, Лонге и др.) и довольно часто встрѣчался съ Тейсомъ. Вмѣстѣ съ нимъ Лавровъ выступалъ на собраніи въ память Парижской Коммуны 18 марта 1876 г. въ Лондонѣ въ залѣ Regent's Park Hall (см. газету „Впередъ!" Лондонъ 1876 г. № 32, стр. 267—269). О Тейсѣ Лавровъ неоднократно упоминаетъ въ своей книгѣ, посвященной Коммунѣ (см. „Парижская Коммуна", изд. „Колосъ", Петроградъ, 1919 г. 1-е изд. стр. 89, 111, 162, 172), считая его настоящимъ представителемъ „работниковъ физическаго труда". *П. В—въ.*

[2]) И. С. Тургеневъ, съ которымъ П. Л. велъ компанію.

[3]) Письмо не было никакъ подписано.

и издательствомъ „Вѣстника Народной Воли" (1883—1884 г.г.). Въ 1885 г. онъ ѣдетъ вновь въ Россію, но на границѣ проваливается, и его арестуютъ. Послѣ 2-хъ лѣтняго заключенія въ Петропавловской крѣпости онъ въ 1887 г. въ административномъ порядкѣ ссылается на 10 лѣтъ въ Якутскую область. Въ 1898 г. онъ возвращается наконецъ въ Россію. Въ ссылкѣ Іохельсонъ начинаетъ заниматься этнографіей и усиленно изучаетъ бытъ тамошнихъ инородцевъ. Въ 1894 г. онъ принимаетъ вмѣстѣ съ В. Г. Таномъ дѣятельное участіе въ научной экспедиціи, организованной по иниціативѣ Д. А. Клеменца Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ Географическаго Общества на средства Сибирякова. Въ 1901 г. онъ является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ извѣстной экспедиціи Американскаго Музея естественной исторіи въ Нью-Іоркѣ для изученія народовъ обоихъ побережій Тихаго океана. Въ 1908 г. мы видимъ Іохельсона въ составѣ экспедиціи И. Р. Географическаго Общества, организованной на средства Рябушинскаго, для изученія Камчатки и Алеутскихъ острововъ. Іохельсонъ извѣстенъ своими этнографическими изслѣдованіями по изученію быта коряковъ. Цѣннымъ вкладомъ въ науку является также его изслѣдованіе юкагирскаго языка. Съ 1912 года до послѣдняго времени (1921 г.) Іохельсонъ дѣятельно работаетъ въ Академіи Наукъ въ Петроградѣ, въ Музеѣ Этнографіи.

По своимъ убѣжденіямъ Іохельсонъ примыкалъ въ 70-е г.г. къ фракціи „лавристовъ" и находился въ самой тѣсной связи съ кружкомъ лицъ, связанныхъ съ этой фракціей (Бутурлинымъ, д-ръ Гинзбургомъ, Кривушей и др.).

Объ Іохельсонѣ см. подробно—1) „Еврейская Энциклопедія" т. VIII. Спб., стр. 894—895; 2) „Большая Энциклопедія" изд. Просвѣщеніе", т. XXI, стр. 457; 3) Корресподенція „Изъ Вильно", газета „Впередъ!", Лондонъ, 1875 г., 1 сентября № 16, стр. 505—506; 4) Старикъ, „Движеніе" 70-хъ г.г. по Большому процессу", Былое", 1906 г. № 11, стр. 49; 5) Вл. Іохельсонъ „Далекое прошлое" (автобіографія), „Былое", 1918 г., № 13, стр. 53—75; 6) Г. Е. Гуревичъ, „Процессъ еврейскихъ соціалистовъ въ Берлинѣ", „Еврейская старина", Петроградъ, 1918 г., томъ X стр. 152 и 158.

Переписка съ Лавровымъ у Іохельсона началась еще въ 1875 г. Лично съ Лавровымъ Іохельсонъ познакомился черезъ Л. Н. Гартмана въ 1882 г., въ связи съ подготовкой къ выпуску въ свѣтъ „Календаря Народной Воли" (Женева, 1883 г.), изданіемъ котораго завѣдывалъ Іохельсонъ. Для „Календаря" понадобилась фотографическая карточка А. Зунделевича, которая и помѣщена на одной изъ группъ, приложенныхъ къ „Календарю".

Подлинникъ письма хранится въ Музеѣ Революціи въ г. Петроградѣ.

П. В—въ.

328, rue st-Jcques.

Любезный товарищъ!

Сію минуту получилъ Ваше письмо и сію минуту отвѣчаю. Радъ бы радостно исполнить Ваше желаніе, но у меня никогда не было карточки

Зунделевича [1]). Кто Вамъ сказалъ, что она у меня есть? Но далѣе: Вы пишете такъ, какъ будто Зунделевичъ умеръ; я знаю, что онъ взятъ, что онъ въ опасности, но въ первый разъ слышу, что онъ умеръ. Какъ? Когда? При какихъ обстоятельствахъ? Сдѣлайте одолженіе, напишите. Если же я не такъ понялъ Ваше письмо, напишите также успокоительное извѣстіе [2]). Очень благодаренъ Вамъ за фотографію Квятковскаго [3]), которой у меня тоже не

---

[1]) Зунделевичъ Аронъ Исааковичъ. Родился въ 1851 г. Извѣстный революціонеръ 70 и 80-хъ г.г. Членъ «Земли и Воли». Одинъ изъ самыхъ крупныхъ практиковъ и организаторовъ революціоннаго дѣла въ Россіи. Его спеціальностью были—устройство подпольныхъ типографій, транспортъ революціонной литературы и перевозка товарищей по партіи изъ-за границы въ Россію и обратно. Въ этихъ областяхъ ему не было равныхъ среди русскихъ революціонеровъ по иниціативѣ, смѣлости замысловъ и умѣнью организовать все дѣло. Такъ, въ 1877 г. онъ привезъ въ Россію изъ-за границы цѣлую типографію, которую такъ умѣло поставилъ, что она продержалась въ Петербургѣ на Николаевской улицѣ цѣлыхъ 4 года и погибла совершенно случайно. Это была самая крупная подпольная типографія, которую когда либо имѣли русскіе революціонеры. Зунделевичъ организовалъ также типографію и для «Народной Воли» въ Саперномъ переулкѣ. Арестованъ онъ былъ въ 1879 г. въ Публичной Библіотекѣ и въ 1880 г. судился по процессу «16-ти», по которому былъ приговоренъ къ безсрочной каторгѣ. Отбывалъ онъ ее въ Карѣ и Акатуѣ. Въ 1898 г. былъ переведенъ на поселеніе въ Читу, а въ 1906 г. вернулся въ Россію. По убѣжденіямъ Зунделевичъ былъ очень близокъ къ соціалдемократамъ и сильно тяготѣлъ къ германской соціалдемократіи. Онъ однимъ изъ первыхъ среди русскихъ революціонеровъ выдвигалъ на первый планъ политическую свободу, признавая за терроромъ большое значеніе для ея проведенія въ жизнь. О Зунделевичѣ подробно см.—1) М. Р. Поповъ. Изъ моего прошлаго «Минув. Годы», 1908 г. № 2, стр. 171; 2) Рожановъ подполковникъ, «Записки по исторіи революц. движенія въ Россіи». Спб. 1913 г. стр. 493—494; 3) «Большая Энциклопедія», изд. Просвѣщеніе т. XXI стр. 400—401; 4) Б. Глинскій. Революц. пер. рус. исторіи, Спб. 1913 г. т. II. стр. 306—307, 312, 313 и 468; 5) П. Лавровъ Народники-пропагандисты 1873—78 годовъ, Спб. 1907 г. стр. 287, 288 и 298; 6) С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Подпольная Россія, Спб. 1912 г. изд. «Свѣточъ» стр. 162—163; 7) «Процессъ 16-ти террористовъ (1880) подъ ред. В. Бурцева изд. «Дон. Рѣчь», Спб., 1906 г.; 8) О. С. Любатовичъ. Далекое и прошлое «Былое» 1906 г. № 5, стр. 238—241 и № 6, стр. 108, 111, 119, 120 и 121 и 8) Г. Гуревичъ Процессъ еврейскихъ соціалистовъ въ Берлинѣ, «Еврейская Старина», Петроградъ, 1918 г., т. X, стр. 153, 158, 161; 9) Корреспонденція «Изъ Вильно», газета «Впередъ!» Лондонъ 1875 г. 1 сентября № 16 стр. 505—506 и № 18 отъ 15 ноября стр. 661 и 663; 10) Вл. Іохельсонъ. Далекое прошлое. «Былое», 1918 г. № 13, стр. 54, 55, 57—60, 62, 65, 70, 71 и 73.

П. В—въ.

[2]) По словамъ В. И. Іохельсона, онъ не писалъ Лаврову о смерти Зунделевича, а здѣсь произошло недоразумѣніе—Лавровъ неправильно понялъ письмо.

П. В—въ.

[3]) Квятковскій (1852—1880) Александръ Александровичъ—извѣстный революціонеръ, членъ «Земли и Воли» и Исполнительнаго Комитета партіи «Народной Воли». Въ періодъ «хожденія въ народъ» и «поселеній въ немъ» Квятковскій усиленно работаетъ среди крестьянъ въ Тульской, Нижегородской, Воронежской губерніяхъ и въ Поволжьѣ. Одно время онъ работаетъ и среди рабочихъ въ г. Костромѣ, для чего онъ поступаетъ простымъ рабочимъ на механическій заводъ Шипова. Квятковскій принималъ участіе въ покушеніи Соловьева на Александра II-го 2 апрѣля 1879 г. На Липецкомъ и Воронежскомъ съѣздахъ русскихъ революціонеровъ Квятковскій былъ дѣятельнымъ членомъ этихъ съѣздовъ, причемъ опредѣленно высказывался за терроръ. Въ 1880 г. онъ судился по извѣстному процессу «16-ти» и былъ приговоренъ вмѣстѣ съ А. К. Прѣсняковымъ къ смертной казни, которая была приведена въ исполненіе въ Петропавловской крѣпости 4 ноября 1880 г.

Подробно о Квятковскомъ см.—«Большая Энциклопедія» изд. «Просвѣщеніе», т. XXI стр. 513—514; Рожановъ подпол., «Записки по исторіи револ. движенія въ Россіи», Спб. 1913 г. стр. 495—496; «Процессъ 16-ти террористовъ» подъ ред. Бурцева, Спб. 1913 г.; «Литература партіи Народной Воли» подъ ред. Базилевскаго, изд. «Донской Рѣчи», вып. I. стр. 171—175, 184—193; О. С. Лю-

было. Относительно Вашихъ товарищей по «Нар. Волѣ», скажите имъ, что я всегда готовъ содѣйствовать, чѣмъ могу, всѣмъ группамъ соціалистовъ-революціонеровъ, но долженъ высказать и то, что стремленій къ Земскому Собору, выраженныхъ въ послѣднихъ нумерахъ «Нар. Воли» [1]), вовсе не раздѣляю, даже непремѣнно заявляю себя противъ нихъ. У Квятковскаго, вѣроятно, было взято письмо мое, гдѣ я высказывался въ этомъ смыслѣ. Гартманъ [2]) знаетъ объ этомъ и читалъ его.

Жму руку и желаю всего лучшаго.

П. Лавровъ.

батовичъ, Далекое и недавнее. «Былое» 1906 г. № 6. стр. 108, 114, 115, 117, 118, 120, 121, 122 и 123; Н. А. Морозовъ, Возникновеніе Народной Воли. «Былое», 1906 г. № 12, стр. 7, 10 и 13; М. Р. Поповъ, Земля и Воля наканунѣ Воронежскаго съѣзда. «Былое» 1906 г., № 8, стр. 15, 18—22, 27 и 32; Его-же. Изъ моего революціоннаго прошлаго. «Былое», 1907 г., № 7, стр. 245, 246, 252—260 и 264; Его-же. Изъ моего прошлаго. «Минувшіе годы». 1908 г., № 2, стр. 171; «Календарь Народной Воли», Женева 1883 г.—портретъ Квятковскаго въ общей группѣ. *П. В—въ.*

[1]) Лавровъ имѣетъ въ виду передовыя статьи «Народной Воли» въ № 6 отъ 23 октября 1881 г. и № 8—9 отъ 5 февраля 1882 г.

Въ первой статьѣ передовица защищаетъ идею «парламентаризма» отъ нападенія на нее со стороны «защитниковъ рабства и насилія», имѣющихся въ русской литературѣ и боящихся, что этотъ «парламентаризмъ» станетъ «орудіемъ въ рукахъ русской буржуазіи». Редакція считаетъ эту боязнь призрачной, нереальной, и самую точку зрѣнія явно «лицемѣрной». «Свободный Земскій Соборъ пугаетъ ихъ именно потому, пишетъ редакція,—что на немъ явятся только мужикъ да интеллигенція» (см. «Литература партіи Народной Воли» подъ редакціей Б. Базилевскаго, изд. «Донской Рѣчи», вып. I, стр. 261). Что касается «русскаго кулака», то онъ не будетъ играть доминирующей роли въ Земскомъ Соборѣ, и именно это обстоятельство и заставляетъ русское правительство выступать противъ конституціи и созыва Собора. «Горе правительства именно въ томъ,—заключаетъ редакція,—что кулакъ до сихъ поръ не можетъ оформиться въ сословіе и на Земскомъ Соборѣ, сколько-нибудь честномъ, окажется несвязной кучкой хищниковъ, а не партіей» (см. тамъ же, стр. 262).

Во второй передовицѣ, посвященной вопросу—«что дало намъ 1-е марта?», т. е. убійство Александра II-го,—это тяготѣніе къ Земскому Собору высказано еще болѣе рѣшительно и опредѣленно. Обсуждая возможность въ Россіи «революціоннаго переворота» и образованія «революціоннаго правительства», редакція полагаетъ, что «на созванный тогда Земскій Соборъ явятся истинные представители народа, освобождающаго политически и экономически, и народная жизнь станетъ регулироваться неподтасованною народною волею» (см. «Литература партіи Народ. Воли» подъ редакціей Б. Базилевскаго изд. «Донская Рѣчь» вып. II стр. 26). Въ заключеніе же передовица даже все «торжество революціи и соціалистическихъ принциповъ» ставитъ въ зависимость отъ Земскаго Собора. «Мы настаиваемъ также на томъ,—пишетъ редакція Народной Воли,—что торжество революціи и соціалистическихъ принциповъ упрочится только при томъ условіи, если общими силами будетъ произведена не одна дезорганизаціонная, разрушительная работа, но и созидательная, т. е. если учредительная дѣятельность обще-русскаго Земскаго Собора, который займетъ мѣсто временнаго революціоннаго правительства, распространится на территорію всего государства» (Тамъ же, стр. 35). *П. В—въ.*

[2]) Гартманъ (1850—1913) Левъ Николаевичъ—одинъ изъ дѣятелей русскаго революціоннаго движенія, въ которомъ принималъ участіе съ 1876 г. по 1880 г. включительно. Революціонную дѣятельность началъ на югѣ Россіи—въ Ростовѣ на-Дону, Керчи и въ Кубани. Въ 1878 г. онъ работалъ въ Саратовѣ, гдѣ вступилъ въ кружокъ сестеръ Е. и В. Н. Фигнеръ. Здѣсь онъ познакомился съ Александромъ Михайловымъ, Юріемъ Богдановичемъ и Соловьевымъ. Въ 1879 г. онъ принималъ вмѣстѣ съ С. Перовской самое активное участіе въ подкопѣ и во взрывѣ императорскаго поѣзда, съ цѣлью убійства Александра II-го, причемъ Гартманъ былъ хозяиномъ того дома, откуда велся самый подкопъ подъ полотно Московско-Курской ж. д. Послѣ этого Гартманъ эмигрировалъ во Францію, въ Парижъ, гдѣ въ началѣ 1880 года былъ арестованъ по требованію рус-

Сейчасъ узналъ, что карточка Зунделевича есть у Григорія Евсеевича Гуревича [1]) (5 rue Malebranche), но онъ не желаетъ ее давать для снятія съ нея копіи для группы, опасаясь, что это повредитъ Зунделевичу, который, по его словамъ, живъ. Если хотите, перепишитесь съ Гуревичемъ.

скаго правительства, которое энергично добивалось его выдачи. Усиленная агитація всей русской эмиграціи въ его защиту, во главѣ съ П. Л. Лавровымъ, съ одной стороны, и кампанія всей радикальной парижской прессы во главѣ съ В. Гюго съ другой—заставили французское правительство отказаться отъ выдачи Гартмана, и онъ 7 марта 1880 г. былъ освобожденъ изъ подъ ареста и высланъ въ Англію. Гартманъ былъ заграничнымъ представителемъ партіи «Народной Воли». Этимъ и объясняется то обстоятельство, что Лавровъ свое письмо о его несогласіи съ партіей «Народной Воли» по вопросу о Земскомъ Соборѣ прочиталъ именно Гартману. Какъ представитель Народной Воли, Гартманъ довольно часто сносился съ К. Марксомъ и Фр. Энгельсомъ, которые относились къ нему самымъ дружескимъ образомъ.

Подробно о Гартманѣ см. А. Тунъ. Исторія revол. движенія въ Россіи съ примѣч. Л. Шишко, изд. «Земля и Воля» Спб. 1906 г. стр. 236—237; О. С. Любатовичъ. Далекое и недавнее, «Былое», 1906 г., № 6, стр. 128—129 и 132; «Изъ воспоминаній Л. Гартмана», «Былое» издававшееся Вл. Бурцевымъ за границей, Ростовъ на-Дону, Вып. I, 1906 г., стр. 151—159; Открытое письмо Виктора Гюго французскому правительству о невыдачѣ Л. Н. Гартмана, «Былое», 1907 г. № 4, стр. 191; М. Р. Поповъ. Изъ моего революціоннаго прошлаго, «Былое» 1907 г., № 5, стр. 274, 276, 281, 284, 295 и 296; С. Н. Южаковъ, Л. Н. Гартманъ. «Большая Энциклопедія», изд. «Просвѣщеніе», т. XXI, стр. 147—149; Эд. Бернштейнъ. К. Марксъ и русскіе революціонеры. «Минувшіе Годы», 1908 г., № 11, стр. 21—22; П. Л. Лавровъ о самомъ себѣ, «Вѣстникъ Европы», 1910 г. № 10, стр. 104—105; Дейчъ Л.. Наша эмиграція въ 70-хъ г.г., «Вѣстникъ Европы», 1913 г., № 7; А. Мке. Л. Н. Гартманъ (некрологъ съ портретомъ). «Голосъ Минувшаго», 1913 г., № 5, стр. 276—277; А. Дунинъ. Изъ жизни землевольца, «Наша Старина», 1914 г., февраль, стр. 209—211; С. Княжнинъ. Л. Гартманъ, газ. «День», 1913 г., № 95; В. Л. Осиповъ. Изъ воспоминаній о Л. Н. Гартманѣ, газ. «Рѣчь» 1913 г., № 123 и 165; А. Прибылева, Воспоминанія о Народной Волѣ, «Голосъ Минувш.», 1916 г. № 9, стр. 109.

П. В—въ.

[1]) Гуревичъ Григорій Евсеевичъ, публицистъ (псевдонимъ Гершонъ Баданесъ) и общественный дѣятель, особенно извѣстный среди еврейскихъ круговъ. Родился въ 1854 г. Сотрудничалъ въ нѣмецкихъ соціалистическихъ газетахъ, гдѣ писалъ главнымъ образомъ о Россіи. Будучи за границей, состоялъ студентомъ-медикомъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Съ 80-хъ г.г. онъ началъ сотрудничать въ «Восходѣ», гдѣ помѣстилъ свои воспоминанія подъ заглавіемъ «Записки Отщепенца» (1884 г.). Въ 70-хъ г.г. онъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ А. Либерманомъ, работающимъ съ Лавровымъ въ «Впередъ!» Въ 187- г. онъ привлекался въ Берлинѣ къ суду за принадлежность къ революціонной организаціи и былъ присужденъ къ тюремному заключенію на 9 мѣсяцевъ, а затѣмъ къ высылкѣ изъ предѣловъ Пруссіи. Въ 1883 г. Гуревичъ вернулся въ Россію, гдѣ ему также пришлось отбыть тюремное заключеніе. Находясь въ близкой связи со многими русскими революціонерами, самъ Гуревичъ однако не принималъ активнаго участія въ революціонной работѣ. Въ послѣднее время Гуревичъ жилъ въ Кіевѣ, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ мѣстной еврейской общественной жизни. См. о немъ—«Еврейская Энциклопедія» т. VI, Спб., стр. 850; Г. (Гуревичъ). Первый процессъ «нигилистовъ» въ Берлинѣ, «Былое» 1907, № 9, стр. 77—82 и Г. Е. Гуревичъ. Процессъ еврейскихъ соціалистовъ въ Берлинѣ, «Еврейская Старина», Петроградъ, 1918 г. т. X, стр. 151—174; В. Іохельсонъ, Далекое прошлое, «Былое», 1918 г., № 13, стр. 60.

П. В—въ.

В. Я. Яковлеву-Богучарскому.

Печатаемое ниже письмо извлечено нами изъ «Дѣла Департамента Полиціи, 3-е дѣлопроизводство. По наблюденію за отставнымъ поручикомъ Василіемъ Яковлевымъ Яковлевымъ, № 777». Въ дѣлѣ оно имѣется въ копіи, снятой при перлюстраціи всѣхъ писемъ, идущихъ по адресамъ, связаннымъ такъ или иначе съ Яковлевымъ. Оно носитъ заглавіе—«Копія письма изъ Парижа отъ П. Л. Лаврова, на имя Анны Алексѣевны Воейковой, Тверская ул., д. Варгина, Москва, отъ 28/16 января 1896 г. [1]). Копія была снята, какъ видно изъ отмѣтки въ дѣлѣ, «15 февраля 1896 г.».

Воейкова состояла гражданской женой извѣстнаго провокатора Михаила Ивановича Гуровича (департаментская кличка «Харьковецъ»), который, будучи знакомъ съ Яковлевымъ еще со временъ его сибирской ссылки, далъ ему этотъ адресъ для «конспиративной переписки». [2]).

В. Я. Яковлевъ былъ лично знакомъ съ П. Л. Лавровымъ. По крайней мѣрѣ, въ бытность свою въ Парижѣ въ 1892 г. (въ періодъ съ іюня по ноябрь мѣсяцъ) онъ посѣщалъ лично Лаврова, о чемъ тогдашній агентъ русскаго заграничнаго сыска П. И. Рачковскій немедленно и донесъ Департаменту Полиціи [3]). Съ самаго начала 90 гг. Яковлевъ примыкаетъ къ «группѣ старыхъ народовольцевъ», которая, во главѣ съ П. Л. Лавровымъ, съ 1 января 1893 г. начала издавать въ Женевѣ свой органъ «Съ родины и на родину», съ приложеніемъ «Матеріаловъ для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія».

Этому изданію Яковлевъ оказываетъ всяческое содѣйствіе. Онъ связываетъ его съ различными кругами интеллигенціи въ Россіи и самъ сотрудничаетъ въ немъ, посылая туда разныя замѣтки, корреспонденціи и другой информаціонный матеріалъ. «Я старался—пишетъ онъ редакторамъ этого изданія,—быть полезнымъ вашему предпріятію: многое изъ того, что нашло себѣ мѣсто въ вашихъ изданіяхъ, прямо или косвенно (ваши «случайные» или «неизвѣстные» корреспонденты) было плодомъ моихъ стараній въ этомъ направленіи». [4]) Помимо этого, Яковлевъ снабжаетъ издателей и матеріалами по исторіи революціоннаго движенія. Такъ напримѣръ, «Письма якутцевъ», напечатанныя въ № 3 «Съ родины и на родину» [5]), посланы никѣмъ инымъ, какъ Яковлевымъ, что видно изъ донесенія Департаменту Полиціи начальника воронежскаго жандармскаго управленія полковника Халтулари [6]). Здѣсь надо отмѣтить, что не все, посланное Яковлевымъ, доходило до издателей. Съ другой стороны, издатели, получая изъ Россіи

[1]) См. стр. 70—77.

[2]) См. объ этомъ подробно въ статьѣ Вл. Кранихфельда «В. Я. Яковлевъ-Богучарскій», «Былое» 1917 г. № 1 и 2.

[3]) См. «Дѣло Департамента Полиціи, 3 дѣлопроизводство. Объ отставномъ поручикѣ В. Я. Яковлевѣ» № 497, часть I стр. 2 (оборотъ), 67 (оборотъ) 72, 74, и 86, а также статью Вл. Кранихфельда въ «Быломъ», № 1 за 1917 г., стр. 238.

[4]) См. «Дѣло Департамента Полиціи» № 777, стр. 17 и «Былое», 1917 г. № 2, стр. 221.

[5]) См. стр. 150—153.

[6]) См. Былое, 1917 г. № 1, стр. 212—243, а также «Дѣло Д. П.» № 497, ч. I, стр. 78—79.

«матеріалы», иногда даже не знали, что они исходятъ именно отъ Яковлева. Этимъ и объясняется замѣтка «Отъ издателей», имѣющая въ виду Яковлева, адресованная ему анонимно—„Нашему русскому товарищу, не оправдавшему возлагавшихся на него надеждъ. Письма доходятъ, но, очевидно, не всѣ. На агентство лучше не писать. Не отвѣчаемъ, потому что не знаемъ, по какому изъ адресовъ писать. Ждемъ рукописи и прочаго.» [1]).

1 сентября 1895 г. В. Я. Яковлевъ послалъ въ Парижъ группѣ старыхъ народовольцевъ, издававшей «Съ родины и на родину», большое письмо, которое 5 сентября того же года уже было перлюстрировано [2]). Письмо это полностью напечатано Вл. Кранихфельдомъ въ его статьѣ о «В. Я. Яковлевѣ—Богучарскомъ» [3]). Въ немъ Яковлевъ сообщаетъ о громадномъ успѣхѣ русскаго марксизма, къ которому «пристало весьма значительное количество революціонно-настроенной молодежи», и о безсиліи русскаго народничества въ лицѣ Н. К. Михайловскаго, В. В. и С. Кривенко дать надлежащій отпоръ П. Струве и Бельтову. Далѣе, Яковлевъ полагаетъ, что «Народная Воля» есть «синтезъ двухъ россійскихъ направленій, т.-е. соціалъ-демократизма съ народоправствомъ», и онъ даже удивленъ, что такая «простая мысль» не сдѣлалась до сихъ поръ «общимъ достояніемъ». Являясь народовольцемъ, Яковлевъ находитъ, что русская жизнь приведетъ къ «торжеству» именно этого направленія, на что есть «уже симптомы». Въ заключеніе, Яковлевъ полагалъ, что П. Л. Лаврову надо написать «открытое письмо» къ «русскимъ революціонерамъ» по поводу всѣхъ этихъ вопросовъ, причемъ Яковлевъ давалъ обѣщаніе издать это письмо въ Россіи.

Въ отвѣтъ Яковлевъ получилъ отъ группы старыхъ народовольцевъ обширное письмо П. Л. Лаврова, съ разборомъ всѣхъ поднятыхъ имъ вопросовъ.

Письмо было послано при анонимной записочкѣ на бланкѣ «salon de lecture des Grands Magasins du Louvre, Paris», въ которой сообщалось, что означенное письмо Лаврова «представляетъ выдержки изъ болѣе обширнаго посланія автора къ товарищамъ по изданію „Матеріаловъ“. Записочка заканчивалась сообщеніемъ, что «большинство издателей „Матеріаловъ“, въ общемъ, согласны съ письмомъ П. Л.».

Означенное письмо Лаврова было получено въ Москвѣ 17 октября 1895 г. и тотчасъ было подвергнуто перлюстраціи, причемъ копія его, вмѣстѣ съ препроводительной запиской, была немедленно отослана въ Департаментъ Полиціи для пріобщенія къ дѣлу В. Я. Яковлева-Богучарскаго. [4]).

Между тѣмъ, В. Я. Яковлевъ, получивъ послѣ перлюстраціи письмо Лаврова, остался вѣренъ своему обѣщанію и напечаталъ его въ «Летучемъ Листкѣ», органѣ «группы народовольцевъ», выходящемъ въ Россіи нелегально [5]). Правда, редакція «Лет. Листка» позволила себѣ кое-что выпустить изъ письма Лаврова. Это касалось какъ разъ

---

[1]) См. «Съ родины на родину», Женева 1893 г., № 3, стр. 220).

[2]) См. Дѣло Департамента Полиціи, 3-е дѣлопр., о В. Я. Яковлевѣ № 777, стр. 15, 16, 17 и 18.

[3]) «Былое» 1917 г. № 2, стр. 219—222.

[4]) См. Дѣло Депар. Пол. 3 дѣлопр., № 777 стр. 46—52.

[5]) См. № 4 отъ 9 декабря 1895 г. стр. 19—22, статья «П. Л. Лавровъ о програмныхъ вопросахъ».

тѣхъ мѣстъ, гдѣ Лавровъ говорилъ объ успѣхѣ русскихъ соціалъ-демократовъ среди молодежи, которая несетъ именно сюда «свой энтузіазмъ», объ «разрозненности» въ рядахъ народовольцевъ и ихъ «уступкахъ» марксизму и т. п.

Выдержки изъ письма Лаврова, повидимому, не удовлетворили В. Я. Яковлева, который какъ разъ въ это время переживалъ мучительный кризисъ въ своемъ міровоззрѣніи, все болѣе и болѣе склоняясь въ сторону русскаго марксизма. Изъ перлюстрированнаго письма Н. С. Русанова, отъ 27 ноября 1895 г., къ Яковлеву видно, что послѣдній «не удовлетворился извлеченіемъ» изъ письма Лаврова и хотѣлъ «имѣть его цѣликомъ». «Но вѣдь это письмо писано намъ,— разъяснялъ Яковлеву Н. С. Русановъ,—и если мы сдѣлали изъ него извлеченіе, то оттого, что нашли, что остальное не можетъ быть экспедировано» [1]). Во всякомъ случаѣ, неудовлетворенность Яковлева и его друзей «извлеченіями» изъ письма Лаврова и повела къ тому, что послѣдній рѣшилъ обратиться непосредственно съ открытымъ письмомъ къ русскимъ революціонерамъ, находящимся въ Россіи, исполняя этимъ просьбу В. Я. Яковлева.

Насколько намъ извѣстно, письмо это напечатано нигдѣ не было. Мы воспроизводимъ его полностью по копіи, имѣющейся въ дѣлѣ В. Я. Яковлева-Богучарскаго.

П. Витязевъ.

Дорогіе товарищи! Вы желали знать мое мнѣніе о теперешнемъ положеніи революціоннаго дѣла въ Россіи, мое отношеніе къ различнымъ фракціямъ русской революціонной партіи, наконецъ, мой взглядъ на то, какимъ образомъ намъ, издательской группѣ, фигурирующей за границей подъ именемъ «старыхъ народовольцевъ» [2]), всего дѣйствительнѣе можно помочь тѣмъ революціоннымъ группамъ въ Россіи, которыя считаются болѣе или менѣе близкими къ старой программѣ «Н. В.» и, во всякомъ случаѣ, ближе къ ней, чѣмъ къ какой-либо другой изъ существующихъ революціонныхъ программъ.

Признаюсь, что, приступая къ отвѣту вамъ, я нахожусь въ нѣкоторомъ затрудненіи. Вы находитесь въ Россіи; Вы имѣете возможность слѣдить, шагъ за шагомъ, минута за минутой, за тѣми модификаціями, которыя совершаются въ русскомъ обществѣ, въ особенности же въ русской оппозиціонной молодежи, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Мы же здѣсь получаемъ лишь отъ времени до времени, далеко не такъ часто и не такъ полно, какъ было бы желательно, свѣдѣнія о тѣхъ или другихъ эпизодахъ этихъ модификацій. Не слѣдовало-ли бы изъ этого, что оцѣнку событій минувшихъ, надежды или опасенія относительно ближайшаго будущаго, наконецъ, общее уясненіе современнаго общественнаго настроенія въ Россіи, мы могли

[1]) См. Дѣло Департ. Полиціи 3-е дѣлопр., № 777, о В. Я. Яковлевѣ, стр. 64).

[2]) Группа эта съ января 1893 г. начала выпускать свой органъ подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія» съ приложеніемъ отдѣла «Съ родины и на родину». Въ немъ принимали участіе—П. Лавровъ, К. Тарасовъ (Русановъ) Н. Рубановичъ, Э. Серебряковъ, Н. Лазаревичъ, И. Ф. Якубовичъ и др. Послѣдній номеръ «Съ родины и на родину» (№№ 6—7) вышелъ въ октябрѣ 1896 г., послѣ чего этотъ органъ прекратилъ свое существованіе. *П. В-въ.*

бы скорѣе помѣщать на страницахъ нашихъ изданій, какъ достовѣрныя данныя, отъ Васъ полученныя, чѣмъ Вамъ сообщать отсюда наши заключенія и угадки на основаніи отрывочныхъ свѣдѣній, у насъ имѣющихся. Съ нашей стороны пробѣлы и ошибки въ этомъ случаѣ несравненно вѣроятнѣе и понятнѣе, чѣмъ съ Вашей. Мы можемъ тогда придавать важность явленіямъ, незначительность которыхъ для Васъ видна, какъ можемъ ошибиться относительно роли другого факта, о которомъ имѣемъ случайно мало свѣдѣній.

Но только что указанное затрудненіе не можетъ помѣшать мнѣ отвѣтить Вамъ, такъ какъ оно, конечно, было взято Вами въ соображеніе, и разъ Вы желаете выслушать мое мнѣніе о томъ или другомъ вопросѣ, разъ Вы считаете это мнѣніе для себя нужнымъ, мнѣ остается лишь доставить Вамъ, по мѣрѣ силъ моихъ и возможностей, тѣ свѣдѣнія, которыя Вы требуете, рискуя даже отвѣтить не вполнѣ удовлетворительно.

Вѣроятно, этимъ же принципомъ товарищества въ общемъ для насъ дѣлѣ Вы тоже руководствовались и продолжаете руководствоваться при доставленіи намъ нужныхъ для насъ свѣдѣній.

Тому нѣсколько лѣтъ назадъ мы приступили къ изданію «Матеріаловъ» и примѣчаній [1]) къ нимъ, съ надеждой, что, подъ вліяніемъ потрясающихъ явленій тогдашняго голода въ Россіи, наступила снова для нашей родины минута поднятія духа и болѣе живой воспріимчивости въ пропагандѣ идей, вызывающихъ дѣло, и дѣлъ, проникнутыхъ широкой идеей. Мы приступили къ нашему дѣлу съ увѣренностью, что разгромъ и деморализація предшествующихъ годовъ оставили, тѣмъ не менѣе, за собою въ Россіи, можетъ быть, разбросанныя и слабосильныя, но проникнутыя убѣжденіемъ и готовыя на энергическое дѣйствіе группы соціалистовъ - революціонеровъ, большинство которыхъ признаетъ своимъ знаменемъ болѣе или менѣе измѣненную программу «Нар. Воли». Мы имѣли въ виду дать этимъ разсѣяннымъ группамъ, этимъ товарищамъ по убѣжденіямъ, въ минуту оживленія страны, органъ, который былъ бы и ихъ органомъ, который помогалъ бы имъ поддерживать нашу общую программу, группировать около нея новыя группы и дѣйствовать въ этомъ направленіи на почвѣ Россіи противъ главныхъ враговъ соціализма и русскаго народа. Такова была задача, которую мы поставили себѣ при началѣ нашего дѣла, и мы считали всякую другую для себя невозможною.

Прошло не мало времени. Вѣрно ли мы понимали тогдашнее положеніе дѣлъ? Сдѣлали-ли мы за это время все, что было намъ возможно, для достиженія цѣли, нами себѣ поставленной? Сдѣлали-ли наши товарищи все для нихъ возможное, чтобы облегчить намъ рѣшеніе задачи, имѣвшей свои трудности, и направить происходившее вокругъ нихъ движеніе въ ту сторону, которая была наиболѣе согласна съ нашею общею программой? Отвѣтъ на первые два вопроса слѣдуетъ дать не намъ, потому что для насъ совершенно естественно [2]) въ нашу пользу; ваше мнѣніе по этому поводу было-бы для насъ очень важно. Но мы не беремъ на себя ни въ какомъ слу-

---

[1]) Повидимому, здѣсь описка при снятіи копіи. По смыслу надо «приложеній», т. е. отдѣлъ «Съ родины и на родину». *П. В-въ.*

[2]) В копіи пропускъ. Кто-то карандашемъ сдѣлалъ вставку по смыслу— «будетъ рѣшеніе». *П. В-въ.*

чаѣ отвѣтъ и на третій вопросъ, потому что намъ далеко не достаточно знакомы условія, существовавшія за это время въ Россіи и дѣлавшія для нашихъ товарищей невозможными одну [1] . . . другихъ. Мы вѣримъ, что въ Россіи было сдѣлано все возможное, и надѣемся, что наши товарищи такъ же смотрятъ на нашу издательскую дѣятельность послѣднихъ годовъ.

Но это все прошедшее, а меня и, вѣроятно, васъ—гораздо болѣе интересуетъ настоящее.

По свѣдѣніямъ, у насъ имѣющимся, положеніе дѣлъ въ русской революціонной партіи за эти годы въ достаточной мѣрѣ измѣнилось. До насъ доходятъ листки, гдѣ толкуютъ о «поссибилистахъ», о которыхъ прежде не было слышно. Возникла, получила временно не малое значеніе, выдержала разгромъ, но повидимому, снова собирается съ силами для дѣйствія партія «народовольцевъ» [2], ставящая себѣ будто бы задачею свертываніе (временно, насколько можно судить) знамени соціализма и союзъ съ русскими либералами. Значительно распространилась пропаганда русскихъ соц.-демократовъ и оказываетъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, «чарующее дѣйствіе» на значительную долю современной молодежи.

Народовольческія группы, какъ будто, обнаруживаютъ разрозненность, недостатокъ сплоченія и организаціи, и въ то же время въ «Летучихъ Листкахъ» [3], выходящихъ изъ этого лагеря, подчеркивается необходимость пріемовъ терроризма въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ это имѣло мѣсто во время существованія «Исполнительнаго Комитета». Всѣ эти отдѣльныя явленія засвидѣтельствованы фактами, но, признаюсь, для меня въ настоящую минуту вовсе не ясно, какую относительную силу представляетъ то или другое изъ нихъ: имѣемъ ли въ одномъ изъ нихъ стихійно растущую силу, къ автоматическому дѣйствію которой остается лишь приспособляться; есть ли другое, преувеличенное въ воображеніи тѣми, которые сообщаютъ о немъ или являются его представителями, лишь эфемерное мѣстное теченіе, которое можетъ скоро и само собой изсякнуть, которому можно съ успѣхомъ и противодѣйствовать, если это противодѣйствіе обнаружитъ достаточную энергію. При подобной неопредѣленности мнѣ приходится ограничиться лишь слѣдующимъ пріемомъ: ни одного изъ этихъ явленій я не хочу разсматривать, какъ силу неопреодолимую, и относительно каждаго изъ нихъ я поставлю себѣ вопросъ—насколько оно логически и фактически можетъ, по моему мнѣнію, представить полезное или удобное орудіе въ борьбѣ за принципы «соціализма», составляющіе въ настоящее время, по моему мнѣнію, главный двигатель исторіи человѣчества, и въ борьбѣ противъ русскаго абсолютизма, бывшаго и остающагося главнымъ врагомъ русскаго народа.

---

[1]) Пропускъ въ подлинникѣ. *П. В-въ.*

[2]) Повидимому, здѣсь ошибка при снятіи копіи. Надо по смыслу читать—«Народоправцевъ». Въ письмѣ, напечатанномъ въ «Летуч. листкѣ» («О программныхъ вопросахъ» см. № 4), Лавровъ имѣетъ въ виду именно «Народоправцевъ», противъ которыхъ онъ и выдвигаетъ доводы, весьма сходные съ приводимыми ниже. *П. В-въ.*

[3]) Органъ «Группы народовольцевъ», издаваемый въ Россіи нелегально. Первый номеръ его былъ выпущенъ въ сентябрѣ 1892 года. Всего вышло 4 номера. Послѣдній номеръ вышелъ 9 декабря 1895 г. *П. В-въ.*

О «поссибилистахъ» и «народовольцахъ» [1]) я буду говорить заразъ, потому что, какъ мнѣ кажется, задачи ихъ сходятся, хотя относительно первыхъ я могу и ошибаться, по недостатку свѣдѣній.

Чего хотѣли и хотятъ «народовольцы»? [2]) Повидимому, организовать одну оппозиціонную партію изъ русскихъ либераловъ, не безусловно враждебныхъ принципамъ соціализма, и изъ соціалистовъ, согласившихся временно ограничиться политическою задачею борьбы съ абсолютизмомъ, и направить всѣ силы этой арміи на низверженіе абсолютизма. Достигнувъ сообща съ либералами этой цѣли, народовольцы [3]) - соціалисты имѣли, конечно, въ виду возобновить, на экономической почвѣ, борьбу со своими вчерашними союзниками.

Этотъ планъ предполагаетъ одно изъ трехъ: или существованіе политической партіи русскихъ либераловъ, энергически и самоотверженно борющейся за свою либеральную программу и представляющей достаточную политическую силу, съ которой можно вступать въ переговоры и сношенія,—или же поступленіе, въ достаточномъ числѣ, наиболѣе энергическихъ и убѣжденныхъ личностей изъ либераловъ въ ряды организованной соціалистической партіи, прямо заявляя, что они содѣйствуютъ соціалистамъ не въ ихъ экономическихъ задачахъ, а единственно въ политической цѣли—низвергнуть императорскій абсолютизмъ. Или, наконецъ, образованіе изъ соціалистовъ-политиковъ организованной партіи съ чисто либеральной программой, къ которой, какъ предполагается, охотно приступятъ всѣ оппозиціонныя несоціалистическія силы. Въ этой партіи соціалисты-политики имѣли бы въ виду вести столько же энергическую проповѣдь либеральныхъ теоретическихъ принциповъ, либеральныхъ практическихъ задачъ и т. п., какой была проповѣдь народниковъ въ 70-хъ годахъ, народовольцевъ въ началѣ 80-хъ годовъ. Затѣмъ послѣдовало бы окончательное торжество «соціалистовъ-политиковъ», предводителей только-что [4])... движенія, въ созваніи Земскаго Собора, гдѣ, вѣроятно, вчерашніе проповѣдники либерализма выступили бы въ роли соціалистовъ-революціонеровъ.

Либеральная русская партія не существуетъ, и многолѣтній опытъ показываетъ, что она не имѣетъ шансовъ образоваться. Во всякомъ случаѣ, въ настоящую минуту было бы совершенно нелѣпо народовольцамъ [5]) на нее расчитывать.

Второй путь (вступленіе либераловъ въ ряды соціалистовъ съ опредѣленной цѣлью) былъ всегда открытъ для либераловъ, но они не сумѣли или не захотѣли воспользоваться имъ въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ даже тогда, когда соціалисты-революціонеры представляли организованную силу. Какова же вѣроятность, что они хоть разъ окажутся болѣе рѣшительными въ этомъ направленіи? Я не рѣшаюсь отвѣтить съ полною увѣренностью на этотъ вопросъ, хотя склоняюсь къ сомнѣнію, признавая, впрочемъ, что работа народоправцевъ (какъ и другихъ соціалистовъ, впрочемъ) въ этомъ направленіи можетъ быть полезна для революціоннаго дѣла.

[1]) Надо читать—«народоправцахъ». *П. В-въ.*

[2]) По смыслу надо—«народоправцы». *П. В-въ.*

[3]) Читай—«народоправцы». *П. В-въ.*

[4]) Въ подлинникѣ пропускъ. Вставлено карандашемъ,—очевидно, по смыслу,—«названнаго». *П. В-въ.*

[5]) Читай: «народоправцамъ». *П. В-въ.*

Путь же маскараднаго выступленія наиболѣе энергическихъ соціалистовъ въ роли предводителей либеральной политической партіи, возможность энтузіазма [1]... и затѣмъ, театральный переходъ на будущемъ Земскомъ Соборѣ именно этихъ предводителей движенія въ роль враговъ сторонниковъ частной собственности и капитала,— все это мнѣ кажется до такой степени фантастическою картиною, что для меня даже немыслимо въ подробностяхъ ея осуществленіе.

Поэтому, я считаю выполненіе программы народовольцевъ [2] возможнымъ лишь въ одномъ направленіи: какъ работу соціалистической интеллигенціи, въ направленіи вовлеченія въ ряды организованныхъ соціалистовъ возможно большаго числа не соціалистовъ, прямо объявляющихъ, что они наши союзники лишь до низверженія абсолютизма. Это путь очень трудный, очень медленный, но, до извѣстной степени, возможный, на мой взглядъ, не противорѣчащій соціалистическимъ принципамъ и не компрометирующій соціалистовъ, его допускающихъ.

Чего хотѣли и хотятъ «русскіе ученики»—соц.-демократы?— Безъ сомнѣнія, перенесенія на почву нашей родины той самой политики, которая доставила такіе блестящіе успѣхи въ другихъ странахъ ихъ единовѣрцамъ. Организація рабочей партіи при существующихъ юридическихъ условіяхъ, усвоеніе этой организованной партіей сознанія классовой противоположности и борьбы, выставленіе ею особой политической программы, съ цѣлью достигнуть диктатуры пролетаріата и перехода, при посредствѣ этой диктатуры, орудій труда въ руки рабочихъ,—такова совершенно естественная и правильная программа заграничныхъ соц.-демократовъ. Для преодолѣнія затрудненій, представляемыхъ современнымъ порядкомъ ея осуществленію на всѣхъ послѣдовательныхъ пунктахъ, ея сторонникамъ приходится въ каждомъ государствѣ прибѣгать къ разнымъ мѣрамъ. Въ Россійской Имперіи на первомъ же шагу передъ ними становился вопросъ: возможно ли въ этой Имперіи организовать достаточно обширную и плотную партію рабочихъ, связанную въ самыхъ мирныхъ столкновеніяхъ своихъ съ капиталомъ достаточно крѣпко, чтобы сознавать свою солидарность, какъ класса?

Тѣмъ изъ русскихъ соц.-демократовъ, которые смѣло утверждаютъ, что организація подобной рабочей партіи (еще не политической) возможна въ нынѣшней Россіи, приходится отвѣтить только: «попробуйте», и если вамъ удастся, вы совершите великое дѣло. Но для меня это дѣло невозможное, предполагающее ребяческое ослѣпленіе и едва ли не полное незнаніе русскихъ юридическихъ условій.

Большинство разсуждающихъ соц.-демократовъ, вѣроятно, отвѣтятъ иначе. Они скажутъ, что, рядомъ съ пропагандой принциповъ соціализма и классоваго сознанія рабочаго класса, слѣдуетъ тѣми или другими средствами бороться противъ императорскаго абсолютизма, постараться его низвергнуть и, достигнувъ этой цѣли, продолжать, при наступившихъ удобнѣйшихъ условіяхъ политической жизни, тѣ усилія организовать рабочую партію, которыя не надо оставлять уже теперь ни на минуту, несмотря на крайнія трудности этого дѣла. Но подобная задача, на мой взглядъ, сводится на одновре-

[1] Пропускъ въ подлинникѣ. *П. В-въ.*
[2] «Народоправцевъ». *П. В-въ.*

менное внесеніе въ практическую программу 2-хъ требованій: требованіе организовать соціалистическій рабочій классъ при возможно большемъ участіи въ его составѣ соціалистической интеллигенціи и столь же настоятельное требованіе организовать политическій заговоръ, почти неизбѣжно опирающійся на интеллигенцію, хотя, конечно, приходится стараться вводить въ заговоръ возможно болѣе элементовъ изъ рабочаго класса. Если же это такъ, то я не вижу вовсе разницы этой программы отъ программы народовольцевъ и думаю, что русскіе соц.-демократы, ставящіе себѣ подобную программу, какъ бы они ни называли себя, въ сущности, продолжаютъ дѣло народовольцевъ. Изъ-за чего же тутъ вражда, о которой намъ столько пишутъ? Разница во взглядахъ на общину, на будущее русскаго капитализма, на экономическій матеріализмъ мнѣ кажется совершенно второстепенной предъ единственнымъ важнымъ вопросомъ для русскихъ революціонеровъ: нужно ли направить всѣ силы исключительно на организацію рабочей партіи, предоставляя лишь ея будущимъ силамъ совершить соціальную революцію, которая унесетъ, конечно, и абсолютизмъ, или надо одновременно дѣйствовать въ направленіи этой организаціи, представляющей теперь едва ли не неодолимыя трудности, и въ направленіи политическаго заговора противъ абсолютизма, возможно тѣсно связывая эти двѣ отрасли революціонной работы?

Именно послѣдняго хотятъ народовольцы въ своихъ старыхъ и новыхъ программахъ, причемъ эти программы раздѣляются для разныхъ личностей и группъ лишь въ частностяхъ организація, въ большемъ или меньшемъ подчеркиваніи элементовъ «народничества», въ роли, придаваемой терроризму въ литературѣ за границей и издающейся въ предѣлахъ Россіи новизнѣ во взглядахъ на захватъ власти. Я не желаю даже останавливаться на этихъ раздѣляющихъ вопросахъ, глубоко убѣжденный, что разница по этимъ вопросамъ не должна и не можетъ мѣшать дѣйствовать сообща. Такъ какъ Вы желали знать мое мнѣніе по поводу наличныхъ задачъ революціоннаго дѣла, то я не скрою отъ Васъ, что остаюсь при мнѣніи (уже давнишнемъ), что боевая задача народовольцевъ влечетъ за собою, по необходимости, организацію централистическую, и что стремленіе создать снова центральный руководящій органъ партіи едва-ли полезно совершенно оставить въ сторонѣ; что новые «Летучіе Листки» народовольцевъ чуть ли не излишне подчеркиваютъ элементъ терроризма, который былъ признанъ въ эпоху «Исполнительнаго Комитета» «печальной необходимостью», оставаясь и тогда опаснымъ для партіи орудіемъ въ своемъ примѣненіи; что захватъ власти, наконецъ, есть скорѣе возможная случайность, которую ни одной политической, партіи не слѣдуетъ совершенно упускать изъ виду, чѣмъ практическая задача, рѣшеніе которой можно было бы подготовить къ болѣе или менѣе опредѣленному сроку.

Останавливаюсь лишь на практическомъ вопросѣ, именно теперь представляющемся, относительно одновременной издательской дѣятельности: Вашей въ предѣлахъ Россіи и нашей—внѣ ея. Можетъ быть по моему мнѣнію, лишь весьма полезнымъ и цѣлесообразнымъ намѣреніе Ваше отзываться печатнымъ словомъ въ предѣлахъ самой Россіи на текущія явленія немедленно послѣ ихъ совершенія и въ Россіи же издавать хронику событій, обозначающихъ борьбу русской оппозиціи всѣхъ оттѣнковъ съ императорствомъ и съ капиталомъ.

Это облегчитъ наше дѣло по составленію приложенія къ «Матеріаламъ», въ который [1]) останутся лишь работы, не требующія срочности, но имѣющія, на нашъ взглядъ, общее значеніе для читателей. Мы расчитываемъ, конечно, на Ваше содѣйствіе по этимъ общимъ вопросамъ и мы постараемся Вамъ сообщать тѣ впечатлѣнія, которыя событія въ Россіи будутъ производить здѣсь, и крупнѣйшія явленія здѣшней борьбы съ капиталомъ и буржуазнымъ государствомъ. Конечно, подобное раздѣленіе литературнаго труда будетъ содѣйствовать интересамъ обоихъ изданій.

Но для заключенія считаю нужнымъ еще замѣтить, что всѣ выше упомянутые частные вопросы, относительно которыхъ среди народовольцевъ можетъ встрѣтиться разногласіе и внѣ литературной пропаганды, какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и внѣ ея, для народовольцевъ вообще, именно какъ боевой партіи съ ея двусторонней программой, было и остается важнѣйшей задачей въ Россіи объединеніе и тѣсная связь дѣйствующихъ народовольческихъ кружковъ [2]). Особенно печальны были для насъ тѣ случайно дошедшія до насъ извѣстія (можетъ быть, исключительныя) о существованіи и функціонированіи народовольческихъ кружковъ, не только не дѣйствующихъ сообща, но даже неизвѣстныхъ другъ другу, ни въ здѣшнихъ центрахъ. Пропаганда среди рабочихъ, попытка организовать ихъ могутъ имѣть мѣсто отдѣльно, выжидая для дѣйствія сообща будущій, болѣе удобный, моментъ... Террористическіе кружки, ставящіе себѣ задачей отдѣльный ударъ, нанесенный правительству, могутъ, по самой сущности дѣла, дѣйствовать совершенно отдѣльно отъ другихъ кружковъ со сходными экономическими и политическими программами, хотя при этомъ растетъ нравственная отвѣтственность людей, берущихъ на себя безъ вѣдома партіи дѣло, опасное для нея въ ея цѣломъ. Но для политическаго заговора немыслима не только побѣда, но даже временный успѣхъ, даже энергическое дѣло, способное влiять на воображеніе современниковъ, внѣ дѣйствія сообща, внѣ организаціи. Для народовольческой программы сплоченность и организація составляютъ основныя условія, а потому всякая раздѣльность ея сторонниковъ есть явленіе чисто патологическое. Русская молодежь выказала въ своей исторіи достаточную рѣшимость рисковать для идей,—чтобы кто либо имѣлъ право повторять ей, что личный рискъ, даже иногда безразсудный, предпочтительнѣе инерціи, даже болѣе или менѣе хорошо охраненной [3]) личности. Но при этихъ соображеніяхъ, которыми я кончаю мое письмо къ Вамъ, я не могу отогнать отъ себя навязчивую мысль. «Народная Воля» есть армія и была арміей съ энергическимъ штабомъ въ блестящій періодъ своей дѣятельности. Можетъ ли народовольчество продолжать свое дѣло безъ этой военной организаціи? Возможно ли теперь этой арміи обойтись безъ подобнаго штаба, безъ центральнаго руководящаго органа? Подумайте объ этомъ, дорогіе товарищи. Затѣмъ, посылаю лучшія поже-

---

[1]) Явная описка. Надо читать—«въ которомъ». *П. В-въ.*

[2]) Все построеніе этой фразы заставляетъ предполагать, что при снятіи копіи съ письма Лаврова въ этомъ мѣстѣ допущены какіе-то пропуски и искаженія въ сравненіи съ подлинникомъ. *П. В-въ.*

[3]) Намъ кажется, что здѣсь описка, и надо читать «охраняющей». *П. В-въ.*

ланія тѣмъ, кого считаю товарищами по дѣлу, и кто моихъ товарищей и меня признаетъ товарищами въ этомъ общемъ дѣлѣ.

П. Лавровъ.

P. S. Предоставляю Вамъ принять это письмо лишь къ свѣдѣнію, или напечатать его—цѣликомъ, въ отрывкахъ или въ извлеченіи, какъ Вамъ покажется нужнымъ П. Л.

З. Э. Полянской [1]).

I.

Милая Зиночка!

Цѣлую тебя крѣпко и поздравляю тебя съ Новымъ Годомъ, желаю тебѣ здоровья и всего хорошаго. Ты давно уже не писала мнѣ, хотя обѣщала писать, а обѣщанія надо держать. Мнѣ очень грустно было узнать отъ твоей мамы [2]), что ты была больна, но изъ послѣдняго письма ея узналъ, что тебѣ лучше. Поэтому надѣюсь, что ты будешь отъ времени до времени писать любящему тебя *дѣдушкѣ П.....*

19/7 авг.

II.

Дорогая Зиночка!

Очень благодарю тебя за твое письмо. Желалъ бы самъ писать разборчивѣе, но и въ молодости въ каллиграфіи былъ всегда слабъ, а со старостію сталъ писать и еще хуже. Теперь уже этому не поможешь. Если бы я былъ помоложе, то непремѣнно пріобрѣлъ бы себѣ машинку, помощью которой можно писать печатными буквами, выучился бы ее употреблять, и меня не бранили бы всѣ мои корреспонденты, что разбирать не могутъ, что я имъ пишу. Вотъ теперь и ты меня укоряешь, а какъ же мнѣ этому помочь? Учиться писать помощью машинки теперь уже поздно, да машинка и стоитъ дорого. Узнаю, что ты съ мамой теперь читаешь «Войну и Миръ»? Не правда ли, какая прекрасная вещь? Ну, милая Зиночка, надо садиться за работу, а потому обнимаю тебя крѣпко и желаю тебѣ быть здоровой.

Твой дѣдушка.

III.

8 сент.—27 авг. 1892 г.

Цѣлую тысячу разъ мою милую внучку Зиночку за ея дорогое письмо. Очень бы хотѣлось и мнѣ видѣть ее, но увы! она доживетъ и узнаетъ, что далеко не всѣ желанія можно выполнить. Ну, да мало ли что можетъ быть

---

[1]) Зинаида Эммануиловна *Полянская* (урожденная Негрескулъ) внучка Петра Лавровича отъ его дочери—Маріи Петровны. Подлинники писемъ переданы въ Пушкинскій Домъ. Они относятся къ періоду съ 1892 по 189[illegible] гг.

П. В—въ.

[2]) Рѣчь идетъ, какъ въ этомъ письмѣ такъ и ниже, о дочери Лаврова—Маріи Петровнѣ Негрескулъ, которая со средины 90-хъ почти все время жила при своемъ отцѣ въ Парижѣ, стараясь, насколько возможно, облегчить его одиночество и тяжелое положение, связанное со старостью. *П. В—въ.*

въ будущемъ. Что касается до французскаго языка, то очень трудно безъ него жить даже временно во Франціи, да и самъ по себѣ это такой хорошій языкъ, на немъ написаны такія хорошія книги, и во французской исторіи такъ много интереснаго. Читала ли Зиночка о Жаннѣ д'Аркъ? Да и много другого очень интереснаго есть во Франціи. А выучиться языку всегда можно, если только захочешь, особенно въ молодые годы. Если сначала скучновато, то впослѣдствіи тамъ есть много удовольствія. А пока Зиночка не выучилась по-французски и не пріѣхала посмотрѣть своего дѣдушку, я очень бы хотѣлъ имѣть ея портретъ. Цѣлую еще разъ мою дорогую внучку.

Дѣдушка.

IV.

Парижъ 8 іюля—26 іюня.

Милая Зиночка!

Очень благодаренъ тебѣ за письмо, которое мы сегодня получили, удивляясь, какъ это ты не получила письма отъ твоей мамы, посланнаго сейчасъ послѣ извѣстія объ окончаніи твоего экзамена, окончаніи, которому мы очень обрадовались. Очень охотно я удержалъ бы здѣсь твою маму подолѣе, но знаю напередъ, что всякие уговоры будутъ напрасны: уже какъ она назначила себѣ, что выѣдетъ такого то числа, такъ навѣрно и будетъ. Были мы съ ней два раза въ театрѣ и за городъ ѣздили, но у насъ стоятъ такія жары, что выѣзжать не очень пріятно, и вотъ уже нѣсколько дней, что мы только выходимъ, чтобы пообѣдать, а то сидимъ все дома. Когда я прочелъ въ твоемъ письмѣ, что ты занимаешься алгеброй и геометріей, а что ты желала бы заниматься со мною, то я подумалъ, что я теперь былъ бы тебѣ плохой учитель математики, такъ какъ уже болѣе четверти вѣка не случалось мнѣ преподавать эти предметы, а когда долго не занимаешься, такъ это становится очень трудно. Относительно того, что ты обѣщаешь помогать мнѣ въ томъ, чтобы мама твоя могла снова ко мнѣ пріѣхать, я очень тебѣ благодаренъ, и, можетъ быть, мы это съ тобою устроимъ какъ нибудь. Когда кто рѣшился помочь какому-нибудь дѣлу, то очень часто выходитъ такъ, что онъ и сможетъ сдѣлать это. Не пишу тебѣ, какъ мы здѣсь живемъ съ твоей мамой, потому что она это тебѣ сама разскажетъ, когда пріѣдетъ. Но я думаю, что тебѣ довольно трудно разбирать мои почеркъ, такъ какъ моя каллиграфія была всегда очень плоха. А потому полагаю, что лучше кончить. Обнимаю тебя крѣпко и прошу не забывать твоего дѣдушку и отъ времени до времени писать ему.

V.

17/5 авг.

Дорогая Зиночка!

Очень радъ, что тебѣ понравилась накидка, но за нее надо особенно благодарить твою маму, такъ какъ она ходила выбирать, а дѣдушка твой въ этомъ мало понимаетъ. Вотъ книгу такъ я выбралъ. Очень полезно тебѣ будетъ знать по-французски, и потому надо учиться языкамъ. Но ты меня поставила въ большое затрудненіе твоимъ вопросомъ объ урокѣ. Что это значитъ: «взять урокъ, но не приготовлять, а репетировать»? Я не ясно понимаю. Если ты собираешься приняться за учительство и чувствуешь

себя на это способнымъ, то это очень полезно. Когда я былъ въ училищѣ, то помню, какъ мнѣ самому особенно уяснялось то, что я объяснялъ товарищамъ, которые спрашивали моего совѣта. Но, можетъ быть, ты совсѣмъ о другомъ говоришь; въ такомъ случаѣ надо бы растолковать мнѣ. Давно уже есть поговорка: «уча научишься», но только надо самому хорошо усвоить то, чему учишь другихъ.

Крѣпко цѣлую тебя *Твой дѣдъ.*

III

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРІАЛЫ

П. Л. Лавровъ въ агентурныхъ донесеніяхъ „секретныхъ сотрудниковъ“ III Отдѣленія.

Собралъ и подготовилъ къ печати А. А. Шиловъ.

Хорошо поставленная „внутренняя агентура“ всегда составляла гордость жандармскихъ отдѣленій, охранокъ и т. п. непочтенныхъ учрежденій. Никакіе филеры, ни самое тщательное наружное наблюденіе, ни перлюстрированныя письма никогда не давали тѣхъ богатыхъ результатовъ, какіе получались отъ „секретнаго сотрудника“. Внѣшнее наблюденіе, по существу, всегда давало и внѣшніе результаты. Это былъ костякъ, который надо было облачить въ плоть, и тутъ-то и приходилъ на помощь „секретный сотрудникъ“, проникавшій въ самую глубь партійной жизни и освѣщавшій не только совершившійся фактъ, но и подготовленіе къ нему. Пріобрѣтеніемъ такого цѣннаго сотрудника жандармы были очень озабочены, его всячески берегли и для сохраненія его принимали всѣ мѣры, до замедленія ликвидаціи революціонной группы включительно, чтобы не провалить своего агента. Недаромъ начальникъ Московскаго охраннаго отдѣленія полковн. Мартыновъ въ 1914 г. торжественно заявлялъ Департаменту Полиціи, что у него такъ поставлена агентура, что ни одно явленіе революціоннаго подполья не можетъ ускользнуть отъ его глазъ. И дѣйствительно, просматривая партійныя дѣла бывш. Департамента Полиціи, а теперь Историко-Революціоннаго Архива, видишь, что, по крайней мѣрѣ, три-четверти всего происходившаго въ партійныхъ группахъ, особенно въ провинціи, было какъ подъ стекломъ, и жандармскіе полковники могли спокойно плести свою паутину, неторопливо подготовляя въ наиболѣе выгодный моментъ ликвидацію группы и мечтая о тепломъ мѣстечкѣ, о слѣдующемъ чинѣ или орденѣ и тому подобныхъ „прелестяхъ“ жизни.

Но, конечно, такой „прогрессъ“ внутренней агентуры былъ достигнутъ постепенно, путемъ долгихъ исканій и реформъ. Азефы, Жученки, Малиновскіе и другіе „короли провокаціи“ даже не снились „скромнымъ“ дѣятелямъ III Отдѣленія собств. его имп. велич. канцеляріи. Агенты III Отдѣленія, особенно въ 1860-хъ г.г., были, можно сказать, невинными ребятами по сравненію со своими талантливыми преемниками. Въ революціонномъ движеніи того времени мы не знаемъ ни одного „охранника - революціонера“ вродѣ Азефа, состоявшаго одновременно и въ центрѣ революціонной организаціи и въ

III Отдѣленіи. Въ лучшемъ случаѣ о внутреннихъ дѣлахъ III Отдѣленіе узнавало или отъ струсившаго революціонера, донесшаго на своихъ товарищей, или отъ доведеннаго какими-либо способами до „раскаянія“ и дававшаго слишкомъ „откровенныя и чистосердечныя“ показанія. Только въ концѣ 70-хъ годовъ появляются фигуры вродѣ Никонова, Тавлеева, Рейнштейна, Шкрябы и тому подобныхъ предшественниковъ „секретныхъ сотрудниковъ“ въ современномъ смыслѣ этого слова.

Агентъ 60-хъ годовъ, по большей части,—мелкій человѣкъ, зачастую неудачникъ, униженно выклянчивающій отъ своего начальства нѣсколько рублей въ счетъ будущаго жалованья, часто авантюристъ, заявляющій о своемъ желаніи послужить „царю и отечеству“. Кучеръ, лакей, дворникъ, мелкій служащій въ типографіи, гдѣ печатается оппозиціонный журналъ, мелкій сотрудникъ газеты, выгнанный за какія-нибудь провинности студентъ, выдающій себя за жертву политической репрессіи—вотъ, по большей части, тѣ секретные сотрудники, донесеніями которыхъ пользовалось III Отдѣленіе. Съ другой стороны, такими освѣдомителями были „люди изъ общества“, вращавшіеся въ свѣтскихъ гостиныхъ, вродѣ камеръ-юнкера Кашинцева, московскаго секретнаго сотрудника 40-хъ годовъ.

Чтобы не быть голословнымъ, можно привести нѣкоторыя бытовыя данныя, сохранившіяся въ секретномъ архивѣ III Отдѣленія, объ одномъ изъ агентовъ, очень хорошо рисующія тотъ сортъ „вѣрныхъ людей“, которыхъ лелѣяло III Отдѣленіе. Это тѣмъ болѣе умѣстно, что этотъ же самый агентъ является авторомъ одного изъ печатаемыхъ ниже донесеній о П. Л. Лавровѣ.

Этотъ агентъ—бывшій студентъ Петербургскаго университета, мелкій газетный сотрудникъ, переводчикъ журнала „Семейные Вечера“—Семенъ Волокитинъ. 14 декабря 1863 г. онъ пишетъ чиновнику III Отдѣленія Александру Францевичу Шульцу, своему начальнику, униженное письмо, въ которомъ, жалуясь на свое стѣсненное положеніе, проситъ выдать ему нѣсколько рублей въ счетъ январьскаго жалованья. А въ № 282 отъ 19 декабря того же года въ „СПбургскихъ Вѣдомостяхъ“ было напечатано „письмо въ редакцію“ отставного ротмистра Вермана, который разсказываетъ трогательную исторію нѣкоего „кандидата естественныхъ наукъ“, просившаго милостыню на Невскомъ проспектѣ: по его словамъ, онъ нѣсколько дней ничего не ѣлъ, былъ боленъ, израсходилъ все для пропитанія жены и ребенка и что, въ довершеніе всего, его гонятъ за неуплату денегъ съ квартиры. Въ заключеніе Верманъ взываетъ къ сострадательнымъ людямъ, съ просьбою помочь несчастному „кандидату“, вынужденному просить милостыню. Письмо въ редакцію надѣлало больше шуму, чѣмъ ожидалъ самъ „кандидатъ“, оказавшійся тѣмъ же Семеномъ Волокитинымъ. По крайней мѣрѣ, для того, чтобы вывернуться изъ непріятнаго положенія, Волокитинъ пишетъ письмо тому же Шульцу о томъ, что „замѣтка надѣлала шуму въ редакціяхъ, и всѣ приглашаютъ меня“. „Разумѣется,—съ наглостью утверждаетъ онъ,—у меня на первомъ планѣ стоитъ при принятіи этихъ предложеній та польза, которую я могу извлечь для Отдѣленія, поддерживая жизнь меня въ трудныя минуты жизни“!.

Возможно, что III Отдѣленіе и пошло бы для „пользы дѣла“ на подобную комбинацію,—будь все шито и крыто. Но, къ сожалѣнію, изобрѣтательному агенту не долго пришлось покрасоваться въ этой

„благородной позиціи". 29 декабря того-же 1863 года въ тѣхъ-же „СПбургскихъ Вѣдомостяхъ" появилась другая замѣтка, написанная со словъ владѣльца того дома, въ которомъ жилъ Волокитинъ. Въ ней указывалось на лживость сообщенныхъ свѣдѣній: что Волокитинъ не кандидатъ, а студентъ, исключенный изъ университета, что онъ холостъ, за послѣднее время пользуется прекраснымъ здоровьемъ, и что, наконецъ, причиною его выселенія была вовсе не неуплата денегъ, а принадлежность его къ „лицамъ, имѣющимъ тонкій слухъ", и его позднее возвращеніе домой. „Можетъ быть, Волокитинъ и достойный человѣкъ, заключаетъ свои замѣчанія домовладѣлецъ, только *спи онъ*, какъ слѣдуетъ". Волокитинъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ написать новое письмо своему начальству, въ которомъ жалуется на своего хозяина, распускающаго про него такіе слухи и дѣлающаго „оскорбительные для его чести намеки" (*спи онъ—шпіонъ*), которые могутъ повредить ему въ глазахъ начальства и знакомыхъ; затѣмъ Волокитинъ, намекая на неблагонадежность своего недоброжелателя, проситъ защиты у III Отдѣленія". Но начальство не пришло на помощь. Какъ и впослѣдствіи для Департамента Полиціи, такъ и для III Отдѣленія, глупый сотрудникъ, неосторожными своими поступками обнаружившій свою близость къ „почтенному" учрежденію, былъ уже болѣе не нуженъ, и въ дальнѣйшихъ донесеніяхъ фамиліи Волокитина уже болѣе не встрѣчается.

Вотъ одинъ изъ представителей тѣхъ „вѣрныхъ людей", которыми хвастался извѣстный въ 1860-хъ г.г. сенаторъ Ждановъ: „мы, слава Богу, обзавелись вѣрными людьми, теперь наша полиція не уступитъ наполеоновской: у насъ и въ вагонахъ по желѣзной дорогѣ, и заграницей есть свои люди. Вотъ Чернышевскій, хоть умный канальи и язвительно смѣется, а запрятали. Мы вотъ тоже окружили глазами и ушами Антоновича съ Елисеевымъ, не отвертятся!". (Матеріалы для исторіи революц. движенія въ Россіи въ 60-хъ гг. подъ ред. Богучарскаго. СПБ, 1907, с. 145). Однако, людямъ, подобнымъ Волокитину, далеко было до агентовъ наполеоновской полиціи.

Такъ патріархально поставлено было дѣло въ началѣ нашего революціоннаго движенія. Правда, и „работать" агенту было тогда легче: вѣдь революціонеры „на зарѣ своей юности" были людьми болѣе довѣрчивыми, неосторожными, не искусившимися еще въ конспираціи—но, несмотря на это, многое осталось неизвѣстнымъ III Отдѣленію. Необычной патріархальностью и, я-бы сказалъ, наивностью вѣетъ отъ донесеній агентовъ, находившихся обыкновенно въ мѣстахъ, наиболѣе посѣщаемыхъ публикою: на общественныхъ гуляніяхъ, въ ресторанахъ и кафе, на вечерахъ, концертахъ, танц-классахъ и т. п. Докладываютъ они о какой-нибудь дракѣ среди кутящихъ, объ острыхъ словечкахъ, ходящихъ анекдотахъ, скандалахъ, сообщаютъ фантастическіе слухи по поводу политическихъ событій, слухи, распространяемые досужими людьми, далеко стоящими отъ политики, но любящими „пофилософствовать" на политическія темы. Донесенія агентовъ часто ограничиваются передачею разговоровъ, сплетенъ изъ вторыхъ рукъ; нерѣдко они нанимаютъ комнату рядомъ съ намѣченной жертвой или поступаютъ къ ней въ услуженіе въ качествѣ лакея, подслушиваютъ у двери, „случайно" входятъ въ комнату, черпаютъ свои свѣдѣнія изъ забытаго на столѣ письма, оставленной книги и т. п.

Но на первомъ мѣстѣ все-таки—слухи. Одинъ агентъ и озаглавливаетъ свои донесенія—„городскіе слухи и толки“. „Говорятъ“, „по городу ходятъ толки“, „нашъ агентъ слышалъ“, “разсказываютъ“ —вотъ обычныя начала этихъ донесеній. Поэтому—не случайнымъ оказалось отмѣченное ниже совпаденіе агентурнаго донесенія объ участіи Лаврова въ „Обществѣ женскаго труда“ (стр. —) съ записью въ дневникѣ о томъ же фактѣ профессора и академика А. В. Никитенко. Сходство оказывается даже въ деталяхъ--оба они, конечно, почерпнули свѣдѣнія изъ ходившихъ по городу слуховъ.

Это обстоятельство кладетъ соотвѣтствующій отпечатокъ на всѣ агентурныя донесенія, дѣлаетъ ихъ очень интересными въ бытовомъ отношеніи, позволяетъ судить о томъ, какъ преломлялись событія въ головахъ самыхъ разнообразныхъ обыкновенныхъ людей, но лишаетъ ихъ всякой дѣловитости и заставляетъ очень осторожно относиться къ сообщаемымъ фактамъ. При большомъ невѣжествѣ агентовъ и „невинности“ ихъ въ политическомъ отношеніи вполнѣ понятно, что ихъ донесенія сообщаютъ факты въ преувеличенномъ видѣ. Конечно, это общая участь всякаго агентурнаго донесенія: все-таки, въ большинствѣ случаевъ, агентъ получалъ свѣдѣнія въ нестройномъ, обрывочномъ видѣ. Имъ нужно дать сводку, уяснить связь между ними, подставить недостающія звенья. И совершаетъ ли агентъ такую сводку, безсознательно приводя свои свѣдѣнія въ порядокъ, или сознательно дѣлая изъ нихъ выводы,—всегда остается слишкомъ много мѣста для его фантазіи, что, конечно, отражается на самомъ донесеніи. А потомъ,—вѣдь слухъ провѣрить нельзя, и въ личныхъ интересахъ агента сдѣлать его болѣе вѣскимъ, значительнымъ, цѣннымъ, однимъ словомъ, придать слуху характеръ факта.

Только съ такой точки зрѣнія и являются цѣнными, по моему мнѣнію, печатаемыя ниже агентурныя донесенія о П. Л. Лавровѣ. Конечно, и они сообщаютъ факты, но цѣнность ихъ скорѣе не въ этихъ фактахъ, а въ передачѣ того, что именно обращало вниманіе въ дѣятельности Лаврова въ 60-хъ гг., какіе слухи о немъ ходили въ это время. А слуховъ было много.

Не принимая участія въ революціонномъ движеніи, а вращаясь, преимущественно, въ оппозиціонныхъ кругахъ, Лавровъ, стоя, такъ сказать, на виду, вызывалъ специфическій интересъ къ себѣ со стороны III Отдѣленія. Но онъ естественно не могъ дать агентамъ III Отдѣленія какихъ-либо уличающихъ его данныхъ, такъ какъ стоялъ далеко отъ революціонныхъ группъ. Тѣмъ не менѣе, именно это отсутствіе строго опредѣленныхъ данныхъ, въ связи съ тою популярностью, которою Лавровъ пользовался въ литературныхъ и оппозиціонныхъ кругахъ, и давало III Отдѣленію увѣренность, что Лавровъ—человѣкъ крайне опасный, благодаря своему вліянію на офицеровъ и молодежь, и что онъ тѣмъ болѣе опасенъ, что необыкновенно ловко скрываетъ свою близость къ революціонерамъ и участіе свое въ ихъ дѣлахъ. Поэтому, вполнѣ естественно, что въ апрѣлѣ 1866 г., когда происходила грандіозная чистка Петербурга, послѣ Каракозовскаго покушенія, отъ всѣхъ революціонныхъ и неблагонадежныхъ элементовъ, арестъ Лаврова сталъ на очереди, и имѣвшіяся агентурныя свѣдѣнія, сведенныя въ печатаемой ниже „справкѣ о полковникѣ Лавровѣ“, и послужили причиною привлеченія его къ отвѣтственности.

Возникшее въ 1866 г. дѣло Лаврова имѣетъ много общаго съ процессомъ Н. Г. Чернышевскаго. Въ нихъ нѣтъ совершенно, если не

считать извѣстнаго костомаровскаго подлога въ процессѣ Чернышевскаго, какихъ-либо юридическихъ уликъ. При обыскахъ у обоихъ не было найдено ничего особенно важнаго. Старыя стихотворенія Лаврова, написанныя имъ лѣтъ десять тому назадъ, ходившія по рукамъ стихотворенія на политическія темы, непропущенныя цензурою статьи самого Лаврова, замѣтки и наброски, квалифицированные Комиссіею, какъ произведенія „самаго крайняго направленія, дерзко отзывавшіяся о существующемъ въ Россіи образѣ правленія“, да еще участіе въ легальной, но офиціально не разрѣшенной правительствомъ издательской артели—вотъ каковы были доказательства причастности Лаврова къ революціонному движенію. Да они и не были важны для судей. Прочитывая судебное дѣло о Лавровѣ, чувствуешь, что всѣ эти доказательства для суда не важны: вопросы ставились формально, участь подсудимаго уже была предрѣшена заранѣе, судили его не на основаніи доказанныхъ фактовъ, а на основаніи чего-то другого, болѣе важнаго, невидимо присутствующаго на судѣ. Объ этомъ говоритъ и самъ П. Л. Лавровъ въ печатаемомъ выше письмѣ къ сыну (стр. 25). И, конечно, не статьи „крайняго направленія, дерзко отзывающіяся“ и т. д., и не участіе въ издательской артели, а именно эти-то донесенія „вѣрныхъ людей“, „глазъ и ушей“ III Отдѣленія и были причиною, что Лавровъ не „отвертѣлся“, что его „запрятали“, несмотря на отсутствіе настоящихъ уликъ.

Лавровъ, какъ и Чернышевскій, въ одинаковой степени расплатились за свою популярность, за свою дѣятельность, за свое вліяніе на молодежь, за то, что они оба дѣйствовали на виду, но въ вполнѣ легальныхъ рамкахъ, за которыя никакъ нельзя было привлечь къ суду. Впослѣдствіи правительство нашло выходъ изъ таковыхъ затруднительныхъ положеній и, не доводя дѣла до суда, и не компрометируя себя, широко примѣняло административную высылку ко всѣмъ литературнымъ и общественнымъ дѣятелямъ, которые казались ему вредными для общественнаго спокойствія.

Алексѣй Шиловъ.

Петроградъ.
іюль, 1921 г.

———

I.

2 октября 1861 г.

Артиллеріи [1]) полковникъ и профессоръ Лавровъ просилъ офицеровъ Артиллерійской Академіи, чтобы они не писали адреса университетскимъ студентамъ, потому что его имя такъ тѣсно связано съ Академіею, что ему пришлось бы первымъ подписать этотъ адресъ, а генералъ Путята [2]) объявилъ ему, что въ случаѣ, если онъ еще разъ будетъ замѣченъ въ явномъ изъявленіи своего сочувствія студентскому дѣлу [3]), то его уничтутъ, что могло бы быть весьма гибельно для многочисленнаго его семейства [4]).

II.

4 октября 1861 г.

Говорятъ [5]) что идетъ подписка денежная на тотъ предметъ, чтобы возвратить внесенныя деньги студентамъ, которые откажутся принять матрикулы, а отъ казны денегъ этихъ принимать не желаютъ [6]). До

---

[1]) Агентурныя донесенія отъ 2 октября 1861 г.—№ 135 за 1861 г.

[2]) Генералъ-адъютантъ Дмитрій Вас. Путята (1806—1869), начальникъ штаба его имп. высоч., главнаго начальника военныхъ учебныхъ заведеній; П. Л. Лавровъ былъ ему подчиненъ, какъ профессоръ Артиллерійской Академіи. О Д. В. Путятѣ см. біографическую замѣтку въ „Русскомъ Біографич. Словарѣ"— (томъ: Притвицъ—Рейсъ). Спб., 1910.

[3]) О близкомъ участіи, принимаемомъ П. Л. Лавровымъ въ студенческомъ движеніи 1861 г., см. ниже „справку о полковникѣ Лавровѣ", гдѣ говорится, что Лавровъ за столкновеніе съ полиціей при разгонѣ студенческой демонстраціи и „за присутствіе на студенческой сходкѣ подвергся замѣчанію со стороны своего начальства". О служебномъ выговорѣ Лаврову разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. Г. фонъ-Бооль („Русск. Стар." 1904, № 8, стр. 299).

[4]) Едва-ли приводимыя агентурныя свѣдѣнія соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Сообщаемый фактъ не вяжется съ общимъ характеромъ дѣятельности П. Л. Лаврова въ это время, да и въ приводимыхъ ниже справкѣ и донесеніи говорится, что Лавровъ принималъ главное участіе въ подпискѣ, составляемой въ пользу студентовъ, отказавшихся принять матрикулы.—Семейство П. Л. Лаврова состояло въ 1861 г.: изъ жены его—Антонины Христіановны (ур. Капгеръ) († 1865), двухъ сыновей: Михаила (р. 1849) и Сергѣя (р. 1855) и двухъ дочерей: Елизаветы (1849—1861) и Маріи (замужемъ—Негрескулъ) (1851—1919); кромѣ того, съ П. Л. Лавровымъ жила его мать—Елизавета Карловна.

[5]) Свѣдѣнія извлечены изъ донесенія отъ 4 октября 1861 г. ген.-адъют. Ал-дра Владим. Паткуля, бывшаго въ 1860—1862 гг. петербургскимъ полиціймейстеромъ. (Агентурныя свѣдѣнія № 111—1861 г.).

[6]) Распоряженія министерства народнаго просвѣщенія, обнародованныя въ маѣ 1861 г., относительно внутренняго устройства университетской жизни (запрещеніе сходокъ, введеніе матрикулъ, надзоръ въ университетѣ, вмѣшательство въ распредѣленіе стипендій и т. п.), вызвали единодушный протестъ, какъ профессоровъ, такъ и студенчества, и послужили поводомъ къ студенческимъ волненіямъ сент.—окт. 1861 г. Начавшіяся 18 сент. 1861 г. лекціи, вслѣдствіе сходокъ,

сихъ поръ собрано около 3000 р.,—а именно, лиценсты подписались на 400 р. и литераторы на 2500 р. Деньги эти собираетъ Лавровъ—должно быть, артиллерійскій полковникъ—профессоръ въ Артиллерійской академіи. Дальнѣйшую подписку принялъ на себя профессоръ Спасовичъ.—Бывшій профессоръ Казанскаго университета Щаповъ (который былъ лѣтомъ арестованъ) принимаетъ въ этомъ дѣлѣ большее участіе. Спасовичъ [1]) написалъ адресъ Государю, и его хотятъ принять. Адресъ Стасова [2]) забракованъ.

Въ Сенатѣ до 200 чиновниковъ подписались, сами не знаютъ, что подписали, потому что адресъ окончательно еще не утвержденъ.

III.

11 декабря 1861 г.

При [3]) посѣщеніи вчера вечеромъ (10-го декабря), даннаго въ залѣ Первой Гимназіи нѣкоторыми изъ здѣшнихъ литераторовъ: «Литературнаго вечера въ пользу бѣдныхъ учащихся» [*])—найдено, что небольшая и тѣсная эта зала была наполнена публикою.—Въ первыхъ мѣстахъ было и нѣсколько военныхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ,—прочіе состояли изъ многихъ молодыхъ офицеровъ,—разныхъ вѣдомствъ, по большей части изъ военныхъ Академій;—много было студентовъ университетскихъ и медицинскихъ,—изъ первыхъ нѣкоторые были въ мундирахъ, а прочіе въ партикулярной одеждѣ,—и судя

были прекращены впредь до раздачи матрикулъ; 2 окт., послѣ извѣстнаго шествія на Колокольную улицу, уволены всѣ студенты, не принявшіе матрикулъ, а 15 окт. послѣдовало новое распоряженіе о высылкѣ изъ Петербурга всѣхъ иногороднихъ студентовъ и вольнослушателей, не взявшихъ матрикулъ.

[1]) Въ концѣ 1859—нач. 1860 гг. русское общество пыталось использовать предоставленное въ основныхъ законахъ право подачи на высоч. имя петицій или адресовъ, съ цѣлью „открыть глаза" Александру II на настоящее положеніе вещ., скрываемое, якобы, отъ него бюрократіей. В. В. Берви—Флеровскій въ своихъ воспоминаніяхъ („Три политич. системы. Лонд., стр. 116—перепеч. в „Гол. Мин." 1915. № 4, стр. 169) говоритъ даже о собраніи, желавшемъ „организовать движеніе съ цѣлью петиціонировать противъ образа дѣйствій правительства». На одно изъ такихъ собраній привелъ В. В. Берви—П. Л. Лавровъ. Кромѣ различныхъ конституціонныхъ адресовъ, извѣстны также петиціи по поводу ареста М. Л. Михайлова, студенческихъ волненій 1861 г. и др.: о послѣднихъ говорятъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. В. Берви-Флеровскій („Гол. Мин." 1915, № 4, с. 157 и сл.) и А. К. Арсеньевъ („Гол. Мин." 1913, № 1, с. 161—165. Изъ далекихъ воспоминаній).

[2]) Агентурныя свѣдѣнія не совсѣмъ вѣрны. Насколько извѣстно изъ воспоминаній—Вл. Дм. Спасовичъ не составлялъ адреса, и адресъ оберъ-секретаря 2 департ. Сената Дм. Вас. Стасова забракованъ не былъ; именно его и подписали „въ Сенатѣ до двухсотъ чиновниковъ". О Стасовѣ, кромѣ указанныхъ воспоминаній В. В. Берви и А. К. Арсеньева, см. еще А. И. Герценъ, Полное собраніе сочиненій, подъ редакціей М. К. Лемке, т. XI, с. 312—313 (Извлеченіе дѣла о немъ III Отдѣленія).

[3]) Агентурное донесеніе отъ 11 декабря 1861 г.—№ 575 за 1861 г.; къ нему приложена и печатная афиша.

[*]) Примѣчаніе агента. Хотя ни на билетахъ, ни въ представленной при семъ программѣ, не сказано, однакожъ въ пользу какихъ именно учащихся, чего и въ самой гимназіи нельзя было узнать,—то нѣкоторые изъ посѣтителей остались того мнѣнія, что здѣсь этими учащимися участвовавшіеся въ семъ вечерѣ литераторы, безъ сомнѣнія, между собой разумѣютъ студентовъ.—(По всей вѣроятности, вечеръ былъ въ пользу студентовъ Петерб. ун-та, пострадавшихъ въ студенческихъ безпорядкахъ 1861 г.—П. Л. Лавровъ былъ членомъ комитета по оказанію помощи арестованнымъ студентамъ.—*А. Ш—въ*).

по разговорамъ между собою, брали (!) большое участіе въ этомъ вечерѣ.— Остальная часть публики состояла изъ разныхъ статскихъ лицъ, а также изъ значительнаго числа дамъ.—Полагали, что всего было тамъ до шестисотъ человѣкъ.

Исключая энтузіастическихъ апплодисментовъ и вызововъ каждаго изъ говорившихъ литераторовъ,—все прошло чинно, и разошлись спокойно. Наиболѣе обратили на себя вниманіе и одобреніе публики читанный военнымъ штабъ-офицеромъ *) Лавровымъ философическій взглядъ на жизнь „Деламбера“,—и онъ былъ вызванъ съ шумомъ,—равно и Майкова стихотвореніе, намекающее на свѣтлую зарю, которую Россія ожидаетъ отъ свободы крестьянъ. — Майковъ не только былъ вызванъ два раза, но и долженъ былъ непремѣнно повторить свои стихи [1]).—Только Семевскій **) путевыя записки, въ коихъ онъ почему-то прицлелъ много анекдотовъ и приказовъ смѣшныхъ и, можно сказать, даже глупыхъ, изъ жизни и службы покойнаго генерала Скобелева [2]),—хотя и были слушателями приняты съ удовольствіемъ, большимъ смѣхомъ и рукоплесканіями,—но при всемъ томъ заставили нѣкоторыхъ благоразумныхъ людей между собою говорить и удивляться, что цензоръ Бекетовъ, дозволившій напечатать программу всѣхъ этихъ сочиненій, а потому и читавшій оныя,—дозволилъ такого заслуженнаго генерала выставить предъ публикою въ весьма и весьма смѣшномъ видѣ,—въ отношеніи даже служебныхъ его военныхъ обязанностей.

Литературный Вечеръ
въ залѣ Первой Гимназіи.
Воскресенье, 10 декабря 1861 г.
(Въ пользу бѣдныхъ учащихся).

I. Отдѣленіе.

С. В. Максимовъ . . . . „Колодники въ дорогѣ“.
Я. П. Полонскій . . . . „Стихотвореніе“.
П. Л. Лавровъ . . . . . „Деламберъ“.
А. Н. Майковъ . . . . . „Стихотвореніе“.

*) Примѣчаніе агента. Артиллерійскій полковникъ.

[1]) Извѣстное стихотвореніе Ап. Ник. Майкова „Картинка“ (Послѣ манифеста 19 февр. 1861 г.) („Посмотри, въ избѣ, мерцая, свѣтитъ огонекъ“. (Полное собраніе сочиненій, Спб., 1914 г., т. II, с. 144—145).

**) Примѣчаніе агента. Братъ артиллериста Семевскаго, который былъ подъ судомъ. (Агентъ ошибся: 2 октября 1861 г. при разгонѣ вооруженною силой студенческой демонстраціи были арестованы поручики лейбъ-гвардіи конной артиллеріи, состоявшіе при Петербургскомъ Арсеналѣ—Энгельгардтъ и Семеновскій, 7 октября преданные военному суду.— А. Ш—въ).

[2]) Иванъ Никитичъ Скобелевъ, генералъ, военный писатель (1778—1849). О немъ есть статья Мих. Ив. Семевскаго, историка, издателя „Русской Старины“, которую онъ, вѣроятно, и читалъ на вечерѣ. Статья напечатана въ „Русской Рѣчи“ 1861. № 95—99; болѣе полная біографія оригинальнаго генерала Скобелева составлена П. А. Кубасовымъ («Рус. Стар.» 1900, № 2—3).

II. Отдѣленіе.

М. И. Семевскій	Изъ „Путевыхъ Записокъ".
В. И. Водовозовъ	Изъ поэмы Гейне „Германія".
Н. И. Горбуновъ	„Лѣсъ", разсказъ.
В. С. Курочкинъ	Стихотвореніе „Сплетникъ".

Начало въ 7 часовъ вечера.

Билеты можно получать въ книжныхъ магазинахъ Вольфа и Кожанчикова и въ зданіи Первой Гимназіи у швейцара, отъ 9—2 часовъ пополудни.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 8 декабря 1861 года

Цензоръ В. Бекетовъ.

Печатать позволяется. 8 декабря 1861 года. Генералъ-Адъютантъ

Паткуль.

IV.

11 января 1862 г.

9 и 10 [1]) января, въ числѣ 23-хъ посѣтителей, бывшихъ у Чернышевскаго, замѣчены Рычковъ, Боковъ, Ососовъ, офицеръ Панаевъ, какой-то Петровскій и студентъ Совѣтовъ.

Вчера вечеромъ, въ 8 часовъ, пришли къ нему какой-то военный, совершенно закутанный въ шубѣ, и одинъ статскій, худощавый, съ свѣтлорусыми усами. Пробывъ у него до ½ 10-го, они, вмѣстѣ съ нимъ, поѣхали на одномъ извощикѣ въ Шахматный клубъ, коего вчера было открытіе *), у Полицейскаго моста, въ домѣ Елисеева, по канавѣ. Тамъ собралось вчера человѣкъ до 100, почти исключительно литераторы, ибо по прочтеніи наскоро именъ записавшихся у швейцара въ книгѣ встрѣтились слѣдующіе: графъ Кушелевъ-Безбородко, Вернадскій, Лавровъ, Краевскій, Панаевъ, Некрасовъ, оба Курочкина, Степановъ, Толбинъ, Крестовскій, Писаревъ, Писемскій, Благосвѣтловъ, Чернышевскій, Апухтинъ, Рычковъ и Утинъ.

Изъ нихъ, говорятъ, первые трое, т. е. гр. Кушелевъ-Безбородко [2]) Вернадскій [3]), издатель „Экономическаго Указателя", и артиллеріи полковникъ Лавровъ, профессоръ Мих. Арт. академіи, избраны директорами.—Сдѣлано распоряженіе, чтобы одинъ из нашихъ агентовъ В.**), записался въ Шахматный клубъ членомъ [4]).

[1]) Агентурныя донесенія отъ 11 января 1862 г. № 48 (1862 г.).

*) На поляхъ карандашная помѣта: „съ этимъ клубомъ надобно познакомиться поближе".

[2]) Кушелевъ-Безбородко, графъ Григорій Александровичъ (20 янв. 1832—7 мая 1870), извѣстенъ своей благотворительностью, литературный „меценатъ" 1860-хъ гг., основатель „Русскаго Слова" и „Шахматнаго Листка".

[3]) Вернадскій, Иванъ Васильевичъ (1821—1884), экономистъ, профессоръ Кіевскаго и Московскаго университетовъ. „Экономическій Указатель", въ которомъ Вернадскій велъ полемику съ Чернышевскимъ по вопросу объ общинномъ землевладѣніи, выходилъ подъ разными названіями („Указатель политико-экономическій", „Указатель экономическій, политическій и промышленный", „Экономистъ") въ Петербургѣ съ 1857 г. по 1865 г.

**) На поляхъ карандашная помѣта: „Вельяшевъ, кромѣ того?".

[4]) „Шахматный клубъ" („Шахъ-клубъ") просуществовалъ съ января по іюнь 1862 г. Л. Ф. Пантелеевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ прошлаго" (Спб., 1905, с. 223—224) называетъ его просто литературнымъ клубомъ. Съ другой

V.

20 апрѣля 1863 г.

Въ [1]) настоящее время учреждено особенно строгое наблюденіе за полковникомъ П. Л. Лавровымъ, который сильно подозрѣвается въ революціонныхъ происках. О послѣдствіяхъ будетъ донесено [2]).

стороны, агенты III Отдѣленія рисуютъ его чуть ли не гнѣздомъ, изъ котораго исходили всѣ революціонные замыслы нач. 1860-хъ гг. Въ спеціальной запискѣ о Шахматномъ клубѣ, представленной Спб. [illegible] И. В. Анненкову агентомъ III Отдѣленія, бывшимъ студентомъ Технологическаго института Волгинымъ (напечатана въ „Полномъ собраніи сочиненій А. И. Герцена" подъ ред. М. К. Лемке, т. XV, с. 308—325; о донесеніяхъ Волгина см. тамъ же, т. XVI, с. 165 сл.), сообщается, что мысль объ учрежденіи Шахматнаго клуба принадлежитъ Герцену, отъ котораго покойный Добролюбовъ получилъ ее во время своего заграничнаго путешествія, что клубъ былъ основанъ крайней революціонной партіей, отдѣлившейся отъ группы „великоруссовъ" вслѣдствіе ихъ медлительности, что изъ Шахматнаго клуба, по проекту Чернышевскаго, вышла революціонная пропаганда въ [illegible] школахъ и т. [illegible]. Конечно, Шахматный клубъ не былъ такимъ [illegible] учрежденіемъ, какимъ его рисуетъ Пантелеевъ, какъ не былъ также, согласно донесеніямъ Волгина, гнѣздомъ революціонныхъ [illegible]. По всей вѣроятности, онъ былъ своеобразнымъ сборнымъ пунктомъ, гдѣ могли встрѣчаться и обмѣниваться литературными и политическими новостями литераторы, имѣвшіе то или другое отношеніе къ общественной жизни нач. 1860-хъ гг. Такъ, напримѣръ, Н. Г. Помяловскій, по свидѣтельству Н. А. Благовѣщенскаго, в Шахматномъ клубѣ „проповѣдывалъ [illegible] литературнаго труда..., и настаивалъ на томъ, чтобы организовать общество писателей-тружениковъ для изслѣдованія разныхъ сторонъ нашего общественнаго быта" (Полное собраніе сочиненій Н. Г. Помяловскаго, СПБ., 1897 г., с. XXXVIII). Несомнѣнно, что разговоры не ограничивались одними литературными темами: въ печатаемой ниже „справкѣ о полковникѣ Лавровѣ" говорится, что въ апрѣлѣ 1862 г. изъ Шахматнаго клуба вышелъ адресъ Александру II о необходимости даровать Россіи конституцію; къ сожалѣнію, текста этого адреса найти пока не удалось.

Шахматный клубъ просуществовалъ менѣе года и въ связи съ пропагандою въ воскресныхъ школахъ и петербургскими пожарами 1862 г. былъ закрытъ. Въ № 126 „Русскаго Инвалида" отъ 8 іюня 1862 г. было напечатано объявленіе, въ которомъ сообщалось, что „петербургскій военный генералъ-губернаторъ, считая своею обязанностью принимать всѣ мѣры къ [illegible] состоянія умовъ и къ [illegible] между населеніемъ столицы не имѣющихъ [illegible] толковъ [illegible] находитъ необходимымъ закрыть, впредь до [illegible], Шахматный клубъ, въ которомъ происходить и [illegible]". („Государств. преступленія въ Россіи XIX в. Сборникъ, составленный подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго), Штудгардъ, 1903, т. I, с. 203.—русск. изданіе, т. I, с. 112). [illegible] П. Л. Лавровъ и Гр. З. Елисеевъ были [illegible] въ томъ, что члены не будутъ болѣе собираться въ квартирѣ, нанятой для общества. По поводу закрытія Шахматнаго клуба и нападокъ на него нѣкоего Павлова см. статью участника клуба, содержащую нѣкоторыя свѣдѣнія о клубѣ и помѣщенную въ „Сборникѣ статей, [illegible] цензурою въ 1862 г.". Спб., 1862, т. II, с. [illegible]—115.

[1]) Агентурное донесеніе отъ 20 апрѣля 1863 г.—№ 125 за 1863 г.

[2]) „Особенно строгое наблюденіе" за П. Л. Лавровымъ было установлено, вѣроятно, въ связи съ появленіемъ въ 1863 г. въ Петербургѣ революціонныхъ изданій общества „Земля и Воля", въ [illegible] которыхъ его подозрѣвали. Наблюденіе не дало, очевидно, какихъ-либо результатовъ, такъ какъ ни въ дальнѣйшихъ донесеніяхъ, ни въ [illegible] „справкѣ о полковникѣ Лавровѣ" никакихъ свѣдѣній о послѣдствіяхъ не имѣется.

VI.

4 мая 1863 г.

Одинъ [1]) изъ нашихъ агентовъ,*) [2]) встрѣтивъ на дняхъ въ кафе Пассажа Валерьяна Александровича Кремнина [3]) (редактора журнала „Разсвѣтъ“), живущаго въ Малой Дворянской улицѣ въ домѣ Бернова, имѣлъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

Кремнинъ. Не слыхали вы ничего о Рымаренко [4]). Вѣдь и вы замѣшаны въ ихъ дѣло!

Агентъ. Почти нѣтъ!

— Васъ вызывали въ Коммиссію?

— Да, какъ знакомаго Маркова [5]). Мои показанія ограничились тѣмъ, что я ничего не знаю, кромѣ того, что Гюбнеръ [6]) гулялъ со мной на Крестовскомъ.

— Гмъ; вначалѣ думали даже, что вы донесли на нихъ. Я говорю всегда прямо; но я и Лавровъ стояли за васъ.

— Да, теперь развита шпіономанія! Если не сидишь въ крѣпости ну и шпіонъ!

---

[1]) Агентурное донесеніе отъ 4 мая 1863 г.—№ 246 за 1863 г.

*) На поляхъ помѣта карандашемъ: „Волокитинъ“.

[2]) Слишкомъ непринужденная діалогическая форма донесенія агента, щеголяющаго передъ начальствомъ своею памятью и точностью, не внушаетъ довѣрія къ сообщаемымъ свѣдѣніямъ. Недовѣріе это усиливается, благодаря даннымъ, сообщеннымъ въ предисловіи (стр. —), о личности самого Волокитина. Его лживость, стремленіе использовать общественныя симпатіи къ студентамъ, беззастѣнчивость въ средствахъ рисуютъ фигуру „вѣрнаго человѣка“ III Отдѣленія слишкомъ въ непривлекательныхъ и не внушающихъ довѣрія краскахъ.

[3]) Кремнинъ Валеріанъ Александровичъ († 27 января 1889 г.), артиллерійскій офицеръ, былъ воспитателемъ въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ училищѣ,—отсюда его связь съ Лавровымъ, какъ профессоромъ того же училища. Въ 1859 г. Кремнинъ основалъ ежемѣсячный журналъ „Разсвѣтъ“ („Журналъ наукъ, искусствъ и литературы для взрослыхъ дѣвицъ“), просуществовавшій до 1862 г. Журналъ „Разсвѣтъ“, какъ показываетъ его подзаголовокъ, явился отголоскомъ прогрессивныхъ стремленій 60-хъ гг., имѣвшихъ цѣлью содѣйствовать развитію молодого женскаго поколѣнія. Въ немъ начали свою дѣятельность Д. И. Писаревъ и Н. К. Михайловскій.—Библіографію о В. А. Кремнинѣ и отзывы о его журналѣ—см. „Источники словаря рус. писателей и ученыхъ“ С. А. Венгерова, т. III.

[4]) Рымаренко Сергѣй (род. въ 1839), будучи студентомъ Харьковскаго университета, принималъ участіе въ студенческомъ тайномъ обществѣ, основанномъ въ 1855 г. Я. Н. Бекмановымъ, М. Д. Муравскимъ („Отецъ Митрофанъ“), П. С. Ефименко и др.; потомъ переселился въ Петербургъ, гдѣ поступилъ студентомъ въ Медико-Хирургическую Академію и принималъ участіе въ революціонной дѣятельности. Участіе его въ обществѣ „Земля и Воля“ (о чемъ говорятъ Л. Ф. Пантелеевъ, Изъ воспоминаній прошлаго, т. I, с. 254 и М. К. Лемке, примѣчанія къ XVI т. Сочиненій А. И. Герцена) осталось правительству неизвѣстнымъ. Рымаренко пользовался большой популярностью среди молодежи и былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Лавровымъ. Арестованъ онъ былъ въ 1862 г. въ связи съ дѣломъ о распространеніи революціонныхъ идей въ воскресныхъ школахъ; въ одной изъ нихъ (Самсоніевской) Рымаренко былъ руководителемъ. Кромѣ того, Рымаренко былъ обвиненъ въ заведеніи типографскаго станка съ цѣлью печатанія революціонныхъ воззваній. Въ настоящемъ агентурномъ донесеніи и подразумѣвается это дѣло.

[5]) Марковъ Павелъ, купецъ, бывшій одно время студентомъ Мед.-Хирургич. Академіи, содержатель типографіи, обвинялся въ томъ, что вмѣстѣ съ С. Рымаренко искалъ типографскій шрифтъ съ цѣлью печатать прокламаціи.

[6]) Гюбнеръ Юлій, студентъ Медико-Хирургической Академіи, привлекался вмѣстѣ съ С. Рымаренко и П. Марковымъ, но за недостаткомъ уликъ освобожденъ отъ наказанія.

— Да, но впрочемъ потомъ объяснилось, что ихъ выдалъ Вагнеръ[1]). Я не помню, кто доносилъ, Березинъ или Скопинъ, объ этомъ Лаврову. Вы не были тогда? (Слова эти не понятны, а потому надо думать, что Кремпинъ полагаетъ, что агентъ всецѣло принадлежитъ и принадлежалъ къ либеральной партіи и посему знаетъ весь ходъ дѣла и дѣятелей).

Тутъ агентъ разсказалъ ему, что у него недавно былъ полицейскій обыскъ по подозрѣнію, что онъ принадлежитъ къ существующему будто-бы обществу „полезныхъ смертей".

Кремпинъ. Ну, это пустяки! Что обыски! Надо дѣйствовать на чистоту; тутъ середины быть не можетъ. Вы знаете, сколько разъ я могъ попасться, и—ничего! Желалъ бы я, чтобы у меня сдѣлали обыскъ!

— Это зачѣмъ?

— Былъ-бы флигель-адъютантомъ! Я вѣдь не боюсь ничего!

— Да?

— Ничего, такъ же, какъ и Лавровъ и Евгеній [2]) (должно быть, Карновичъ): у насъ все на видъ легально; тайной Канцеляріи придраться не къ чему.

— Да, я думаю, Правительство и не можетъ подозрѣвать Лаврова—онъ лицо офиціальное.

— Ну тотъ, на него глядятъ, какъ на главу революціонной партіи. Конечно вы знаете, что онъ играетъ важную роль [3]), а все-таки не глава. Есть выше него—и не подозрѣваютъ.

Агентъ. Да, странно!

Кремпинъ. Жаль Рымаренко; онъ былъ дѣльный и полезный членъ. Не осторожны были, теперь другая система; мальчишество отбросили; а все-таки первый неосторожный шагъ повредилъ много.

— Конечно!

— Ну да колиція дѣлаетъ свое (вѣроятно, коалиція). Напрасно огласили комитетъ „полезныхъ смертей". Хотѣли шпіоновъ испугать. Ну, да онъ, какъ и партія пожаровъ, не открыты.

— Но воля ваша, партія пожаровъ—это воображеніе.

— Ну, нѣтъ; конечно, это или польская партія или дѣло правительства.

---

[1]) Вагнеръ, столяръ, которому С. Рымаренко и П. Марковъ заказали типографскій прессъ.

[2]) Карновичъ, Евгеній Петровичъ (28 окт. 1824—25 октября 1885), литераторъ, историкъ, постоянный сотрудникъ „Голоса", гдѣ онъ писалъ передовыя статьи по вопросамъ внутренней политики.—О немъ см. Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ рус. писателей, вып. V. и С. Венгеровъ. Источники словаря русск. писателей и ученыхъ, т. III.

[3]) Вопросъ о томъ, состоялъ ли П. Л. Лавровъ членомъ общ-ва „Земля и Воля", до сихъ поръ не выясненъ біографами его; не помогаетъ въ этомъ отношеніи и печатаемое агентурное донесеніе. Н. Русановъ въ своей книгѣ „Соціалисты Запада и Россіи". Спб., 1909. с. 222 безъ какихъ-либо доказательствъ категорически утверждаетъ, что въ 1862 г. Лавровъ былъ введенъ въ общество А. Н. Энгельгардомъ. Въ сообщеніяхъ этого петерб. полицеймейстера—Волгина утверждается тоже, что Лавровъ—одинъ изъ пяти членовъ петербургскаго областного комитета. Въ противоположность имъ А. А. Слѣпцовъ въ своихъ запискахъ (Сочиненія А. И. Герцена, подъ редакціей М. К. Лемке, т. XVI. ст. 74—75) пишетъ, что на предложеніе вступить въ общество Лавровъ, не становясь членомъ, просилъ оставить за нимъ право являться на совѣщанія общества, но не обязался принять на себя по обществу какихъ-либо обязанностей.

— Не думаю; да и комитетъ „полезныхъ смертей“ не одобряю.
— Мѣра необходимая!
— Но историческій ходъ дѣла важнѣе всего. Къ чему насиліе!
— Я не согласенъ. Толчекъ необходимъ,—конечно осторожный.

Затѣмъ агентъ не могъ запомнить всѣхъ фразъ, сказанныхъ Кремпинымъ, но онъ заключилъ, что люди, осужденные за политическія преступленія, не погибли: что скоро настанетъ судъ, и тогда они оживутъ; что Чернышевскій былъ червь, и червь могучій, давшій свободѣ ходъ съ неутомимостью.

Прощаясь съ агентомъ, который просилъ его, для вида, не говорить съ нимъ впредь о политикѣ, Кремпинъ сказалъ: повѣрьте, середина теперь невозможна; нужно каждому рѣшительно стать на ту или другую сторону.

VII.

18 Іюня 1864 г.

На дняхъ [1]) у А. С. Чужбинскаго [2]) (отвѣтственный редакторъ „Заграничнаго Вѣстника“ [3]) и редакторъ „Петербургскаго Листка“) проводили вечеръ нѣкоторые литераторы, въ томъ числѣ: Всев. Крестовскій [4]), Пыпинъ [5]) и Стебницкій [6]). Въ частной совершенно бесѣдѣ Чужбинскій разсказывалъ, что ему въ качествѣ отвѣтственнаго редактора „Заграничнаго Вѣстника“ приходится вести постоянную борьбу съ извѣстнымъ полковникомъ Лавровымъ, завѣдующимъ ученымъ отдѣломъ означеннаго журнала, потому что онъ дѣлаетъ до того либеральныя примѣчанія къ статьямъ, что ихъ никакая цензура не пропуститъ, и что такое соучастіе Лаврова въ журналѣ даетъ ему какое-то неопредѣленно-фанатическое направленіе [7]). За подобныя примѣчанія цензурою сдѣлано уже нѣсколько выговоровъ *).

[1]) Агентурное донесеніе 18 іюня 1864 г.—№ 198 за 1864 г.

[2]) Александръ Степановичъ Афанасьевъ (1817—6 сент. 1875), извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ „Афанасьева-Чужбинскаго“, этнографъ и беллетристъ, основатель и первый редакторъ газеты „Петербургскій Листокъ“.

[3]) „Заграничный Вѣстникъ“, ежемѣсячный журналъ иностранной литературы, науки и жизни, издавался въ 1864—1867 г.г. въ СПбургѣ М. О. Вольфомъ. П. Л. Лавровъ съ основанія до своего ареста въ 1866 г. былъ фактическимъ редакторомъ журнала: „мнѣ принадлежало завѣдываніе дѣлами „Заграничнаго Вѣстника“, и всѣ примѣчанія и предисловія отъ редакціи были писаны мною, точно такъ же и выборъ статей отъ меня зависѣлъ“—писалъ Лавровъ въ 1866 г. въ своихъ показаніяхъ Слѣдственной Коммиссіи.

[4]) Крестовскій Всеволодъ Владиміровичъ (1840—1895), беллетристъ, получившій въ 1860-хъ г.г. извѣстность, благодаря своему роману „Петербургскія Трущобы“.

[5]) Вѣроятно, Александръ Николаевичъ Пыпинъ, историкъ литературы, впослѣдствіи академикъ.

[6]) М. Стебницкій—псевдонимъ писателя Ник. Семен. Лѣскова.

[7]) О роли Афанасьева-Чужбинскаго въ качествѣ подставного редактора „Заграничнаго Вѣстника“ Е. А. Штакеншнейдеръ въ своемъ Дневникѣ („Гол. Мин.“ 1916, № 4, стр. 69) говоритъ, что онъ, „пользуясь гонораріемъ, имѣлъ тактъ не спорить ни въ чемъ съ Лавровымъ“, когда послѣднему запретили быть редакторомъ журнала. По ея словамъ, „Афанасьеву-Чужбинскому разъ въ мѣсяцъ показывали редактируемую имъ книгу послѣдней страницей, той, на которой онъ долженъ былъ подписывать свою фамилію“. Изъ агентурнаго донесенія видно, что дѣло не шло такъ гладко, какъ описываетъ Е. А. Штакеншнейдеръ.

*) На поляхъ карандашная помѣта: „Сообщено министру внутреннихъ дѣлъ 19 іюня“.

Тамъ же повторяли разсказъ какого-то сенатскаго чиновника объ объявленіи въ скоромъ времени приговора Серно Соловьевичу [1]) и утверждали о дѣйствительномъ назначеніи редакціею „Современника" г-жѣ Чернышевской заслуженнаго мужемъ ея содержанія по 1000 р. сер. въ годъ.

VIII.

23 октября 1864 г.

Денежныя [2]) обстоятельства артиллеріи полковника П. Л. Лаврова, разстроившись въ послѣднее время совершенно вслѣдствіе разныхъ неудачъ, вызванныхъ его либеральнымъ образомъ мыслей и дѣйствій, онъ нашелся (!) вынужденнымъ прибѣгнуть къ г. военному министру съ просьбою о дозволеніи ему читать публичныя лекціи собственно по математическимъ наукамъ и для офицеровъ академіи. Получивъ на это разрѣшеніе, Лавровъ будетъ читать сегодняшній день первую свою лекцію въ лабораторіи Михайловской Артиллерійской Академіи, куда, однако-жъ, посторонніе лица не будутъ имѣть доступа, ибо плату за лекціи предположено совершать изъ суммъ Академіи.

Всѣхъ лекцій будетъ 20, съ платою за каждую по 25 р. с., и кромѣ того будутъ еще три дополнительныя лекціи. Хотя предметъ, о которомъ полковникъ Лавровъ будетъ говорить—чисто математическій, но офицеры, собирающіеся слушать его, полагаютъ, что Лавровъ, по свойственной ему привычкѣ либеральничать, едва ли воздержится отъ какихъ либо рѣзкихъ намековъ и выраженій.

Говорятъ, или, лучше сказать, надѣются, что г. военный министръ [3]) удостоитъ первую лекцію Лаврова своимъ присутствіемъ.

---

26 октября 1864 г.

Долженствовавшая быть въ минувшую пятницу, 23 числа, первая лекція артиллеріи полковника Лаврова не состоялась, по случаю прекращенія прямого сообщенія съ Выборгскою стороною вслѣдствіе разведенія мостовъ [4]). Лавровъ предполагаетъ читать эту лекцію въ будущую пятницу, 30 октября.

---

2 ноября 1864 г.

Первая публичная лекція полковника Лаврова, собственно для офицеровъ-академистовъ, была въ минувшую пятницу въ лабораторіи Михайловскаго Артиллерійскаго училища [5]) Посѣтителей было чрез-

---

[1]) Ник. Ал-др. Серно-Соловьевичъ. († 9 янв. 1866), привлеченный по процессу 32-хъ о сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами. Публичное объявленіе приговора послѣдовало, однако, только почти черезъ годъ—2 іюня 1865 г.

[2]) Три агентурныхъ донесенія отъ 23, 26 октября и 2 ноября 1864 г.—№№ 308 и 319 за 1864 г.

[3]) Д. А. Милютинъ.

[4]) П. Л. Лавровъ жилъ въ собственномъ домѣ на Фурштадской улицѣ.—См. статью Н. Столпянскаго. П. Л. Лавровъ въ старомъ Петербургѣ.—„Впередъ!" Сборникъ статей, посвященныхъ памяти П. Л. Лаврова, подъ ред. П. Витязева. Изд-во „Колосъ". Петр., 1920 г.

[5]) Лекціи Лаврова были посвящены исторіи физико-математическихъ наукъ и были впослѣдствіи имъ напечатаны въ „Морскомъ Сборникѣ" и „Артиллерійскомъ Журналѣ" за 1865 и 1866 г.г. Печатаніе ихъ прекратилось въ связи съ арестомъ Лаврова. „Исторія физико-математическихъ наукъ"—самая крупная и выдающаяся работа Лаврова, которой онъ самъ придавалъ особое значеніе (см., напримѣръ, его письмо къ своему кузену Константину Николаевичу—„Голосъ Минувшаго" 1915 г., № 7—8, а также письмо къ А. А. Суворову—„Голосъ Мин.", 1915 г., № 12). *П. В—въ.*

вычайно много, но все обошлось безъ особенныхъ случаевъ. Полковникъ Лавровъ не позволилъ себѣ никакихъ либеральныхъ выходокъ, благодаря присутствію г. генералъ-адъютанта Баранцова [1]). Нахожденіе сего послѣдняго въ залѣ до конца лекціи удерживало и слушателей, состоявшихъ большею частію изъ его поклонниковъ, отъ всякихъ демонстрацій. Не будь генералъ-адъютанта Баранцова, говорили нѣкоторые офицеры, Лаврова приняли бы апплодисментами.

IX.

25 ноября 1864 г.

Послѣ [2]) передряги, бывшей въ Комитетѣ Грамотности, вслѣдствіе не принятаго предложенія полковника Кропотова и жалобы его Е. П. Ковалевскому [3]) (о чемъ въ свое время было донесено), тамъ нынѣ все успокоилось, и Комитетъ въ особенности занятъ теперь увеличеніемъ своихъ средствъ, коихъ у него до сихъ поръ весьма немного.

Комитетъ между прочимъ предполагаетъ устроить во время великаго поста отъ шести до двѣнадцати публичныхъ лекцій, съ платою за входъ отъ 50 коп. до 1 руб. за каждую лекцію. Изъявили согласіе читать лекціи: полковникъ Лавровъ, докторъ Равичъ [4]), химикъ Петрушевскій [5]), Паульсонъ [6]), Скарятинъ [7]) и Перетцъ [8]).

Программа двухъ лекцій Лаврова слѣдующая:

„Грамотность простолюдина. Насколько правы тѣ, которые увѣряють, что грамотность вредно дѣйствуетъ на нравы народа.

„Въ какомъ случаѣ человѣкъ образованнаго общества имѣетъ право назваться грамотнымъ? Что значитъ для него: умѣть понять прочитанное и умѣть только выразить свои мысли?

„Грамотный и безграмотный литераторъ. Грамотный и безграмотный ученый".

---

[1]) Баранцовъ, графъ Александръ Алексѣевичъ (1810—27 сент. 1883), генералъ-адъютантъ, начальникъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія.

[2]) Агентурное донесеніе отъ 25 ноября 1864 г. — № 35[illegible], за 1864 г.

[3]) Инцидентъ, о которомъ упоминаетъ донесеніе, имѣлъ мѣсто въ концѣ окт. 1864 г. и состоялъ въ слѣдующемъ: Секретарь бюро Комитета Грамотности Дмитр. Андреев. Кропотовъ (род. около 1820 † 4 ноября 1875), редакторъ журнала „Чтеніе для солдатъ", привлекавшійся въ 1849 г. по дѣлу Петрашевскаго, при обсужденіи вопроса о составѣ педагогическаго совѣта въ сельскихъ школахъ (Протопоповъ, Исторія С.-Петерб. Комитета Грамотности. Спб., 1898, стр. 267) внесъ предложеніе, чтобы таковой состоялъ „изъ помѣщика, священника, [illegible] и учителя". Комитетъ отнесся къ этому предложенію отрицательно. Кропотовъ обратился тогда съ жалобой на бюро Комитета къ Евгр. Петр. Ковалевскому (1790—1867), президенту Вольно-Экономич. Общества, въ вѣдѣніи котораго состоялъ Комитетъ Грамотности. Возмущенные такимъ поступкомъ, члены бюро Комитета, въ свою очередь, потребовали, чтобы Кропотовъ отказался отъ секретарства.

[4]) Можетъ быть, Іосифъ Венедиктовичъ Равичъ (1822—1875), проф. Медико-Хирургической Академіи, зоотехникъ.

[5]) Петрушевскій, Өедоръ Өомичъ (1828—1900), проф. Петербургскаго ун-та, физикъ.

[6]) Паульсонъ, Іосифъ Ивановичъ (1825—1898), педагогъ-практикъ, составитель „Книги для чтенія", основатель журн. „Учитель".

[7]) Скарятинъ, Владиміръ Дмитріевичъ, умѣренно-либеральный, а впослѣдствіи консервативный публицистъ, издатель-редакторъ газеты „Вѣсть" (1863—1870). О немъ см. замѣтку Л. Ф. Пантелеева, „Минувш. Годы" 1908, № 12, стр. 81—83.

[8]) Перетцъ, Григорій Григорьевичъ (1823—1883), преподаватель, историкъ литературы, сотрудникъ „Голоса".

Паульсонъ предполагаетъ изложить „историческій очеркъ стенографіи".

Скарятинъ—„о золотомъ промыслѣ въ Сибири и его будущности".

Перетцъ—„о поэзіи Некрасова по отношенію къ народности".

Предполагаютъ еще просить г.г. Костомарова, [1]), Сѣченова [2]) и Балинскаго [3]) (послѣдніе двое профессоры Медицинской Академіи).

X.

6 января 1866 г.

Справка [4]) о полковникѣ Лавровѣ.

Учитель Михайловскаго Артиллерійскаго училища, состоящій по полевой пѣшей артиллеріи полковникъ Петръ Лавровичъ Лавровъ [5]), впервые обратилъ на себя вниманіе въ сентябрѣ 1861 года, во время безпорядковъ въ здѣшнемъ университетѣ [6]). Онъ не только со-

---

[1]) Костомаровъ Николай Ивановичъ, историкъ.

[2]) Сѣченовъ, Иванъ Михайловичъ (род. 1829), извѣстный физіологъ.

[3]) Балинскій, Иванъ Михайловичъ (1827—1902), извѣстный психіатръ.

[4]) „Справка о полковникѣ Лавровѣ" и дополненія къ ней, помѣщенныя среди агентурныхъ донесеній, датированы 6 и 7 января 1866 г.—№ 13 и 14 за 1866 г.

*) Помѣта на поляхъ: „Доложено Е. В—тву и сообщено г. Военному Министру 8 января".

[5]) Впервые „дѣло о полковникѣ Лавровѣ" было заведено въ III Отдѣленіи с. е. имп. вел. канцеляріи въ іюнѣ 1862 г., въ связи съ предполагавшимся выѣздомъ его за-границу „для посѣщенія больной жены, находящейся на германскихъ минеральныхъ водахъ". Собравъ всѣ имѣвшіяся агентурныя свѣдѣнія и указавъ на близкія отношенія Лаврова съ арестованнымъ студентомъ С. Рымаренко, III Отдѣленіе признало „увольненіе за-границу полковника Лаврова преждевременнымъ". Въ началѣ 1866 г., въ связи съ развитіемъ публичной дѣятельности Лаврова и толками о его высокомъ положеніи въ революціонной партіи, были собраны вторично и сведены всѣ агентурныя о немъ свѣдѣнія, частью напечатанныя выше, частью не дошедшія до насъ. „Справка", какъ показываетъ помѣта, 8 января была доложена Александру II и сообщена къ свѣдѣнію военнаго министра. Она же, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послужила и причиной ареста П. Л. Лаврова.

[6]) О близкомъ участіи П. Л. Лаврова въ студенческомъ движеніи 1861 г. говорилось выше, но трудно сказать—было ли оно такъ активно, какъ рисуетъ справка, т.-е. присутствіе на сходкахъ, „воодушевленіе студентовъ" и „вмѣшательство въ ихъ буйныя дѣйствія"; между прочимъ, въ первой справкѣ, помѣщенной въ дѣлѣ III Отдѣленія, I эксп., № 230, ч. 141 (1862 г.) говорится, что Лавровъ, „особенно сочувствуя самовольнымъ дѣйствіямъ студентовъ, даже печаталъ статьи въ ихъ защиту". Къ сожалѣнію, ни провѣрить сообщаемые факты, ни найти упоминаемыя статьи пока не удалось. Н. В. Шелгуновъ въ своихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ „Юбилейномъ Сборникѣ Литературнаго Фонда, 1859—1909", Спб., стр. 401—405, пишетъ, что на другой день послѣ шествія студентовъ на Колокольную улицу къ квартирѣ попечителя Филипсона, во вторникъ вечеромъ, 26 сентября, въ кружкѣ артиллеристовъ, собиравшихся еженедѣльно у Лаврова, „университетская исторія была главнымъ предметомъ разговоровъ. Лавровъ откуда-то узналъ, что сдѣлано распоряженіе, чтобы въ среду у университета была наготовѣ вооруженная сила. Это извѣстіе всѣхъ очень встревожило... Чтобы предупредить всякія случайности, Лавровъ думалъ, что было бы лучше, если бы между собравшимися студентами было побольше офицеровъ, что тогда и командиры войскъ и солдаты будутъ сдержаннѣе и не рискнутъ рѣшительными дѣйствіями. Планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе такимъ образомъ: утромъ въ среду два артиллерійскихъ офицера встали по обѣимъ сторонамъ Литейнаго моста, у Литейной, и всѣхъ офицеровъ (академистовъ) и студентовъ-медиковъ, шедшихъ въ городъ, останавливали, объясняли имъ, что у университета будетъ сходка, что вызвано войско, что студентовъ надо выручить, и направляли идущихъ назадъ, черезъ мостъ, на Васильевскій островъ. Передъ университетомъ дѣйствительно собралась толпа студентовъ, и на этотъ разъ болѣе многочисленная; тутъ были и студенты, и штатскіе, и офицера". О близкомъ участіи въ студенческомъ движеніи Лаврова говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ („Гол. Мин." 1915, № 4) и Берви-Флеровскій.

чувствовалъ самовольнымъ дѣйствіямъ студентовъ, но даже присутствовалъ на ихъ сходкахъ, на университетскомъ дворѣ, воодушевляя ихъ словами и вмѣшательствомъ въ ихъ буйныя предпріятія. Присутствіе Лаврова на тѣхъ сходкахъ было замѣчено мѣстною полиціею, и онъ имѣлъ съ нею столкновеніе, за которое, равно какъ и за самое присутствіе его на сходкахъ, онъ подвергся замѣчанію со стороны своего начальства [1]). Вскорѣ за симъ Лавровъ принималъ главное участіе въ подпискѣ, составлявшейся въ пользу студентовъ, отказавшихся принять матрикулы [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ узнано было, что онъ собиралъ у себя на квартирѣ разныхъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ студентовъ, какъ университетскихъ, такъ и медицинскихъ, которымъ читалъ статьи политическаго содержанія и давалъ совѣты [3]). Съ этого времени Лавровъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, не только высказывалъ свой революціонный образъ мыслей, но и принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ происках, направленныхъ противъ правительства. Такъ, между прочимъ, дошли свѣдѣнія объ участіи его въ слѣдующихъ противузаконныхъ дѣлахъ:

1. Въ апрѣлѣ 1862 г. предположено было подать адресъ государю императору въ пользу государственнаго преступника Михайлова. Адресъ этотъ составленъ былъ Чернышевскимъ и Шелгуновымъ, и въ числѣ лицъ, подписавшихъ оный, было также имя Лаврова [4]).

2. Будучи членомъ закрытаго впослѣдствіи Шахъ-клуба, Лавровъ въ апрѣлѣ же 1862 года, въ числѣ 15-ти человѣкъ, подписалъ адресъ Государю Императору о необходимости даровать Россіи конституцію [5]).

3. Въ октябрѣ 1862 г. онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которые присутствовали на погребеніи барона Штейнгеля и которые

[1]) О выговорѣ Лаврову въ агентурномъ донесеніи отъ 2 октября 1861 г.,— см. выше, стр.

[2]) О подпискѣ въ пользу студентовъ говорится въ агентурномъ донесеніи отъ 4 октября 1861;—см. выше, стр. 74.

[3]) О вторникахъ у Лаврова, на которые собиралась молодежь, преимущественно изъ артиллеристовъ, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Н. В. Шелгуновъ („Юбил. сборникъ Литер. Фонда", стр. 404).

[4]) Арестъ М. И. Михайлова, 14 сент. 1861 г., какъ и студенческое движеніе 1861 г., вызвали очень горячій откликъ въ соотвѣтствующихъ кругахъ петербургскаго общества. Не слѣдуетъ забывать, что арестъ Михайлова былъ первымъ среди петербургскихъ литераторовъ. Понятно, что 15 сентября тридцать литераторовъ, собравшихся у гр. Кушелева-Безбородко, написали протестъ въ формѣ письма на имя министра народнаго просвѣщенія; 16 сентября съ такимъ же протестомъ обратились къ министру нар. просв. десять редакторовъ „Энцикл. Словаря". На обоихъ протестахъ подписался П. Л. Лавровъ; оба они напечатаны М. К. Лемке в „Полн. собр. сочин. и писемъ А. И. Герцена", т. XI, стр. 263—264, 264—265. Въ своемъ дневникѣ Е. А. Штакеншнейдеръ („Гол. Мин." 1916, № 4, стр. 45—46) пишетъ, что адресовъ, въ которыхъ литераторы просили Александра II „освободить Михайлова и ручались за его невинность", было нѣсколько; выбрали одинъ. „Между прочимъ, писалъ Лавровъ, но его отвергли за рѣзкость выраженій; онъ въ своемъ адресѣ, вполнѣ убѣжденный въ своихъ словахъ, писалъ: „Михайловъ настолько же виновенъ, насколько мы всѣ виновны". Такъ былъ онъ убѣжденъ въ невинности Михайлова, такъ были въ этомъ убѣждены Розенгеймъ и, кажется, Сергій-Соловьевичъ, составлявшій вмѣстѣ съ нимъ адресъ". Объ адресѣ, относящемся къ апрѣлю 1862 г., свѣдѣній в литературѣ пока не имѣется.

[5]) Замѣтку о Шахъ-клубѣ см. выше, стр. 77, въ агентурномъ донесеніи отъ 11 января 1862 г.

при этомъ сдѣлали демонстрацію, остановивъ погребальное шествіе передъ Петропавловскою крѣпостью для совершенія молебствія [1]).

4. Въ томъ же мѣсяцѣ на одной изъ дачъ Лѣсного Института были собранія либеральной партіи, на которыхъ присутствовалъ Лавровъ [2]).

5. На публичныхъ чтеніяхъ о философіи Лавровъ позволялъ себѣ разныя рѣзкія выходки, направляемыя противъ верховной власти и существующаго порядка, что побуждало публику громко рукоплескать ему [3]).

6. Когда въ началѣ 1865 г. учреждалось общество поощренія женскаго труда, то у Лаврова, составлявшаго вмѣстѣ съ Елисеевымъ уставъ этого общества, бывали домашнія собранія, на которыхъ рѣшено было выбрать Лаврова въ предсѣдатели исполнительнаго отдѣленія общества, въ тѣхъ видахъ, чтобы онъ, съ своей стороны, на основаніи 24 § устава общества, избралъ 11 членовъ; членами же

---

[1]) Декабристъ баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгель (1783—20 сентября 1862 г.). Похороны его происходили 24 сентября. Ко времени выноса тѣла собрались нѣкоторые писатели: историки—М. И. Семевскій. Іоак. Ив. Шишкинъ, М. Д. Хмыровъ, проф. П. Л. Лавровъ, Зотовъ, педагогъ Н. Х. Ваксель и другіе. 30 сентября Александру II было доложено, что Лавровъ, Семевскій, Шишкинъ, Хмыровъ и два неизвѣстныхъ лица настоятельно требовали, чтобы имъ дозволено было нести гробъ на рукахъ. „Генералъ-майоръ баронъ Штейнгель (сынъ покойнаго), хотя и не желалъ допустить этого, но, снисходя къ просьбѣ родныхъ, согласился, чтобы несли гробъ отъ церкви Косьмы и Даміана до Литейной улицы. Противъ арсенальной гауптвахты онъ хотѣлъ велѣть поставить гробъ на дроги, но несшіе гробъ воспротивились, и онъ дозволилъ донести его до конца Троицкаго моста. Поровнявшись съ крѣпостью, противъ того мѣста, гдѣ были повѣшены декабристы, полковникъ Лавровъ и другіе требовали, чтобы отслужили литію, но ген.-м. Штейнгель не допустилъ этого, просилъ ихъ удалиться и приказалъ поставить гробъ на дроги».—См. біографію бар. Вл. И. Штейнгеля, написанную В. И. Семевскимъ—„Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в.“, т. I. Декабристы. Спб., 1905, стр. 320.

[2]) Вѣроятно, на дачѣ гр. Григорія Александровича Кушелева-Безбородко.

[3]) „Три бесѣды о современномъ значеніи философіи“ (1. Что такое философія въ знаніи?—2. Что такое философія въ творчествѣ?—3. Что такое философія въ жизни?), прочитанныя П. Л. Лавровымъ 22, 25 и 30 ноября 1860 г. въ зданіи Пассажа въ пользу Литературнаго Фонда, были напечатаны въ „Отеч. Запискахъ“ 1861, № 1, стр. 91—142, отдѣльнымъ изданіемъ и перепечатаны въ 2-мъ вып. первой серіи „Собранія сочиненій П. Л. Лаврова“. Петр., 1918, стр. 97—152. Въ противоположность агентурнымъ донесеніямъ, приписывающимъ рукоплесканія „рѣзкимъ выходкамъ, направляемымъ противъ верховной власти и существующаго порядка“, Е. А. Штакеншнейдеръ въ своемъ дневникѣ („Русск. Вѣстникъ“ 1901, № 8, стр. 417 сл.) подчеркиваетъ, что Лавровъ „не потѣшилъ публику ни одной забористою, модною фразою, на которыя она такъ падка и за которыя всегда награждаетъ рукоплесканіями; она и рукоплескала, но не въ серединѣ рѣчи, а когда онъ входилъ, особенно же когда кончилъ“. Во второй лекціи аплодисменты „прорывались и въ срединѣ рѣчи, хотя и на этотъ разъ Лавровъ не дѣлалъ ничего, чтобы угодить толпѣ и кинуть ей то, что она привыкла нынѣ ловить и чѣмъ привыкла тѣшиться, то, къ чему въ настоящее время пріучили ее и пишущіе и говорящіе стихами и прозой“. Совершенно вѣрно,—Лавровъ не бросилъ (судя, по крайней мѣрѣ, по печатному тексту) ни одной „забористой модной фразы“, но въ каждой лекціи были отдѣльные намеки на политическія событія, которыя слушатели могли толковать въ примѣненіи къ россійской дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе, не это создало успѣхъ Лаврова: онъ захватилъ широкую публику, о чемъ свидѣтельствуютъ не только лица, близко знакомыя Лаврову и симпатизирующіе ему, но и отчеты о лекціяхъ, помѣщенные въ различныхъ современныхъ органахъ (См. поправку П. Витязева—„Гол. Мин.“ 1915, № 12, стр. 138—139), и своею рѣчью, и обиліемъ познаній, и ясностью изложенія, и животрепещущими затронутыми вопросами. Лекціи Лаврова очень увеличили его извѣстность и были своеобразнымъ событіемъ дня; по словамъ Е. А. Штакеншнейдеръ, на третьей лекціи «былъ уже не успѣхъ, а тріумфъ».

предполагалось назначить все лицъ самыхъ крайнихъ политическихъ убѣжденій, причемъ, безъ сомнѣнія, имѣлась въ виду революціонная пропаганда. Но учредители общества, бывъ во-время предупреждены о помянутомъ намѣреніи, дали дѣлу другое направленіе [1]).

7. Въ одномъ изъ бывшихъ въ началѣ 1865 г. собраній общества Литературнаго Фонда Лавровъ предложилъ выдать денежное пособіе Чернышевскому и ходатайствовать у правительства о пересмотрѣ его дѣла, рѣшеннаго будто-бы незаконно и явно пристрастно. Но предсѣдатель общества отклонилъ предложеніе Лаврова [2]).

Въ то же время Лавровъ представлялъ въ Цензурный комитетъ рукописный переводъ „Политической экономіи“ Милля, составленный Чернышевскимъ, и нѣсколько его оригинальныхъ статей, прося разрѣшить напечатаніе этихъ сочиненій съ обозначеніемъ имени Чернышевскаго; но Цензурный комитетъ въ просьбѣ этой отказалъ.

Наконецъ, Лавровъ, будучи членом С.-Петербургскаго земскаго собранія, и тутъ выказалъ свои противуправительственныя стремленія [3]).

---

[1]) Агентурное донесеніе объ участіи Лаврова въ „Обществѣ женскаго труда“ почти во всѣхъ деталяхъ, совершенно неожиданно, сходится съ записью объ этомъ фактѣ въ дневникѣ А. В. Никитенко (27 февр. 1865 г. т. II. Спб., 1905, стр. 222—223). Это показываетъ, что оба они вышли изъ одного источника, т.-е. изъ слуховъ, распространявшихся по городу, такъ какъ самъ Никитенко никакого отношенія къ Обществу не имѣлъ. Между тѣмъ, объ этомъ Обществѣ сохранились воспоминанія непосредственныхъ участниковъ, позволяющие нарисовать другую картину.—Конечно, Общество, задуманное дѣйствительно Лавровымъ, не имѣло въ виду революціонной пропаганды. Изъ исторіи женскаго движенія 60-хъ г.г. видно, что оно явилось логической попыткой создать трудовую помощь женщинамъ и упорядочить условія ихъ заработка. Помимо этого, агентурное донесеніе сообщаетъ рядъ невѣрныхъ деталей. Уставъ былъ разработанъ Лавровымъ, но не съ Гр. З. Елисеевымъ, а съ Ап. Конст. Кривошеинымъ и Анной Ник. Энгельгардъ; списокъ кандидатовъ въ правленіе былъ составленъ совмѣстно съ другими; самъ Лавровъ въ него не входилъ; намѣчены были: гр. Ростовцева, А. П. Философова, Н. В. Стасова, Трубникова, М. Г. Ермолова, Бекетова, Кривошеинъ, Елисеевъ, Антоновичъ—большинство изъ нихъ лица, далеко „не самыхъ крайнихъ убѣжденій“. Оппозиція же, дѣйствительно состоявшая, преимущественно, изъ лицъ, приглашенныхъ Лавровымъ, шла на первомъ же собраніи противъ самого Лаврова и требовала, чтобы правленіе состояло не только изъ „аристократокъ“, но, хотя бы на половину, изъ лицъ, „непосредственно занятыхъ и причастныхъ къ труду“. Офиціальные же учредители Общества— гр. Ростовцева и А. П. Философова—противились этому. Въ общемъ, во всей этой исторіи, по словамъ Е. А. Штакеншнейдеръ, оказался козломъ отпущенія самъ Лавровъ. „Онъ мечталъ посадить нигилистовъ и аристократовъ за одно общее дѣло, „за одинъ столъ“, какъ онъ выражался, и—не успѣлъ въ этомъ. Мало того, что не успѣлъ, но и озлобилъ ихъ,—и озлобилъ ихъ прежде всего противъ себя самого“.

Свѣдѣнія объ „Обществѣ“ см. — М. Антоновичъ. По поводу статьи Русанова—„Былое“ 1907, № 4, стр. 296—297;—В. Стасовъ. Надежда Вас. Стасова. Спб., 1899, стр. 68—69;—Сборникъ памяти А. П. Философовой, т. I. Петр., 1915, стр. 125—134—А. В. Тыркова. А. П. Философова и ея время;—особенно воспоминанія Е. Жуковской-Пѣшиной въ томъ же „Сборникѣ“, т. II, стр. 21 сл. и Е. А. Штакеншнейдеръ, Изъ дневниковъ—«Гол. Мин.» 1916, № 4, стр. 50 сл.

[2]) Предложеніе это было внесено Лавровымъ на собраніи 6 марта 1865 г. (См. Никитенко, Дневникъ. Спб., 1905, т. II, стр. 223). Предсѣдателемъ Литер. Фонда былъ Е. П. Ковалевскій.

[3]) П. Л. Лавровъ, какъ петербургскій домовладѣлецъ, былъ гласнымъ Петерб. Городской Думы и Петерб. Губернск. Земскаго Собранія. Никакихъ данныхъ объ этой сторонѣ его дѣятельности не сохранилось, и печатаемое дополненіе къ справкѣ даетъ хотя и сомнительныя, но все-таки первыя свѣдѣнія.

Въ минувшемъ году полковникъ Лавровъ былъ отпущенъ заграницу на четыре мѣсяца. Вскорѣ послѣ его возвращенія въ С.-Петербургъ, онъ лишился жены.

---

7 января 1866 г.

Дополнительная справка о полковникѣ Лавровѣ.

Полковникъ Лавровъ, избранный, какъ домовладѣлецъ, въ число гласныхъ перваго Земскаго собранія, въ засѣданіяхъ онаго, когда рѣчь шла о правительственной администраціи или о самомъ правительствѣ, всегда старался говорить не въ пользу сего послѣдняго. Не имѣя самъ никакихъ практическихъ познаній въ земскомъ дѣлѣ, онъ пытался дѣйствовать не столько на гласныхъ, сколько на публику пышностью не идущихъ къ дѣлу фразъ, въ которыхъ единственно поддерживалъ идею о самостоятельности земскихъ учрежденій. Поведеніе, даже въ частной жизни, нашихъ дворянъ подверглось также укоризнамъ Лаврова;—темная же сторона простолюдина ставилась имъ прямо въ вину правительству. Это онъ высказалъ тѣмъ, что размноженіемъ кабаковъ правительство поддерживаетъ въ народѣ нравственное и физическое растлѣніе.

Когда-же разсматривался предложенный Ямбургскимъ и Царскосельскимъ Земскими собраніями проектъ мѣръ къ охраненію лѣсовъ, Лавровъ прочелъ собранію свой проектъ, въ которомъ, не высказавъ ни одной здравой мысли, предлагалъ устранить высшую администрацію отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла по охраненію лѣсовъ. Онъ говорилъ, что интересы лѣсовладѣльца должны идти рядомъ съ интересами цѣлаго края, а администраціи не всегда близки интересы сего послѣдняго.

XI.

11 мая 1866 г.

Много [1]) говорятъ о томъ, что аресты, дѣлаемые графомъ Муравьевымъ [2]), убьютъ совершенно нашу литературу, которая только недавно начала проявляться въ духѣ времени. Къ этому нѣкоторые

---

[1]) Свѣдѣнія извлечены изъ листка отъ 11 мая 1866 г., озаглавленнаго „городскіе слухи и толки“ (№ 397—Агент. свѣдѣнія 1866 г.).

[2]) Считая, что покушеніе 4 апрѣля явилось слѣдствіемъ „полнаго нравственнаго разврата молодого поколѣнія, поощряемаго и направляемаго впродолженіе многихъ лѣтъ необузданностью журналистики, которая... колебала основы религіи, общественную нравственность, чувство вѣрноподданической преданности къ государю и повиновеніе властямъ“ („Завѣты“ 1914, № 4, с. 81—изъ всеподдан. доклада гр. Муравьева по дѣлу 4 апрѣля 1866 г.), гр. Муравьевъ, тотчасъ по вступленіи въ должность предсѣдателя Слѣдственной Комиссіи, распорядился объ арестѣ огромнаго количества лицъ, принимав ихъ участіе въ литературѣ, въ различныхъ неразрѣшенныхъ и полуразрѣшенныхъ артеляхъ, легальныхъ обществахъ и т. п. Кромѣ литератора - этнографа И. А. Худякова, имѣвшаго близкое отношеніе къ „каракозовскому дѣлу“, наиболѣе пострадали лица, близко стоявшіе къ редакціи „Современника, и „Русскаго Слова“: Гр. Зах. Елисеевъ, помогавшій ишутинскому кружку въ хлопотахъ о правительственномъ разрѣшеніи устроить заводъ на артельныхъ началахъ, Григ. Евл. Благосвѣтловъ, издатель „Русск. Слова“, Варф. Ал-др. Зайцевъ, сотрудникъ „Соврем.“ и „Рус. Слова„, Вас. Степ. Курочкинъ, издатель „Искры“, его братъ поэтъ Ник. Ст. Курочкинъ, поэтъ-юмористъ, Дм. Дм. Минаевъ, Ник. Вас. Соколовъ, авторъ уни-

добавляютъ, что литераторы, подавъ адресъ Государю [1]), надѣялись, что его величество прикажетъ выпустить нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ ихъ собратій, но расчетъ этотъ оказался не вѣренъ.

Удивляются, какъ литераторъ Минаевъ [2]), крайній нигилистъ и либералъ, до сихъ поръ не арестованъ *). Арестомъ Лаврова [3]) многіе очень довольны, говоря, что онъ стремился только къ умственному развращенію молодежи.

чтоженной книги „Отщепенцы“ (Спб., 1869), Вл. Викт. Чуйко, Петръ Л. Лавровъ и многіе другіе. Вполнѣ естественно, что за совершенною непричастностью къ дѣлу всѣ они были черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выпущены на волю. Объ арестахъ въ Петербургѣ въ литературномъ мірѣ см. статью В. Евгеніева въ „Голосѣ Минувш.“ 1915, № 1 (Редакція „Современника“ въ 1866 г. по воспоминаніямъ Г. З. и Е. П. Елисеевыхъ).

[1]) Неизвѣстно о какомъ адресѣ говорится въ агентурныхъ донесеніяхъ. Въ „Сборникѣ извѣстій, адресовъ, телеграммъ... 4 апрѣля 1866 г.“ (Спб., 1866) на стр. 221—223 напечатанъ адресъ отъ „Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“; кромѣ того, въ сборникѣ, изданномъ тѣмъ же Обществомъ („XXV лѣтъ. 1859—1884. Спб., 1884, стр. 61), говорится о желаніи петербургскихъ литературныхъ дѣятелей созвать экстренное засѣданіе Общества для составленія всеподданнѣйшаго адреса. О таковомъ же намѣреніи петербургскихъ литераторовъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Гр. Зах. Елисеевъ („Гол. Мин.“ 1915, № 1, стр. 15—16), который даже самъ былъ въ комитетѣ по составленію адреса, вмѣстѣ съ В. Д. Спасовичемъ и И. А. Колюпановымъ. Но, находясь въ разстроенномъ состояніи, въ ожиданіи своего ареста, онъ не помнитъ „какъ составлялся адресъ, былъ-ли онъ написанъ, былъ-ли принятъ и отправленъ“.

[2]) Извѣстный поэтъ-юмористъ и переводчикъ, „король рифмы“ Дм. Дм. Минаевъ (1835—1889) былъ арестованъ 12 апрѣля и выпущенъ 21 августа 1866 г. Къ какому-либо политическому обществу Минаевъ не принадлежалъ, и, конечно, не имѣлъ даже самаго отдаленнаго отношенія къ Каракозовскому дѣлу; похоже на то, что весь его „крайній нигилизмъ и либерализмъ“ заключался въ „вольныхъ разговорахъ“ въ ресторанѣ въ „подпитіи“, да въ хлещущихъ сатирахъ на злобу дня. Кстати сказать, секретные агенты III Отдѣленія имѣли очень смутное понятіе о нигилизмѣ. Принимавшіе участіе въ интеллигентныхъ артеляхъ, возвращавшіеся домой въ 3—4 часа ночи, разошедшіеся съ женами или мужьями, жившіе въ гражданскомъ бракѣ или въ „коммунахъ“, принимавшіе участіе въ литературныхъ и общественныхъ организаціяхъ—всѣ зачислялись въ разрядъ «отчаянныхъ» нигилистовъ и «либераловъ». Немудрено, что и Минаевъ, ѣдко отзывавшійся на злобы дня, былъ также причисленъ къ лику «опасныхъ государственныхъ преступниковъ».

*) Помѣтка на полѣ: „Уже исполнено. 12 мая“.

[3]) Поводомъ къ аресту—25 апрѣля 1866 г.—П. Л. Лаврова послужило его участіе въ „Издательской артели“, въ которой находились также врачъ С. А. Кобылинъ, у котораго жилъ Каракозовъ въ Петербургѣ, и полк. А. В. Путята, на котораго Каракозовъ указалъ, какъ на вліятельнаго члена „константиновской“ партіи. Конечно, П. Л. Лавровъ не былъ никакъ причастенъ къ Каракозовскому дѣлу; тѣмъ не менѣе, однимъ изъ послѣднихъ распоряженій гр. Муравьева, передъ его уходомъ съ должности предсѣдателя Слѣдственной Комиссіи, было „испрошеніе высочайшаго соизволенія“ на преданіе Лаврова военному суду, который за „неуваженіе“ къ Николаю I и Александру II, за „сочувствіе и близость къ людямъ, извѣстнымъ своимъ преступнымъ направленіемъ“ и за „проведеніе вредныхъ идей“ приговорилъ, какъ извѣстно, его къ ссылкѣ на житье въ одну изъ внутреннихъ губерній, которой, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, оказалась Вологодская губ.—См. еще „Былое“ 1906, № 8, с. 35—38 (Къ процессу П. Л. Лаврова);—тамъ же 1907, № 2, стр. 287—296 (Стихотвореніе Лаврова «Отзывъ на манифестъ») и статью Н. Русанова, «Былое 1907, № 2, тр. 243—286 (П. Л. Лавровъ), перепечатанную въ его кн. «Соціалисты Запада Россіи». (Спб., 1909).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе 3

Біографическія статьи и замѣтки.

П. Витязевъ. П. Л. Лавровъ, въ 1870—1873 г.г. 7

Письма Петра Лавровича Лаврова:

М. Н. Лонгинову (1861—1863) 29
Я. П. Полонскому (1862) 32
Ж. А. Рюльманъ (1866) 33
М. П. Лаврову (1870) 34
П. Н. Полевому (1870) 40
М. А. Марко-Вовчокъ (1871) 40
Н. И. Карѣеву (1879—1880) 43
В. И. Іохельсону (1882) 50
В. Я. Яковлеву (1896) 55
З. Э. Полянской (1892—1898) 64

Архивные документы и материалы:

П. Л. Лавровъ въ агентурныхъ донесенияхъ „секретныхъ сотрудниковъ“ III Отдѣленія. Собралъ и подготовилъ къ печати *А. А. Шиловъ* 69

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

„КОЛОС“.

ПЕТРОГРАД, Литейный, 21, кв. 14, тел. 83—82. | **МОСКВА, Никитская, 22, тел. 54—14.**

Вышли из печати:

I. **Жюль Валлес.** „Инсургент 1871 г.“ со статьей А. Г. Горнфельда—„Роман отщепенца“.

II. **В. М. Бехтерев.** Коллективная рефлексология.

III. **Материалы для биографии П. Л. Лаврова, вып. I.**

IV. **Густав Шпет.** Философское мировоззрение Герцена.

V. **П. Л. Лавров.** Задачи нравственности.

Печатаются:

I. **„П. Л. Лавров“**, коллективный сборник статей.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) професс. *Э. Л. Радлов.* Лавров в русской философии, 2) *П. В. Мокиевский.* Лавров, как философ, 3) професс. *Г. Г. Шпет.* Антропологизм Лаврова в свете истории философии, 4) *Т. И. Райнов.* Генезис философских воззрений Лаврова. 5) *А. А. Гизетти.* Лавров, как историк мысли, 6) *А. З. Штейнберг.* Философия истории Лаврова, 7) професс. *Я. Л. Барсков.* Лавров, как методолог истории, 8) професс. *А. В. Васильев.* Лавров и его работа по истории физико-математических наук, 9) *Н. А. Морозов.* Лавров в истории русской науки, 10) професс. *Н. И. Кареев.* Лавров, как социолог, 11) професс. *П. А. Сорокин.* Основные проблемы социологии Лаврова, 12) *Я. И. Новомирский.* Лавров и анархо-большевизм, 13) професс. *И. И. Лапшин.* Эстетическое мировоззрение Лаврова, 14) *Иванов-Разумник.* Лавров и Герцен, 15) *П. Витязев.* Лавров и К. Маркс. 16) *А. А. Гизетти.* Лавров и Вл. Соловьев, 17) проф. *Д. Н. Овсянико-Куликовский.* Воспоминания о Лаврове, 18) *Э. А. Серебряков.* П. Лавров (по личным воспоминаниям), 19) *Л. Ф. Пантелеев.* Из воспоминаний прошлого—Лавров, 20) *П. Витязев.* Материалы для библиографии Лаврова.

II. **А. Г. Горнфельд.** Пути творчества.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Вводная статья, 2) Муки слова, 3) О толковании художественных произведений, 4) Будущее искусства, 5) Об одной фамилии Л. Н. Толстого, 6) Новые словечки и старые слова.

III. **П. Н. Столпянский.** „Революционный Петербург“. Опыт топографической истории русского революционного движения.

IV. **„Искусство и Народ“**, коллективный сборник статей под редакцией **К. Э. Эрберга.** В сборнике участвуют—А. А. Гизетти, К. Эрберг, Ар. Авраамов, Федор Сологуб, В. Я. Курбатов, П. П. Гайдебуров, проф. Ф. Зелинский, Б. Кушнер и Евг. Лундберг.

V. **Г. Г. Шпет.** Очерк развития русской философии в 2-х частях.

Подготовляются к печати:

I. **Иванов-Разумник.** Оправдание человека.

II. **П. А. Сорокин.** Голод, как фактор.

III. **Биографическая библиотека:** **Н. Эфрос**—А. Н. Островский; **И. Игнатов**—И. С. Тургенев; **И. Игнатов**—Н. И. Пирогов; **И. Игнатов**—П. С. Мочалов, **О. Форш**—А. А. Иванов.

9/7/73

